Пространство Перевода

Аврелий ПРУДЕНЦИЙ Клемент

СОЧИНЕНИЯ

Перевод
РОМАНА ШМАРАКОВА

Сочинения
Аврелий Пруденций Клемент

Аннотация
Аврелий Пруденций Клемент. Сочинения
Разумный Пруденций
Вступление
Психомахия
  Психомахия
Перистефанон
Диттохеон
Эпилог
Комментарии
  Вступление
  Психомахия
  Перистефанон
  Диттохеон
  Эпилог
Именной указатель
Литература
Сокращенные обозначения произведений Пруденция

Аннотация

Аврелий Пруденций Клемент (348 — после 405) — крупнейший христианский поэт латинской Античности. Сделав карьеру как римский администратор высокого уровня, Пруденций занялся поэзией уже на склоне лет, стяжав славу «Христианского Горация» и родоначальника аллегорической поэмы. Книга впервые знакомит русского читателя с двумя крупными произведениями Пруденция — поэмой «Психомахия», в вергилиевском духе изображающей сражение олицетворенных добродетелей и пороков, и циклом гимнов «Перистефанон», воспевающим христианских мучеников.

Аврелий Пруденций Клемент
Сочинения

Разумный Пруденций

О поэте, применительно к которому так много раз упоминали «центонную технику», лучшей вступительной статьей была бы составленная из цитат, набранных здесь и там из предисловий к Вергилию. Поскольку, однако, выполнить это было бы крайне затруднительно, ограничимся лишь разноголосицей мнений.

* * *

Я носился от наслаждения к наслаждению. Едва я входил в переднюю, и вот с одной стороны противустоящие игроки в мяч сгибались среди круговращательных движений *катастроф*, с другой — среди соревновательных кличей игроков слышался непрестанный шум гремящих стаканчиков и костей; здесь книг вдосталь, готовых к чтению (казалось, видишь то ли полки грамматиков, то ли ряды Атенеума, то ли нагроможденные шкафы книгопродавцев): но так, что книги подле кресел матрон были благочестивого склада, те же, что подле скамей отцов семейства, возвышались котурном лацийского витийства; были впрочем некие сочинения неких авторов, сохраняющие схожесть слога в несхожих темах: ведь почасту читаемы бывали сходной искусности мужи: здесь Августин — там Варрон, здесь Гораций — там Пруденций.

Сидоний Аполлинарий, Послания, II,

9, 4[1].

Пруденций, муж, сведущий в светской словесности, составил *Trocheum*[2], выбрав лица из Ветхого и Нового Заветов. Он также сочинил в греческой манере комментарий на шестоднев о сотворении мира[3], до создания первого человека и его прегрешения. Составил он также книжицы, коим дал греческие названия, *Апотеосис, Психомахия, Гамартигения*, то есть *О божестве, О духовной брани, О происхождении грехов.* Написал он также *В похвалу мученикам*, побуждение к мученичеству в одной книге, приводя некоторых в пример, и еще другую книгу *Гимнов*, особливо направленную против Симмаха, защищающего идолопоклонство, из коей мы узнаем, что он служил в Палатинской гвардии[4].

---

[1] Примечания: 1

Пер. по изд. Сидония в Loeb classical library (*Sidonius.* Poems. Letters, transl. by W.B. Anderson, vol.I, p. 452). *...схожесть слога в несхожих темах* (in causis disparibus dicendi parilitatem). — Т. е. и христианские, и языческие сочинения, как явствует из дальнейшего перечисления.

Первые упоминания Пруденция концентрируются в Галлии: Сидоний (472 г.), Геннадий Массилийский (конец V в.), Авит (начало VI в.), затем Григорий Турский, использующий и цитирующий многие его произведения, и Венанций Фортунат. Эннодий Павийский (473–521), родом из Галлии, тоже читал Пруденция и использовал в гимне св. Евфимии (*Carm.* I, 17) алкеев одиннадцатисложник ката στίχον (ср. *Perist.* XIV). См. Fux 2003, 92.

[2] Примечания: 2

В рукописях: Trocheum, Troceum, Trocetum, Tropeum. Есть конъектуры

Dittochaeon или *Diptychon.*

[3] Примечания: 3

Гексамерон Пруденция упоминается позднее Ноткером Заикой. Пруденций его в *Praef.* не упоминает, и до нас он не дошел; возможно, это утраченное или отвергнутое самим автором произведение.

[4] Примечания: 4

Имеется в виду не вступление к *Symm.*, а *Praef.* 19–21: Tandem *militiae gradu* / evectum pietas principis extulit / adsumptum propius stare iubens *ordine proximo*. Геннадий понимает *militia* как военную службу, хотя это может означать и гражданскую.

Геннадий Массилийский, О знаменитых мужах.

Дева Божия, ты, которую красят святыми

Нравами вера и стыд, с оружьем внутренним смело

Войны вершишь, кои враг свирепый на праведных движет,

Верная будет тебе счастливым шеломом надежда,

Чресла объемлет твои стыда драгоценного пояс,

Праведности броня твое укрепит одеянье,

Вместо меча да блюдет тебя изощренное слово.

Доблести средства сии, сии утешенья во брани

Изображая, души различные с телом сраженья

Благоразумными встарь воспел Прудениций устами.

***Алцим Авит, Похвала чистоте*[5].**

Если Марон или Флакк, Назон иль Персий пугает,

Если Лукан тебе, если Папиний постыл,

Сладостный равен им был избранною речью Пруденций,

Многоразличьем стихов славу довольну стяжав.

***Исидор Севильский*[6].**

---

[5] Примечания: 5

PL 59, 376. *Верная будет тебе счастливым шеломом надежда…* — Ср. Еф.6:14–17. *Благоразумными встарь воспел Пруденций устами.* — Этимологическая игра: *prudenti… Prudentius*. Вслед за Авитом к ней прибегли в VI в. Венанций Фортунат в «Житии Мартина», I, 19 (*Prudens prudenter Prudentius immolat actus*: PL 88, 365), в каролингскую эпоху — Теодульф Орлеанский (о котором ниже) и Ноткер Заика: «Если же ищешь и стихов (metra), не надобны тебе языческие басни, но располагаешь в христианстве благоразумнейшим Пруденцием, о начале мира, о мучениках, о хвале Божией, об отцах Нового и Ветхого Завета сладостнейше поющим, столкновение доблестей и пороков в тропологической сладости отрадно излагающим, противу еретиков и язычников жесточайше бьющимся» (PL 131, 1000); и еще в середине XIII в. — Эберхард Немецкий в перечне авторов в «Лабиринте», ст. 659 сл.: *Virtutem prudens Prudentius armat in hostem; / quo vitio victo gaudeat, iIIe docet*.

[6] Примечания: 6

PL 83, 1109.

И Аврелий Пруденций Клемент, консуляр и образованнейший из иберийцев, пылая тем же рвением веры и набожности, многое сочинил в метрической форме о славе святых и их заступничестве по мольбам.

***Дунгал Затворник, Против Клавдия Туринского*[7].**

393 год. — Ужасное знаменье явилось на небе, во всём подобное колонне. В Испании славится Пруденций, лирический поэт.

---

[7] Примечания: 7
PL 105, 519.

407 год. — Скиф Радагайс, с двумястами тысячами готов, придя из Скифии, вторгается в Италию. От этого поднимается великий ропот хулящих Христа, и обвиняющие [в этих бедствах] христианское время превозносят благополучие язычества. Среди них неистовствовал преимущественно оратор Симмах, понуждавший и письмами к идолопоклонству и к восстановлению алтаря Победы. Уста этих лаятелей, бросив им кость истины, заградили Августин книгой о граде Божием и Орозий своей Историей. Также и поэт Пруденций светлою книжицею метрического сочинения отражает Симмаховы хулы.

***Сигеберт из Жамблу, Хроника*[8].**

[8] Примечания: 8
PL 160, 69, 73.

Послал я также книжицу, или письмо, блаженного Амвросия против речи Симмаха, префекта Города и язычника, который от имени сената просил у императоров вернуть в Город идолопоклонство. И хоть в своей речи он оказует себя изощреннейшим оратором, однако ему и в прозаической, и в метрической форме как вышеназванный достопочтенный отец, так и наш знаменитый поэт Пруденций отвечали весьма сильно.

***Петр Достопочтенный, Послания, I, 24*[9].**

Аврелий Пруденций Клемент, в латинской словесности с великим тщанием и равною страстью наставленный, как свидетельствуют Геннадий и Исидор; от каких он произошел родителей, мне не сделалось известно из чтения древних авторов. Некоторые полагают, что он был родом испанец. Ранние годы он потратил на судебную деятельность и был занят в гражданской службе. Затем, продвинувшись к высшим и славнейшим санам, добрался до воинской префектуры (ad Praefecturam militiae) попечениями и благорас-

---

[9] Примечания: 9
PL 189, 106.

положением Феодосия Цезаря. Это достаточно понятно как и из других соображений, так в особенности из этого стихотворения Пруденция:

Под законов властительством
Знатных градов бразды правил двукратно я,
Правосудье давал добрым мужам, страшен злодеям был.
Наконец на высокую
Службы степень взнесла милость владычняя.

Доныне сохраняются его произведения, составленные в многочисленных и разнообразных родах стиха; из них легко удостоверяется, что по условиям времени (pro conditione temporum) он самый выдающийся среди христианских поэтов, не только утонченными словесными фигурами, но и важностью речений. Сидоний Аполлинарий, автор, отнюдь не заслуживающий презрения по части чтения и наблюдения над древними писателями, когда говорит о поэте Пруденции, ничуть не устрашается сочетать с ним Горация. Особую хвалу заслужил он, по суждениям людей ученых, за сочинение, где описывает честность и стойкость тех, кои пожертвовали собой

ради христианской веры: подобающим образом прославляются божественный Лаврентий, Винценций, Роман, Ипполит, Кассиан и иные многие. Похваляют также его стихи о Рождестве Господнем, и о деяниях и чудесах Христовых, об очищении души, о столкновении пороков и доблестей. Преследовал он с пылкостью, во множестве стихов, неприятелей христианского имени, а наипаче Симмаха консуляра, чьи высказывания и ученость порицает он в объемном сочинении. Вполне ясно, что Пруденций достиг глубокой старости и, наделенный многочисленными санами, скончался.

***Пьетро Кринито, О латинских поэтах, V, 90*[10].**

Пруденций, поэт, настолько дышащий и благочестием, и священною ученостью, что заслуживает быть причтенным к важнейшим учителям Церкви.

Пруденций — муж, коего в любом веке должно числить меж людей ученых.

***Эразм Роттердамский*[11].**

---

[10] Примечания: 10

Petri Criniti… de honesta disciplina, lib. XXV, poetis Latinis, lib.V, et Poematon, lib. II. Apud Iacobum Chouet, 1598. P. 804–806.

[11] Примечания: 11

Пер. по: PL 59, 756.

В высокой цене был Пруденций у Аркадия и Гонория, ибо подавал им пример, коему подобало следовать, в описываемых им героях католической веры. Его же и тебе подает сей наивысший поэт. Будешь к нему благосклонен, я полагаю, и человека, цветущего славою гения и благочестия, который по несправедливости прежних времен был столь долго пренебрегаем, примешь приветливо, как обыкновенно принимал и прочих. А в жизни Пруденция тому подивись, что хотя он много сказал о разных ересях, однако ничего не написал, что могло бы быть истолковано в худшую сторону и дать повод к обвинению в заблуждениях. И более того — как из чистого ключа можем мы впивать из его писаний все догматы святой римской Церкви, наипаче те, что относятся к таинству Троицы, Рождеству и Божеству Христа, непорочности Девы Марии, культу святых, их благодати у Бога и их могуществу. Посему сколько ни было ученых мужей, авторитетом Пруденция они никоим образом не пренебрегали.

***С. Шамиллар*[12].**

---

[12] Примечания: 12

Иезуит, издатель Пруденция (Париж, 1687); цитата из его *Epístola dedicatoria*, пер. по PL 59, 757.

Аббат Галиани справедливо обвиняет Вольтера за лексиконские и грамматические примечания его на Корнеля, в которых уличал он трагика, что такое-то слово, такое-то выражение, употребленное им, неправильно по-французски. «Так же было бы глупо уверять меня, — прибавляет аббат в своенравном движении полуденной живости, — что Цицерон и Виргилий, хотя итальянцы, не так чисто писали по-итальянски, как Боккаччио и Ариост. Какое дурачество! Каждый век и каждый народ имеют свой живой язык, и все равно хороши. Каждый пишет на своем. Мы не знаем, что поделается с французским, когда он будет мертвым языком; но легко случиться может, что потомство вздумает писать по-французски слогом Монтаня и Корнеля, а не слогом Вольтера. Мудреного тут ничего бы не было. По-латыни пишут слогом Плавта, Теренция, Лукреция, а не слогом Пруденция, Апполинария и прочих, хотя римляне, без сомнения, были в IV веке более сведущи в астрономии, геометрии, медицине, литературе, чем во времена Теренция и Лукреция. Это зависит от вкуса, а мы не можем предвидеть и угадать вкус потомства, если притом будет у нас потомство и не вмешается в это дело общий потоп».

***П. Вяземский*[13].**

Много-ли поэтов видим мы в одряхлевшей Греции, при владычестве Римлян? Где поэты в Риме при Императоре Феодосии Великом? Не Пруденциус-ли, не Клавдианус-ли будут их представителями?

***Н. Полевой*[14].**

Он охотно листал *Психомахию* Пруденция, изобретателя аллегорической поэмы, которая позднее будет безостановочно свирепствовать в Средние века.

***Ж.-К. Гюисманс, Наоборот*[15].**

---

[13] Примечания: 13

МТ. 1827. Ч.14. Цит. по: Вяземский 1984, 71.

[14] Примечания: 14

МТ. 1832. Ч.44. № 5. С.111.

[15] Примечания: 15

«Il aimait mieux feuilleter la *Psychomachia* de Prudence, l'inventeur du poème allégorique qui, plus tard, sévira sans arrêt, au Moyen Âge». — Фрагмент из III главы романа (1884), в которой описывается круг чтения дез'Эссента («пустынножителя декадентства», как его назвал Н.А. Бердяев).

Отличительными чертами этого поэта-христианина являются пылкий патриотизм римлянина, уменье облечь религиозную мысль в пластический символ и чисто испанский реализм изображаемых картин. В его изображении страданий некоторых мучеников мы чувствуем соотечественника Рибейры, а картиной толпы нищих и увечных в его поэме о Св. Лаврентии он, казалось, предупредил описание Двора Чудес. Видно, что поэту по душе все эти ужасы, но он умеет подняться и выше их; хотя его изображение Сатаны в *Hamartigeneia* нельзя сравнивать с Сатаной Мильтона, но оно жизненно и дышит силой.

***Е. Нажотт*[16].**

[16] Примечания: 16

История латинской литературы, от ея начала до VI века нашей эры, написанная Е. Нажоттом, профессором древней литературы в Безансоне / Пер. З.Н. Шамониной с 5-го издания. Предисл. акад. Ф.Е. Корша. М., 1914. с. 655.

Лучший христианский мастер классической поэзии цинически использует свое искусство против его былых источников и против его будущей жизни. В отличие от Ювенка, Пруденций не сочиняет эпос; он использует эпос, чтобы сочинить аллегорию. История средневековой литературы подтвердит, что в то время как аллегория зажила могучей жизнью, эпос никогда не был полностью восстановлен из трактовки, данной ему Пруденцием.

***М. Смит*[17].**

Слова неистовствуют в произведениях Пруденция. Он по ту сторону барокко. Читающие на латыни, незнакомые с литературой поздней античности, которые берут *Перистефанон* или *Психомахию* с намерением встретить произведение христианского Горация или Вергилия (ярлыки, часто приклеиваемые на Пруденция отчаявшимися критиками), недалеки от сильного разочарования — ибо его поэзия далека от классической в обычном смысле, и хотя она безусловно христианская по теме, но предлагает видение христианского мира, почти неузнавае-

---

[17] Примечания: 17
Smith 1976, 105f.

мое для современных читателей… Читая его, мы оказываемся в некоем месте лабиринтоподобной запутанности, где странники, потерявшие свою дорогу, бродят по крутым и извилистым тропам и наконец подвергаются разбойничьему нападению из засады; в месте, где гротескные чудеса совершаются с поучительной бесперебойностью; в месте, где проливается кровь, сокрушаются зубы и кости, и разные части тела отсекают с одержимостью. Но прежде всего это мир, управляемый семантическим детерминизмом, где исторические фигуры делаются абстракциями, абстракции делаются персонажами и метафоры делаются реальностями. Интеллектуальный, интертекстуальный и полностью созданный странным сардоническим юмором Пруденция, это мир, в котором персонажи вроде Эдипы Маас или капитана Ахава чувствовали бы себя дома.

***М. Маламуд*[18].**

* * *

Этот странный поэт — учитель веры, совмест-

---

[18] Примечания: 18
Malamud 1989, 1.

ник Горация[19], чтение декадентов, совопросник капитана Ахава — в своей земной жизни вырисовывается неясной тенью. Скудные биографические сведения о Пруденции основываются на том, что он сам сказал о себе во *Вступлении* (*Praefatio*) и что можно вывести из других его сочинений[20]. Он родился в 348 г. (Praef. 24 сл.), в Испании[21], почти наверняка — в тарраконской Калагурре (на родине Квинтилиана), которую он называет «наш город», «наша Калагурра»[22] и епископу которой он адресует *Perist.* XI. Имя поэта, *Aurelius Prudentius Clemens*, донесено рукописями; ни один современный писатель или документ его не упоминает; блаж. Августин — единственный из современников, упоминающий языческого поэта Клавдиана, — ни слова не промолвил о христи-

---

[19] Примечания: 19

«Мароном и Флакком христиан» назвал Пруденция Ричард Бентли в своем издании Горация (1711); Э.К. Рэнд в «Основателях Средневековья» (1928) назвал его «христианским Лукрецием»; Г. Буасье сравнивает его с Пиндаром (за резкость тематических переходов, быстро и далеко уводящих от исходного пункта), а позднее к этому привилегированному набору сравнений прибавился Ювенал: «По сатирическому духу Пруденций сходен с Ювеналом ближе, чем любой другой римский сатирик» (SteIIa Marie 1962, 42).

[20] Примечания: 20

Базовая работа по биографии Пруденция — Lana 1962; далее см. Harries 1984; Palmer 1989, 23ff.; Fux 2003, 6ff.; Coçkun 2008. На русском языке о Пруденции есть докторская диссертация П.И. Цветкова (Цветков 1890), сохраняющая свое значение в отсутствие позднейших работ; одновременно с этой добротной для своего времени книгой (содер-

жащей также прозаические переводы *Cath.* и *Perist.*) русская публика получила объемный и полезный обзор деятельности Пруденция, сделанный Гастоном Буасье (Буасье 1892, 304–338). В дальнейшем книги о Пруденции по-русски не появлялись; из позднейших обзоров см. Голенищев-Кутузов 1972, 68–71; Альбрехт 2005, 1484–1497.

[21] Примечания: 21

Испанское происхождение Пруденция явствует из *Perist.*: он пишет об испанских мучениках и говорит, что от Рима его отделяют Альпы, Пиренеи и Ибер (*Perist.* II, 537–540). Беда Достопочтенный в трактате по метрике называет его «славнейший среди испанцев ритор» («nobilissimus Hispanorum scholasticus Aurelius Prudentius Clemens»: PL 90, 172). Кроме двух уроженцев Калагурры, Испания дала латинской литературе Аннеев, Марциала, из христиан — Ювенка, Дамаса, Орозия.

[22] Примечания: 22

Nostro… oppido (*Perist.* I, 116), nostra… Calagurris (*Perist.* IV, 31).

анском поэте Пруденции. В отроческие годы, при Юлиане Отступнике, он наблюдал пышную и бесплодную попытку гальванизировать язычество (*Apoth.* 450). В *Praef.* он повествует о школьных годах, с их обязательным насилием, напоминающим о горациевском Орбилии; о курсе риторики, научившей его говорить преступную ложь; о беспутствах молодости и об адвокатской карьере, от которой он перешел к административной деятельности, дважды быв правителем «знаменитых городов» — каких, неизвестно; подозревают, что он управлял паннонской провинцией Савией, но никаких доказательств этому нет, кроме неожиданного интереса к тамошней Сисции (хорватский Сисак) в *Perist.* VII. Пруденций был призван к некоей важной службе при дворе Феодосия Великого, собравшего там много земляков[23]. Составляя *Praef.* в возрасте 57 лет, он сообщает, что обратился к служению Богу, когда седина напомнила ему о том, как давно Флавий Салия совершил свое консульство, и о том, что

[23] Примечания: 23

Об испанцах, которыми окружал себя Феодосий, см. Matthews 1975, 132–136 (однако своего пика карьера поэта достигает уже после смерти Феодосия, надо полагать, при Гонории). Вопрос о его сане, названном описательно («Пруденций — в противоположность Авзонию — избегает точных названий своих государственных должностей из стилистических и концептуальных соображений»: Coşkun 2008, 305), остается открытым.

риторическая, юридическая и административная опытность не пользует нимало, когда смерть разрушает человеческое бытие, чем бы оно ни было. Пруденций не имел того, что М. Робертс назвал «тесной персональной идентификацией с отдельным святым»; тех насыщенных чувств, которые связывали Павлина Ноланского со св. Феликсом или Сульпиция Севера — со св. Мартином Турским, у Пруденция, видимо, не было, и когда он берется *посвятить песнь мученикам* (carmen martyribus devoveat — *Praef.* 42), то выказывает в этом жанре провинциальный и имперский патриотизм, обращаясь в основном к испанским и римским святым.

Он ведет жизнь *обращенного* (conversus), предаваясь сочинению благочестивых стихов в классических размерах, и в *Praef.*имеет возможность оценить свой досуг ретроспективно: здесь обнаруживаются аллюзии на все его полемико-догматические поэмы (*Apoth., Ham., Symm.*) и оба лирических сборника (*Cath., Perist.*). Единственное событие, известное из его поздних лет, — путешествие в Рим, описанное в *Perist.* IX, XI, XII[24]. Традиционно (в согласии с буквой *Praef.*

[24] Примечания: 24

Лана (Lana 1962, 23f.) относит его к 401 г.; датировка принимается не всеми.

31–42) считается, что его творчество в основном приходится на период после удаления от службы и до 404/405 г., когда он составляет *Praef.* (где, однако, среди его сочинений нет ясного указания на *Psych.*, что служит аргументом для более поздней датировки этой поэмы).

Почти ровесник Феодосия Великого (род. 346), Пруденций занимает место между двумя другими латинскими поэтами, также сведущими в жизни императорского двора, — Авсонием (род. ок. 310), с чьей поэзией он был хорошо знаком, и Клавдианом (род. ок.370), с которым их поэтическая деятельность практически одновременна[25]. С этим последним, кроме общих для эпохи эстетических тенденций (см. напр. Charlet 1988) и множества частных перекличек, их роднит личностная непрозрачность в век неослабевающих исследований своей самости и ее неутомимых запечатлений в литературе — черта, которую отмечает М. Маламуд: «В то время как Августин обнажал свою душу для своего Бога и своей публики, а Авсоний приготовлял изысканный

[25] Примечания: 25

Близко стоят последние твердые даты их биографий: для Клавдиана — «Панегирик на VI консульство Гонория Августа», рецитируемый в январе 404 г.; для Пруденция — *Praef.*, составляемая им в 57 лет (404 / 405 г.).

портрет самого себя и своей семьи для потомства, Пруденций и Клавдиан сохраняли непроницаемую личину классического поэта, придерживая семью, друзей и „темные ночи души“ строго для себя» (Malamud 1989, 15). Вкус к причудливому и опасному юмору, видимо, составляет одну из черт их конгениальности: едва ли кто из читавших клавдиановскую инвективу «Против Евтропия» забудет мгновенную картинку с одетой в шелка обезьяной, меж тем как Г. Буасье признается, что среди сравнений, попадающихся в дидактических поэмах Пруденция, ему в память запало сближение человека, гибнущего в своих преступлениях, с беременной гадюкой (*Ham.* 581 слл.; Буасье 1892, 324).

Пруденций сам сформировал свой корпус (допуская в него не все написанное), и его композиция — плод такого же расчета, как каждое отдельное стихотворение. Свою поэзию Пруденций сравнивает с гирляндой (*Perist.* III, 208), и к этому метапоэтическому образу относятся со вниманием. По лучшим рукописям и указаниям *Praef.* композицию корпуса восстанавливают так (Fux 2003, 10f.; ср. Альбрехт 2005, 1485 сл.):

Praefatio — Epilogue

Cathemerinon — Perietephanon

De Trinitate[26] — Romanue

Apotheosis, Hamartigenia — Contra Symmachum I & II

Peychomachia

Praef. и *Epil.* обрамляют ансамбль (исключая при этом «Диттохеон»[27]); два лирических цикла, *Cath.* и *Perist.*, соседствующие с переходными произведениями («О Троице» и «Роман»[28]), окаймляют пять дидактических книг; *Peych.*, сердцевина и гекзаметрического корпуса, и ансамбля в целом, является осью симметрии: первая створка посвящена борьбе Церкви с внутренним злом (грех и ересь), вторая — противостоянию языческим атакам; *Psych.* объединяет эти темы.

---

[26] Примечания: 26

«Гимн о Троице» из 12 гекзаметров, ныне публикуемый перед *praef. Apoth.* как примыкающий к этой поэме.

[27] Примечания: 27

48 или 49 гекзаметрических четверостиший, составляющих «Диттохеон» (номер 43, «Гробница Христа», под сомнением, поскольку отсутствует в рукописях и первых изданиях, появляясь впервые лишь в антверпенском и базельском изданиях 1564 г.), видимо, должны были служить подписями к картинам (фрескам, мозаикам, картинам на дереве), изображающим соответствующие сцены Ветхого и Нового Заветов. Возможно, эти картины размещались в какой-то церкви или примыкающем к ней портике, на двух стенах, напротив друг друга (как мозаики в равеннской церкви св. Аполлинария). Есть, однако, гипотеза, что стихи задумывались не как подписи к картинам, а как

программа для будущих произведений.
Название цикла вызывает трудности; предлагалось производить его от διττός и ὀχεῖον (дублет ὄχημα), т. е. «двойное средство передвижения [для мысли]»; предпочтительнее кажется этимология от διττός и ὀχή, «двойная пища [для ума]» (т. е. почерпаемая из обоих Заветов). Цикл не упоминается в *Praef.* — либо он написан позже, либо Пруденций не считал его достойным внимания. Надписания четверостиший, вероятно, не принадлежат Пруденцию и имеют многочисленные варианты в рукописях.

[28] Примечания: 28

В нынешних изданиях — *Perist.* X. В рукописях этот гимн (называемый «*Romanus, contra gentiles*») находится либо до «Перистефанона», либо после, но никогда не среди прочих гимнов, так что его место — отдельный вопрос в вообще спорной цельности *Perist.* По схеме, предлагаемой Фуксом, этот огромный нарратив во вкусе Сенеки, соизмеримый со всем остальным объемом *Perist.*, занимает место между *Symm.* и *Perist.*, совпадая с первым в антиязыческой полемике, а со вторым — в мартирологической теме. См. Fux 2003, 53ff.

В «Катемериноне» (*Cathemerinon liber*, то есть «[Сборник песнопений] на все дни») первые шесть гимнов посвящены различным моментам дня: рассвету («На возглашение петуха»), утру, началу и окончанию трапезы, вечеру («На возжжение светильника»), отходу ко сну. Название цикла собственно относится к этим шести. Сюда примыкают три следующих: «гимн постящихся», гимн после поста и гимн на всякий час. Наконец, три последних, строго говоря, не соответствуют названию сборника: *Cath.* X — на погребение, XI — на Рождество Христово, XII — на Богоявление[29]. Омкнув сборник гимнами, написанными акаталектическим ямбическим диметром (*Cath.* I, II, XI, XII), характерным метром амврозианских гимнов (см. Гаспаров 2003, 71 сл., 88), и выказав пиетет перед медиоланским епископом, в середину Пруденций помещает гимны, в формальном отношении напоминающие о Горации (малый асклепиадов стих и сапфическая строфа: *Cath.* V,

[29] Примечания: 29
Обзор их содержания см. Цветков 1890, гл.4.

VIII)[30]. В католический бревиарий вошел ряд строф из цикла (*Cath.* I,строфы 1, 2, 21, 25; II, строфы 1, 2, etc.), и их почтили французским переводом Корнель и Расин.

Название «Перистефанон» (*Peristephanon liber*) означает «[Гимны] о венцах»[31]. В государстве, выработавшем такое количество почетных эмблем для воина, — *corona castrensis, cívica, navalis, obsidionalis, muralis* — где венки получали полководцы-триумфаторы и атлеты, побеждающие на Олимпиадах, и где венец стал метонимией победы, складывающийся образ христианского мученика, «воина Христова», «атлета Божьего», получил увязенье, которое св. Киприан Карфагенский (*Epist.* 58; 60) назвал *венцом веры,* corona fidei[32].

---

[30] Примечания: 30

Относительно «христианского Горация» см. более сдержанное высказывание Р. Браунинга в «Кембриджской истории классической литературы»: «Со времен Горация ни один латинский поэт не создавал такого значительного корпуса лирических стихов, и Пруденций был назван христианским Горацием. Он определенно знал Горация. Но его использование лирических метров, часто применяемых κατα στίχον (каждая строка воспроизводит одну и ту же метрическую модель), обязано в большей степени лирическим пассажам трагедий Сенеки и *новым поэтам* (*poetae novelli*) эпохи Антонинов» (Cambridge history 1982, 713). О композиции *Cath.* в метрическом аспекте см. Seng 2000.

[31] Примечания: 31

В последние 20 лет изучение *Perist.* определяют три влиятельные монографии, вышедшие одна за другой на рубеже 80-х — 90-х гг., — Palmer 1989, Malamud 1989, Roberts 1993. Работа Марты Маламуд, по

отношению которой с равной частотой употребляют характеристики «блестящая» и «спорная», критикуется, в частности, А.-М. Палмер за неоправданный оптимизм в отношении нашей способности понять культурный контекст IV века; концепцию Маламуд, понимающей пруденциевских мучеников как литературные абстракции, и Робертса, вопреки этому читающего *Perist.* как литературное воплощение благочестия эпохи, пробуют согласовать, указывая на полисемичную природу пруденциевских текстов: «Не может ли поэт одновременно укреплять культ мучеников и подрывным образом реинтерпретировать значение культовых практик?» (Burrus 1995, 34).

Кроме того, в русском переводе существует одна из важных работ, от которых отталкиваются дискуссии о *Perist.*: «The Cult of the Saints» Питера Брауна (Браун 2004).

[32] Примечания: 32

Восходит этот символ к Новому Завету; см. Иак.1:12; 1 Петр.5:4; 2 Тим.2:5, 4:7–8; Откр.2:10. Военный и триумфальный подтекст «мученического венца» раскрыт Лактанцием, обращающимся к исповеднику Донату (*Mort. pers. 16*): «Сколь отрадное это зрелище было для Бога, когда победителем зрел Он тебя, не белоснежных коней или громадных слонов, но самих триумфаторов в колесницу свою впрягшим! Вот подлинный триумф, когда властителями властвуешь. Ибо одолены они твоей доблестью и под ярмо склонены были, так как, нечестивое приказание презрев, все снаряжения и пугалища тиранической власти ты опрокинул верою стойкою и крепостью духа. Ничего против тебя бичи, ничего когти, ничего огонь, ничего железо, ничего различные роды истязаний не успели; отнять у тебя веру и благочестие никакая сила не сумела. Вот что такое быть учеником Божиим, вот что — воином Христовым, коего никакой враг не покорит, никакой волк из становищ небесных не восхитит, никакие тенета не заманят, никакая скорбь не одолеет, никакое терзание не сломит. Наконец после сих девяти славнейших сражений, в которых тобою дьявол одолен, не дерзнул он дольше соступаться с тобою, которого, как он в стольких борениях испытал, невозможно превзойти. И когда тебе готов был победительный венец, прекратил он тебя [на бой] вызывать, чтоб ты его тотчас не получил; но ты если его и не стяжал в настоящем, однако ж невредимым он для тебя ради доблестей твоих и заслуг в Царстве Господнем сохраняется». У Пруденция аналогию с *corona civica* см. в *Perist.* II, 556. Кроме того, название цикла допускает игру слов, намекая на первомученика Стефана (прямо названного в *Perist.* II, 371).

Первыми стихотворными произведениями о мучениках, которые нам известны, были эпиграммы папы Дамаса[33], есть несколько гимнов, приписываемых Амвросию Медиоланскому; но Пруденций первым сделал рассказы о мучениках темой пространных лирических произведений.

Perist. — самое объемное сочинение Пруденция (3762 стиха, больше трети пруденциевского корпуса) — содержит 14 стихотворений[34], объем которых простирается от 18 строк элегического дистиха (*Perist.* VIII) до 1140 ямбических триметров (*Perist.* X). Если не считать эту последнюю, принадлежность которой к циклу небесспорна, то самые объемные поэмы, *Perist.* II и V, образуют пару — обе написаны ямбическим диметром, посвящены мученикам-диаконам (Лаврентию и Винценцию) и имеют практически равный объем (584 и 576 строк), от которого далеко отстают все прочие гимны. В *Perist.* преобладают Испания и Рим. Испанские мученики — Эметерий и Хели-

[33] Примечания: 33

Некоторые из них приведены нами в комментариях; см. комм. к *Perist.* II, XI, XIV. О Дамасе как «первом христианском археологе» и его поэтической трактовке «века мучеников», предшествующей Пруденцию, см. Trout 2003.

[34] Примечания: 34

А.-М. Палмер (Palmer 1989, 87f.) доказывает, что композиция цикла не принадлежит Пруденцию, но позднейшим издателям и переписчикам.

доний из Калагурры (I), Евлалия Меридская (III), 18 мучеников цезаравгустанских (IV), Винценций (V), Фруктуоз, епископ Тарракона (VI); римские: Лаврентий (II), Ипполит (XI), Петр и Павел (XII), Агнесса (XIV). Кроме этого, есть один италийский святой, Кассиан из Корнелиева Форума (IX), и по одному мученику из остальной Европы и Африки: Квирин, епископ Сисцийский (VII), и Киприан Карфагенский (XIII). В выборе темы, в форме и в особенности в метре, Пруденций стремится к разнообразию[35]; лишь дважды использован элегик (VIII, XI) и ямбический диметр (II, V), прочие метры не повторяются.

«Апотеосис» и «Гамартигения», сочиненные около 400 г., — дидактические поэмы; как таковые они продолжают римскую традицию, в которой мы находим имена Лукреция, Вергилия («Георгики»), Овидия («Наука любви», «Лекарства от любви», «Притирания для лица») и которая в IV веке была продолжена, например, Авиеновым переводом «Явлений» Арата. «Апо-

[35] Примечания: 35

«Поэмы *Перистефанона* содержат все виды вербальных и тематических перекрестных ссылок и противятся всякой попытке точно определить взаимоотношения между ними в согласии с единым организующим принципом. Эта эстетика характерна для поздней античности, наслаждающейся богатым моделированием, создаваемым множественностью эффектов сходства и противоположения» (Roberts 1993, 109).

теосис» («Apotheosis», букв. «Обожествление», обычно понимается как «О природе Бога») излагает тринитарную догматику, «Гамартигения» («Hamartigenia»), сообразно своему названию, трактует о происхождении греха.

Намереваясь защищать ортодоксию и бороться с ересями (в *Praef.* 39 содержание *Apoth.* и *Ham.* суммировано так: pugnet contra hereses, catholicam discutiat fidem «пусть сражается против ересей, излагает кафолическую веру»), Пруденций, однако, не упоминает ни одной современной ему ереси — более того, он ухитряется не упомянуть главного оппонента никейской догмы, еретика по преимуществу, Ария[36], и хранит молчание о своем земляке Присциллиане, чье учение («испанская ересь», как говорит блаж. Иероним) в конце IV в. было весьма влиятельно, не ослабев после казни самого Присциллиана в 385 г. в Трире. Эти умолчания объясняют по-разному (осторожностью, с какой он избегает открытых атак на сильного противника; представлением об изоморфности всех ересей, вследствие которой

[36] Примечания: 36

Единственный раз в пруденциевском корпусе Арий упомянут мимоходом в *Psych.* 794, да и там его упоминание ослаблено соположением с куда менее значительным Фотином Сирмийским, явно не заслужившим такой чести.

можно осуждать исходную, не упоминая позднейших); эстетическая трактовка этого вопроса сформулирована, например, М. Лаваренном: «Пруденций не рассматривал себя как наставника, призванного внести в горячие стычки авторитет своей богословской просвещенности, но как поэта, чья миссия — привлечь образованную публику художественным изложением догматических дискуссий. Он предпочитал следовать за авторитетным проводником (в данном случае, возможно, за Тертуллианом) и посвящать свои усилия тому, чтобы облечь поэтическими украшениями аргументацию, не принадлежащую ему лично» (Prudence II, VIII). Из еретиков поименно названы лишь Савеллий (*Apoth.* 178), манихеи (*Apoth.* 956, 974) и Маркион (*Ham.* 56, 124, 128, 502)[37]. Следуя принципу variatio[38], Пруденций перемежает полемическую часть живописными отступлениями: среди них находятся как картины библейского рода — отроки

[37] Примечания: 37

Кроме того, в *Apoth.* объектами полемики и обличения становятся патрипассиане (1-177), иудеи (321–551), эбиониты (552 слл.). Об *Apoth.* и *Ham.* (и в частности, о сильной зависимости их от Тертуллиана) см. Цветков 1890, гл.5.

[38] Примечания: 38

О принципиальном значении *variatio* для Пруденция: Fux 2003, 13ff.; о взаимодействии *regularity* и *variation* в позднеримской поэзии: Roberts 1989.

вавилонские в пещи огненной (*Apoth.* 132–146), хождение Христа по водам (*Apoth.* 650–669), воскрешение Лазаря (*Apoth.* 752–766); бегство Лота из Содома (*Ham.* 723–726) — так и навеянные иными впечатлениями: жертвоприношения Юлиана Отступника (*Apoth.* 449–502) или знаменитый «бог Маркиона» (*Ham.* 129–138), посредствующее звено между клавдиановским Плутоном и новоевропейскими изображениями Сатаны:

> *Се Маркионов бог, угрюмый, дикий, коварный,*
>
> *Взнесшийся верхом своим, чью омкнули черные тучи*[39]
>
> *Змееносну главу, огнем окруженну и дымом;*
>
> *Недоброхотны глаза заливает желчью палящей*
>
> *Зависть, коей терпеть невозможно праведных радость.*
>
> *Грива ему рамена власаты, густая, змеями*
>
> *Кроет ползущими, зрак зеленые лижут*

---

[39] Примечания: 39

…*чью омкнули черные тучи* (cinctum cui nubibus atris)… — Цитата из вергилиевского описания Атланта («Энеида», IV, 248).

керасты[40].

Петли он дланью своей, из гибкого вервия свиты,

В узел затягивает, плетеньем крученные легким

Вяжет он путы и жилы пружинит, чтоб узами быть им[41].

Полемическая поэма «Против Симмаха» (*Contra Symmachum*)связана с долгой историей римской набожности. После битвы при мысе Акций, в 29 г. до Р.Х., Август поместил в курии статую Победы, вывезенную некогда римлянами из Тарента после его взятия (Дион Кассий, 51, 22); подле статуи был поставлен алтарь, и каждый сенатор при входе сжигал на нем несколько крупиц ладана. Император Констанций, посетив Рим в 357 году, велел убрать из курии алтарь Победы («единственная обида, которую Констанций нанес

[40] Примечания: 40

Клаузула *ora cerastae* — у Стация в «Фиваиде», I, 103 (описание Тисифоны), VIII, 763 (эгида Минервы).

[41] Примечания: 41

Меж тем как и за этот портрет, и в особенности за картину порчи природы вслед за грехопадением (*Ham.* 216–243) Пруденция сравнивают с Мильтоном, трактовка в *Ham.* порчи языка (в частности, фигуративного) в связи с порчей человеческого естества первородным грехом (Malamud 2002) сближает Пруденция с проблематикой «Плача Природы» Алана Лилльского (см. Wetherbee 1972, 191ff.).

суеверию римлян», по замечанию Э. Гиббона), но тот вскоре — видимо, при Юлиане — был водворен на прежнее место. Валентиниан I алтаря не трогал, но менее толерантный наследник Валентиниана, Грациан, в 382 г. провел серию антиязыческих мероприятий (отмена налоговых привилегий и государственных субсидий жрецам и весталкам, конфискация собственности храмов и жреческих коллегий, распоряжение убрать из курии алтарь Победы). Сенаторы-язычники посылают в Милан делегацию, возглавляемую Квинтом Аврелием Симмахом, но она даже не была принята императором вследствие энергичных действий папы Дамаса, переславшего в Милан встречную петицию сенаторов-христиан, и Амвросия, представившего эту петицию Грациану. Однако в августе 383 г. Грациан был убит, и Симмах обращается к юному Валентиниану II, от которого можно было ждать иной политики, со знаменитой речью (*Relatio III*), прославляющей исконную связь римской государственности с римским культом и оплакивающей нынешнее состояние сего последнего. «Сердце Симмаха одушевлялось самою пылкою ревностию к делу издыхающего язычества, и его религиозные противники сожалели о его злоупотреблении своим

гением и о бесполезности его моральных достоинств», говорит тот же Гиббон. Среди прочего Симмах прибегает к такому сильнейшему приему, как просопопея, выводя олицетворенный Рим, богиню Рому, говорящую императору: «Дайте мне жить по моему обычаю, ведь я свободна! Эти обряды привели под мои уставы вселенную, эти жертвы Ганнибала отгнали от стен, сенонов от Капитолия. Ужели я прожила так долго затем, чтобы в старости сносить укоризны?..»[42]. Произнесенная в консистории, речь произвела сильное впечатление, которому только авторитет, энергия и красноречие миланского епископа могли противодействовать. Амвросий обратился к императору с двумя письмами по поводу *Реляции* (*Epist.* 17 и 18 Maur.; второе, написанное после ознакомления с текстом, содержит детальный ответ Симмаху) и стал причиной очередной неудачи языческой партии. Следующие попытки Симмаха (обращение к Феодосию ок. 391 г. и Валентиниану в 391–392) были не более удачны: после узурпации Евгения, неразрывно связанной с пафосом языческой реставрации, от Феодосия

[42] Примечания: 42

Русский перевод *Реляции* Симмаха см. Ранович 1990, 451–457. О персонифицированном Риме у Симмаха и Пруденция см. Gnilka 1990; ср. Roberts 2001.

ждать благосклонности не приходилось — он издает серию эдиктов, по существу упраздняющих языческие культы (*CTh.* XVI.10.10, XVI.10.11, XVI.10.12). Многие историки предполагают, что в 402 г., незадолго до смерти, Симмах предпринял последнюю попытку добиться желаемого от Гонория и Стилихона — попытку, вызвавшую к жизни поэму Пруденция[43], созданную в 402–403 гг.[44]. Она состоит из двух книг, предваряемых аллегорическими вступлениями.

Первая книга больше чем наполовину посвящена нелепости и безнравственности языческих басен о богах (в связи с чем она и рассматривается как позднее явление христианской апологетики[45]); к счастью, Феодосий захотел, чтобы Рим оставил недостойное его идолопоклонство и

---

[43] Примечания: 43

См. одну из свежих работ о связи *Symm.* с *Реляцией* Симмаха: Brugisser 2002. *Curriculum vitae* Симмаха см. PLRE I, 865–870. На русском языке о событиях вокруг алтаря Победы, кроме XXVIII главы Гиббона и монографии Буасье, см. Пареди 1991, 161–166; Уколова 1992, 23 слл.; Казаков 1995.

[44] Примечания: 44

Ее датировка важна, поскольку связана с вопросом, имеет ли поэма чисто ретроспективный характер или вызвана какими-то новыми событиями вокруг алтаря Победы и фигуры Симмаха (то соображение, что Пруденций, способный полемизировать с Маркионом, не менее способен откликаться на 20-летней давности выступление Симмаха, актуальная опасность которого выразительно засвидетельствована языческим возрождением 390-х годов, не всем кажется достаточным). Основывается датировка на том факте, что в Symm.II содержится

отклик на битву при Полленции 402 г. (которой посвящена также «Готская война» Клавдиана) и нет намека на битву при Вероне (403). См. в частности Barnes 1976; Brugisser 2002, Coşkun 2008, 310–314. Однако и датировка кампании, в ходе которой Стилихон разбил Алариха при Полленции, вызывала дискуссии, см. Клавдиан 2008, 605 сл. Фрагмент *Symm.*, посвященный этим событиям, см. ibid., 704–706.

[45] Примечания: 45

См. напр. параллели, приводимые М. Лаваренном: Prudence III, 97-102.

поклонялся кресту, коим Константин одолел Максенция; Феодосий послужил Риму больше, чем Марий и Цицерон, — благодаря ему патриции из знатных семейств с радостью принимают христианство. Красноречие Симмаха Пруденций высоко чтит, скорбя, однако, о ложном его направлении (*Symm.* l, 632 слл.):

> *О язык, словес лиющийся кладезем дивным,*
>
> *Римска витийства краса, кому уступит и самый*
>
> *Туллий! перлы сии красноречьем струимы богатым!*
>
> *Златом омыться уста достойные вечно блестящим,*
>
> *Если бы Бога они предпочли восхвалять!..*

Пруденций, несмотря на скудость своих сил, намерен противостоять вреду, наносимому Симмахом христианству; этим обещанием первая книга заканчивается. *Symm.* II посвящена опровержению *Реляции*. Пруденций пользуется аргументами Амвросия, придавая им риторический блеск; среди прочего он выводит олицетворенную Рому, счастливую обрести в христианстве

новую юность, и вкладывает в ее уста огромную речь (v. 655–768) — полемический намек не только на Симмаха, но и на «Гильдонову войну» Клавдиана[46]. Существенная часть задачи Пруденция — борьба с язычеством за культуру. Как в Симмахе он отличает ораторский гений от усвоенного им направления, так в древних статуях он видит памятники искусства, обращенного язычеством на грех (*in vitium versae, Symm.* I, 505); искусство, как человек, нуждается в христианском обращении, *conversio*. Нечто сходное он сам делает в «Психомахии», обращая, так сказать, грамматику вергилиевской поэзии против ее речевых актов.

Ясной отсылки к «Психомахии» в *Praef.* 37–42 нет, так что можно предполагать более позднюю датировку. Слово ψυχομαχία встречается у Полибия (I, 59, 6) со значением «битва за жизнь, ожесточенная битва». Применительно к пруденциевской поэме предлагаются трактовки «битва за душу», «битва в душе», «битва души»[47].

Персонификация оказалась ареной, на которой было крайне удобно столкнуть греко-римское

[46] Примечания: 46
См. Cameron 1970, 248, 365f.; Roberts 2001, 535–539; Клавдиан 2008, 510.

[47] Примечания: 47
Библиографию см. Charlet 2003, 233.

наследие с библейским. Со стороны Ветхого Завета за *Psych.* стоит олицетворенная Премудрость (Притч.8:1), Милосердие, Истина, Правда и Мир (Пс. 84:11); за ними идут обильные персонификации раннехристианской литературы (в «Пастыре» Гермы, у Тертуллиана, чей пассаж в 29-й главе трактата «О зрелищах» трактуют как *in nuce* сюжет *Psych.*), между тем как богатое наследие античности представляют, в частности, гомеровские Сон, Распря, Ужас и Бегство, гесиодовские «дети Ночи», абстрактные божества римской религии (в том числе Fides, Spes, Pudicitia и Concordia, ставшие персонажами *Psych.*), обильное население вергилиевской преисподней, персонификации стациевской «Фиваиды» (которой Льюис отводил особое место в истории аллегории: Lewis 1936, 49ff.), свита Венеры и население ада у Клавдиана, и т. д.[48]

За вступлением с инвокацией ко Христу (1-20)

[48] Примечания: 48

Перечни персонификаций, предлагаемых Пруденцию традицией, см. Prudence III, 14–21; Cambronne 2002, 450–457. О параллелях между пруденциевскими Добродетелями и римским культом см. Haworth 1980.

следует описание шести поединков: Вера[49] побеждает Приверженность древним богам (21–39), Стыдливость борется с Похотью (40-108), Терпеливость — с Яростью (109–177), Гордыня — со Смиренной Думой, которой помогает Надежда (178–309); Сладострастность, соблазняющая войско Доблестей, убита Трезвостью, после чего войско Сладострастности бежит (310–453); Алчность терпит неудачу от Рассудительности (454–550), после чего меняет тактику и является в ложном виде Бережливости, однако узнана и убита Щедротой (551–628). Объем эпизодов нарастает: 19 строк — 69-69-132-144-175. За этим следует отступление Пороков; водворяется Мир, победившие войска шествуют с пением (629–664), однако затаившаяся Распря ранит Согласность у самых ворот лагеря; узнав у нее, кто она такая, войско Доблестей разрывает ее на части (665–725). Войска собираются у трибунала, куда восходят Согласность и Вера, чтобы произнести речи к соратникам: первая (750–797) — о ценности мира и

[49] Примечания: 49

Все персонификации, действующие в *Psych.*, женского рода, за исключением нескольких второстепенных (*Ieiunia*, ст. 244; *Pudor*, 245; *Iocus*, 433; *Amor*, 436; *Luxus*, 455; *PaIIor, Periuria* и *Metus*, 464; *Commenta*, 465; *Crimina*, 468; *Labor*, 629; *Scelus*, 630), и это накладывает дополнительные ограничения при переводе: *Concordia* естественней было бы переводить как *Согласие*, а *Ira* — как *Гнев*; у нас, однако, это *Согласность* и *Ярость*.

необходимости блюстись от ересей, вторая (799–822) — о том, что по окончании браней надлежит возвести храм, подобно Соломону, принявшему власть Давида (726–822). Строительство храма имеет новозаветной моделью Новый Иерусалим (823–887); засим следует заключение, где поэт воздает благодарность Христу, научающему душу одолевать опасности (888–915).

План *Psych.*, таким образом, имеет моделью «Энеиду»: битвы (*arma*), ведущие к созданию нового города. При этом каждый эпизод соотнесен с библейскими прецедентами[50]. Не считая первого, самого краткого единоборства, все остальные сопровождаются более или менее объемными речами (в этом Пруденций разделяет тенденции эпохи; речи составляют до 36 % объема поэмы).

На репутацию Пруденция тяжело легла суровая оценка, данная ему К.С. Льюисом в «Аллегории Любви» (Lewis 1936, 66–73). Льюис считает *Psych.* жалким началом аллегорической поэмы, порожденным напряженным желанием жанра: стремление к определенному сорту литературы не обязательно порождает производительную способность, но склонно порождать иллюзию,

[50] Примечания: 50
См. удобную таблицу: Smith 1976, 179.

что результат достигнут. «*Психомахия* не удалась, частично потому, что Пруденций по природе лирический и мыслящий поэт — есть некое тонкое, сумрачное величие в *Гамартигении* — которому эпическая манера дается трудно, частично по более глубоким причинам». Льюис считает, что *битва* вообще менее адекватная аллегория для душевной жизни, чем *путешествие*, и что поведение добродетелей, вынужденных подчиняться эпическим шаблонам, приводит к абсурдному несоответствию их характерам (Смирение, размахивающее отрубленной головой врага, — может быть, самый колоритный, но далеко не единственный пример). С тех пор многое изменилось, и аллегория Пруденция находит более дифференцированные трактовки (и в ее отношении с христианской типологией, с эпической традицией, etc.), хотя автор сравнительно недавнего обзора концепций (Paxson 1994, chap. 3) все-таки начинает с того, что отмечает ее «paradoxical status» — с одной стороны, важнейшего по исторической влиятельности текста, с другой — видимой скудности и линейности ее эстетических конструкций.

Среди прочего вопрос о поэтической состоятельности *Psych.* связан с вопросом о культурной

ориентации ее автора. Распространено мнение, что отношение Пруденция к классической культуре есть христианский гуманизм, стремящийся инкорпорировать блестящую языческую культуру в новую христианскую цивилизацию; М. Лавареннн, не отличая — как и многие другие — в этом смысле Пруденция от его земляка, добросовестного вергилиепоклонника Ювенка, описывает его позицию стихом Шенье: Sur des pensers nouveaux, faisons des vers antiques. Это мнение (выраженное, напр., в кн. Witke 1970) встретило сильную критику М. Смита (Smith 1976), утверждающего, что «одновременным использованием разных лингвистических моделей Пруденций соотносит свою аллегорию душевной брани с богооткровенной историей спасения и с языческим искажением истории, воплощенным в вергилиевской *Энеиде*»; что формальный классицизм Пруденция — переходный феномен в раннехристианской поэзии, объясняющийся не только личной заинтересованностью поэта в литературных предшественниках, но и чувствительностью к аудитории, испытывавшей «отчаянную нужду в стабильности»; что Пруденция от Ювенка отличает разрыв с римским либерализмом, произведенный Церковью и

Феодосием и вполне разделяемый Пруденцием (ibid., 5, 10, 20f.). Язык *Psych.*, где в среднем один гекзаметр из десяти содержит прямое заимствование из Вергилия, — псевдо-эпический; реагируя на вергилиевский культ конца IV в., Пруденций использует Вергилия как оружие против него самого. Техника, им используемая, близко напоминает центон (образцы которого в ту эпоху дают Авсоний и Фальтония Проба)[51]. Парадокс этой техники Пруденция, говорит Смит, — в том, что, создавая ткань из самого классического поэта, она пренебрегает классическим декорумом. «Не только враги, безумцы и монстры *Энеиды* толпятся вокруг христианских пороков». Благочестивая речь Эвандра дает имя ложной религии; львиная шкура Энея служит седлом Гордыне; мать Энея, олицетворенная Любовь, воплощена в «старой распутной алкоголичке Сладострастности», между тем как Доблести воспринимают черты худших персонажей Энеиды, например, Мезентия. «Вследствие такого неклассического смешения целостный *mythos Энеиды*, интерпретация исторического прогресса в терми-

[51] Примечания: 51

О значимости центонной техники для позднелатинской поэзии см. напр. Charlet 1988, 76; о поэтической специфике центона: Гаспаров, Рузина 1978.

нах борьбы ради основания и построения Рима, Града Человеческого, теряет ясность, являющуюся необходимым условием веры. Это та ясность, которую Макробий в *Сатурналиях* пытается сохранить вопреки христианству… *Contra paganos* Пруденций заявляет в *Психомахии*, что есть пространство лишь для одного мифа, одной веры, и что это было открыто ради спасения человека в Писании. Он запускает Вергилия в подобное центону расщепление, чтобы вызвать в памяти образ Града Человеческого, расшатанного греховным раздором: если Вергилий — архитектор этого города, то тем хуже для него» (ibid., 295f.).

* * *

Лет через четыреста после смерти Пруденция, в каролингские времена, когда Луп Ферьерский написал «Аврелий Пруденций многими весьма хвалим»[52], имя Пруденция попадает в несколько стихотворений каталогического свойства. Алкуин упоминает его в гекзаметрическом опи-

[52] Примечания: 52

«Aurelius Prudentius, qui apud plerosque vehementissime celebratur» (*Epist.* 20, 8; пер. по изд.: *Servati Lupi* Epistulae, rec. Peter K. MarshaII. Lpz., 1984. S.27). Послание написано в 837 г. Об отношении к Пруденцию в Средние века см. обзор М. Лаваренна (Prudence I, XVI–XXI; о влиятельности *Психомахии* — III, 25–33); Fux 2003, 93-100; см. также Curtius 1953, 49, 51, 260, 456, 463, 466.

сании йоркской библиотеки[53], Вандальберт Прюмский — в написанном фалековым стихом «Соттепйайо», предваряющем его «Мартиролог»[54], а Теодульф Орлеанский — в элегиках, имеющих название «О книгах, кои я привычен был читать»:[55]

> *Подлинно, книги сии читать я был свычен нередко,*
>
> *Ночью и днем для меня не прекращался сей труд.*
>
> *Часто Григория я и часто читал Августина,*
>
> *Речи Илариевы, как, папа Лев, и твои.*
>
> *Иероним, Исидор, Иоанн со златыми устами,*
>
> *Чтом был Амвросий и ты, отче святый, Киприан.*
>
> *Тож и другие, чьи имена исчислять было б долго,*

---

[53] Примечания: 53
PL 101, 843.

[54] Примечания: 54
PL 121, 583.

[55] Примечания: 55
PL 105, 331–333.

Коих учения честь в горние выси взвела.

Я читал и не раз мудрецов язычески книги,

10. Кои в разных вещах мнятся отменными быть.

И к благочестным отцам прилежанье было немалым,

Их же написанные ниже ты зришь имена.

Это Седулий, Рутил, Павлин, Авит и Аратор,

И Фортунат, да и ты, о громогласный Ювенк.

И с премудростию открыть могущий различным

Многое метром, наш ты, о Пруденций, отец.

И Помпея читать, и тебя, Донат, мне случалось,

И с Вергильем тебя, о говорливый Назон.

Хоть в речениях их находится пустоши много,

20. Истины больше покров лживый

укрыл под собой.

Лживое стиль поэтов принес, мудрецов — то, что верно,

Часто в истину их преобращается ложь.

Изображает Протей так истину, праведность — Дева,

Доблести образ Алкид, кражи — беспомощный Как.

Чтобы истину скрыть, представляются сотни обманов;

Твердо, коль это свернуть, древний вновь явится вид.

В нраве Девы блестит невредимая праведных сила,

Кою неправедности язва не в силах пятнать.

Идет лживых воров безумье стопой обращенной,

30. Гнусный вержут из уст дым, запираясь в грехе.

Сила, однако ж, ума обличает их, давит и мучит,

И непотребства их въявь представляет

она.

Изображен Купидон дитею нагим и крылатым,

Лук несущим, колчан, пламенник, стрелы и яд.

То, что лёгок — крылат; нагой — что грех его явствен;

Разумом что небогат опытным — вот и дитя.

Думы превратны — колчан, коварства лук означает,

Стрелы — заразу твою, пламенник — зной твой, Амор.

Легче влюбленных ужель и подвижнее быть что-то может,

40. Коим блуждающий ум свойствен иль легки тела?

Скроет проступок ли кто, коль пылкий Амор содевает,

Чьи деянья всегда скверные обличены?

Ратью рассудка над ним одержать кто сможет победу,

Над необузданным сим, кто и рассудка лишен?

Кто колчана его проникнет в злокозненну полость,

Бедственно чрево таит сколько безжалостных стрел?

Прянет куда, сочетавшись с огнем, удар ядовитый,

Он же летит и, разя, ранит, и нудит, и жжет?

Ибо преступный он любодейства демон и грозный,

50. Сласти убоги влечет к бездне свирепейшей он.

Склонен он на обман и вредить готов непрестанно,

Ибо демонски в нем сила, повадка и власть.

Сон, как песни рекут, врата имеет двойные,

Истину дарят одни, ложь нам вторые несут.

Истину шлют роговые, а ложь производят слоновы:

Очи истину зрят, ложь истекает из уст.

Ибо гладок рог, а глаз прозрачен и нежен,

И слоновую кость носит зияние уст.

Блеска не чувствует глаз, а рог не чувствует стужи,

60. Зуб и слоновая кость в твердости, в цвете равны.

Не одинакой врата обладают оные силой:

Ложь износят уста, око лишь истину зрит.

Малое это о многом, стянув короткою цепью,

Ради примера здесь будет довольно сказать.

В этом несколько хаотическом стихотворении Пруденций — единственный, кому отдан целый дистих, — занимает место на границе между христианскими и языческими авторами. В дальнейшем становится очевидно, что свою пограничную службу он отправляет безукоризненно. Большая часть стихотворения отведена обезвреживанию языческих авторов с помощью расхожей идеи *покрова* (tegmen), набрасываемого

их поэзией на истину. Из четырех примеров, с неодинаковой подробностью разбираемых в ст.27–62, три вергилиевских: Дева из IV эклоги, убитый Геркулесом Как из VIII песни «Энеиды», врата Сна из финала VI песни (Купидона, несмотря на его вездесущность, можно считать взятым из того же текста, хоть он там не имеет упоминаемых Теодульфом атрибутов: «Энеида», I, 657 слл.). В этой перспективе историческое место Пруденция оказывается связано с аллегорией как орудием доместикации язычества.

Если посмотреть на дело с несколько более широких позиций, чем занимаемые Теодульфом, следует сказать, что Пруденций — важнейшая веха в истории герменевтики: методы аллегорезы, до сих пор применявшиеся при анализе классических поэтов (прежде всего Гомера), становятся конструктивными принципами нового произведения[56]; из аналитического инструмента аллегория становится эстетической моделью, продуцирующей новые тексты; привычки чтения, воспитанные в классе грамматика, транспонируются в сферу самостоятельного творчества, которое встречает подготовленная к нему

[56] Примечания: 56
См. об этом: Lamberton 1989; специально о Пруденции: p. 145ff.

публика. Пруденций стоит у этого исторического перелома. Можно вместе с Льюисом относиться скептически к явлению «Психомахии», но все же это событие, от которого идет дорога, уставленная странными изваяниями, и к «Антиклавдиану», и к «Божественной Комедии».

Вступление

Пятилетий уж десять я,
Коль не сбиться, прожил; сверх же того седьмой
Год вратят небеса, свет как я пью солнца кружащегось.

Мой предел недалёк, и день,
Смежный старости, Бог летам придал моим:
Что ж полезного я смог совершить в сей долготе времен?

Перва младость под звонкою
Розгой слёзы лила; тогой учён потом,
Полн пороками, ложь молвить, не чужд и преступления.

10. Там продерзость распутная
И бесстыдство страстей (горечь и стыд, увы!)
Непотребства сквернит юность мою грязью и тиною.

В пререканиях пламенный
Дух оружье стяжал, и непреклонная
Страсть победником быть ввергла его в случаи

тяжкие.

Под законов властительством
Знатных градов бразды правил двукратно я,
Правосудье давал добрым мужам, страшен злодеям был.

Наконец на высокую
20. Службы степень взнесла милость владычняя,
И, приблизив к себе, впредь мне велит в чине ближайшем быть.

В сих делах жизни реющей
Вдруг ко мне седина вкралася старости,
Упрекнув, что забыл древнего я Салию консула,

В чью годину мой первый день.
Сколь сменилося зим, розы лугам колькрат
После льда отданы, знают о том снеги главы моей.

Это, благо иль зло, ужель
Пользой будет мне в час, как сокрушится плоть,
30. В час, как то, чем я был — что там ни есть — смерть разорит дотла?

Мне рекут: «Кто бы ни был ты,
Мир, душою твоей чтимый, утрачен ей;
Не о Боге она присно пеклась, в Чьем ты владении».

И при самом конце её
Пусть безумье с моей грешной спадет души;
Пусть хоть гласом она Бога честит, если заслуг в ней нет.

День пусть гимнами полнится,
От Господней хвалы праздна не будет ночь;
Против ересей пусть бьется, гласит веру вселенскую;

40. Пусть святыни язычески,
Пусть, о Рома, твоих идолов ввергнет в срам;
Страстотерпцам она песнь вознесет, славит апостолов.

В час, как молвлю ль, пишу ль о сем,
Если б мог излететь я из телесных пут,
Волен, в край тот, куда гибкий язык звук свой последний шлёт!

Психомахия

Вступление

О веры перва отрасль, старец преданный,
Аврам, родитель поздний ветви счастливой,
Чьё увеличил имя слог прибавленный,
Аврам отцом кто, Богом назван Авраам,
Умел обречь кто в жертву чадо старости,
Уча: святыню коль пред олтарем творишь,
Что сердцу сладко, милое, единое,
То должен Богу принести ты волею, -
И с племенами праться нечестивыми
Советует нам, свой, советчик, дав пример:
Дитя не прежде восприять законное,
Угодно Богу, порожденно доблестью,
Чем бранолюбный дух в великой жесточи
Чудовищ сердца одолеет рабского.

Цари пленили древле горделивые
Во градах грешных Лота обитавшего,
В стране содомской и гоморрской пришлецом,
Премного чтимым ради славы дядиной.
Аврам, вестями возбужден зловещими,
Вдруг слышит: родич, жребьем бранным

взят в полон,
В тяжелых рабство терпит узах варварских.
Он воружает триста восемнадцать слуг,
Чтобы ударить в тыл врага грядущего,
Который пышной был казной и знатного
Триумфа скарбом отягчен захваченным.
Железо сам он обнажает; Богом полн,
Царей надменных, с тяжкими корыстями,
Женет бегущих, попирает раненых,
Свергает цепи, плен освобождает он:
Девиц и злато, ожерелья, отроков,
Сосуды, ризы, юниц, табуны коней.
И Лот сам, путы сринув растерзанные,
Подъемлет вольно выю, стерту цепию.
Аврам, триумфа разоритель вражеска,
Идет прославлен, отрасль братню вызволив,
Да никакого чада крови верныя
Князей насилье не пленяет мерзостных.
Еще дымящась мужа сечей велией
Дарит священник брашнами небесными,
Священник Божий и великомощный царь,
[Происхожденье чьё неизреченное
Не обличает своего виновника,]
Мелхиседек, чей род, чьи прародители
Незнаемы, Бог ведает единый их.
И троевидна ангельская троица

Радушна старца вскоре посещает сень,
И уж в увядшем чреве Сарра плодныя
Дивится действу младости, бескровна мать,
Уже ликует чаду, в смехе каяся.

50. Предображенье той черты здесь явлено,
Которой наша жизнь да верно шествует:
В оружьях должно бдеть нам сердца верного
И всяческую часть нам тела нашего,
Что, в плен попавшись, гнусной служит похоти,
Собрав всю в доме силу, должно вызволить;
В своих нескудно мы мощны служителях,
Коль то, что могут триста восемнадцать слуг,
В изображенье узнаём мистическом.
Христос невдолге Сам, священник истинный,
60. Неизреченным, горним Кто рожден Отцом,
Счастливым брашно поднося победникам,
Стыдлива сердца в малу внидет хижину,
Гостеприимцу честь являя тройческу;
Засим и душу Дух, в своих объятиях
Честных, супругу, долгий срок бесчадную,
От вечна семя плодною соделает;
Тут, матерь поздня, вено взявши пышное,
Наследника даст в дом отцу достойного.

Психомахия

Опытам тяжким людским, о Христе, сострадающий присно,
В силе Отца и Своей, но единой, славу имущий, -
Чтим бо мы в обоих именах единого Бога,
Не одного: ведь Бог Ты, Христе, от Отца порожденный, -
Царь наш, молви, каким прегрешения войском способен
Дух воруженный изгнать из ложбины нашея груди,
Сколько подъемлется крат от волнуемых помыслов в недре
Смута, и душу колькрат истязает свара недугов,
Стража какая тогда на охрану потребна свободы
10. И сколь великая рать кипящим в предсердье яризнам
Выйдет встречь, на счастливую брань. Ведь, благий воевода,
Чуждыми доблестей всех, обнаженными всякия мощи

Хищных пороков в среду Ты отнюдь не вверг христолюбцев;
Сам избавительным Ты в осажденном теле дружинам
Биться велишь, и Сам превосходными вооружаешь
Средствами ум, которыми он, на ругателей сердца
Мощный восстать, для Тебя и ратует и побеждает.
Способ к победе у нас пред очами найдется, коль близко
Доблестей исты черты и с ними грядущих сразиться,
20. В силе враждебной, нам различить будет можно чудовищ.

Первой в поле спешит, к сомненному жребию битвы,
Вера, готова на бой, взмятенная, в сельских одеждах,
Наги плеча, власы нестрижены, длань беспокровна;
Ибо к славе любовь незапная, новых пылая
Битв, ни о дротах в тот час, ни о латном не помнит покрове,
Но на могущую грудь полагаясь, на члены от-

крыты,
Вызов стремит, чтоб сломить опасности ярыя брани.
Се, донимающую дерзает, в бою отступившись,
Первой Веру сразить богам Приверженность древним.
30. Та же вражью главу и виски, омкнуты повязкой,
Оземь, воздвигшись над ней, бросает, уста, упоенны
Кровью скота, смежает с землей, стопой попирает
Смертью выкаченны глаза, и душу злотворну
Воздуха сбитый ток в перехваченной давит гортани,
И в задыханье протяжном свершается тяжкая гибель.
Победоносный полк ликовствует, где тысяча купно
Мучеников, на врага вдохновенных царицею Верой.
Храбрых общников днесь за стяжанну венчает цветами
Славу она, и горящей велит багряницей облечься.

40. На травянистое тут ревнуя выступить поле,

Лат доспешных красой озаряется дева Стыдливость;
Факел отчизны своей прияв, содомлянка Похоть
Близится к деве, сосну смоляную, пышущу серой,
Мещет в лицо, и очи ее стыдливые огнем
Ищет, и мерзостным их залить пытается дымом;
Но воспаленныя фурии длань и волчицы ужасной
Огненный камнем дрот отражает бесстрашная дева
И от священна лица отбивает светоч простертый.
Обезоруженныя гортань блудницы пронзает
Меч погруженный; пары она извергает горячи,
Кровию источены нечистой, и дух ее грязный,
Скоро вон устремясь, оскверняет воздух окрестный.
«Так получи! — гласит царица победно, — последний
Ныне день для тебя; простертой лежать тебе вечно,
Боле уж не дерзнешь рассевать пламена смер-

тоносны
Ты на Божиих слуг, у коих нескверного духа
Недро горит от единыя лишь светильни Христовой.
Ты ль, истязательница человеков, могла, восприявши
Новую силу, согреть дыханье угашенной жизни,
60. После того как одр ассирийский глава Олоферна,
Усекновенна, кровьми упоив похотными, омыла,
Пышное ложе вождя-любодейца Юдифь непреклонна
Презрела и лезвеём пресекла нечистое буйство,
Знатный трофей жена пожавшая на супостате
Дланью без дрожи, моя отместница с горней отвагой!
Мало, быть может, того, что еще под сенью закона
Ратуя, храбра жена нашу прообразует годину,
Истая доблесть когда в тела низлилася земные,
Дабы могущу главу ссечь рукой служителей слабых.
70. Как! после оных ужель непорочныя девицы

родов

Власть еще ты хранишь? после родов девы, от коих

Прежних истоков своих лишилась природа людского

Тела и новую плоть высокая всеяла сила,

И неневестною Бог зачат Христос был женою,

Смертной матери сын, но с Отцом Божество совокупно.

Всяка оттоль божественна плоть, что Его зачинает:

По сопричастью она приемлет Бога природу.

Ибо Слово, плотию став, не оставило быти

Словом, как было досель, приобщась владению плоти,

80. И величье Его не нищает из-за владенья

Плотию — нет, но влечет несчастных к доле славнейшей.

Тем пребывает, чем был всегда, быть тем, чем Он не был,

Предприемля: а мы уж не то, что были, — взрослили мы,

К лучшему быв рождены — мне Он дал, Себя не ослабив;

Нашим Бог Своего не умалит, но, уделяя

Нашему от Своего, сим даром нас к небу воз-

водит.

Се дары, что сражают тебя, о скаредна Похоть;

После Марии мое низвергнуть не в силах ты право.

К смерти начальная ты стезя, ты гибели двери,

90. Скверной пятная тела, погружаешь души ты в Тартар.

Скрой же в горькой главу, чума охладелая, бездне;

Сгинь, любодеица, к манам гряди, заключися в Аверне,

Нощи на мглистое дно низвержена буди стремглавно!

В глубях тебя пусть кружат зыби пламенны, черные зыби,

Сернистый вихрь пускай вратит в стремнинах гремучих,

Не искушать, о Фурий глава, тебе впредь христолюбцев,

Да очищенны тела своему послужат Владыке».

Молвила и, веселясь уничтоженной Похоти смертью,

Тут Стыдливость клинок омывает в волнах иорданских

100. Свой утучненный: на нем сукровица рдяной росою

Позапеклась, испятнав железо лоснистое раной.

Так премудрая меч очищает в речном омовенье,

С победоносного смыв погружением, победоносна,

Вражьей гортани грязь; но уж ей не довольно омытый

В ножнах спрятать клинок, где ржавь потаенна подёрнуть

Может очищенный лоск шершавою нечистотою:

В храм посвящает его кафолический, божья истока

К жертвеннику, где вечным ему искриться сияньем.

Скромная, с важным лицом, Терпеливость стояла недвижно

110. На средине полков, отколе волненья различны,

Раны и недра бойцов, пронзенные дротом жестоким,

Зрела, очи вперив, пребывая невозмутима.

Ярость её издали, кипящая, с пенистым зевом,

Вежды кровавы свои, залитые желчью, вращая,

Безучастну в бою и пикой тревожит и кличем,
Ждать не терпя, копием ее ищет, стремит укоризны,
Гребнем власатым тряхнув на главе, шеломом покрытой:
«Вот тебе, зрительница свободная нашего Марса;
Грудью беспечною ты прими смертоносно железо
120. И не скорби — для тебя в скорбях позорны стенанья».
Так речет, и свистяща сосна, вослед поношенью,
Ринутая по легким ветрам, несется под самый
Стомах верной стезей и прямым поражает ударом.
Но отлетает она, доспехом отброшена прочным:
Ибо из стали сплетенной броню троежильную Доблесть
Предусмотрела вздеть на плеча, и чешуйну железа
Ткань отвсюду витых скрепила ремней сплетеньем.
Так Терпеливость стоит в спокойстве, отважной пред всеми

Тучами стрел, для них пребывая неуязвимой:
130. Тщетен был чудища дрот, бушующего непомерно, -
Ждет она, чтобы своей погибла силою Ярость.
Подлинно, после того, как крепкие мышцы в досаде
Варварская воительница изнурила, и дротов
Тучею втуне она утрудила бесплодну десницу,
Легким полетом когда ветряные осыпались стрелы
И в метанье пустом полегли преломленные жала,
Идет злодейская длань к рукояти, с клинком искрометным
Силу собрав на удар, высоко от правого уха
Вздетая, мощно разит по средине черепа в розмах.
140. Но шишак медяной, из металла каленого зданный,
Под ударом звенит и прочь отлетевшее тупит,
Твердый, он острие; строптивый металл преломляет
Сталь пораженну, меж тем, как пустые встречает наскоки
Сдаться не знающий шлем и терпит удар безопасно.

Узрела Ярость когда, что клинок на отломки раздроблен,
Что распадшийся меч на мелкие сеется части,
На рукояти что держится длань, уж не тяжкой железом, -
Вне себя, бесполезную кость, постыдныя чести
Знак вероломный, прочь отметает, печальное презрев
150. Напоминанье, и смерть, исступленная, встретить пылает.
Дрот из многих один, рассеянных ею впустую,
В прахе она полевом на превратну приемлет потребу,
Древко в землю вонзив и жало к себе обративши,
Плоть прободает, горячей пройдя сквозь лёгкое раной.
Стоя над ней, речет Терпеливость: «Мы победили
Доблестью свычной порок ликующий, всяку опасность
Крови и жизни своей миновав: таков есть в законе
Нашем род войны — и фурий и всякое пагуб
Войско и буйную мощь угашать лишь стойкостью нашей.

160. Враг себе исступленье само, и себя же, беснуясь,
Губит, и дротом своим ничтожится огненна Ярость».
Молвив, средину полков безопасно она рассекает
Мужа избранного в сопутстве: зане неотлучно
Иов с наставницей был победительной в сечах жестоких,
Думен доселе челом и о многих вздыхая кончинах,
Но уж суровым лицом усмехаясь смежившимся ранам
И по несчетным рубцам многотрудных воспоминая
Тысячи браней, своё воздаянье, позор супостата.
Снити к покою ему уж велит богиня от всяких
170. Ратных волнений, и то, что потеряно, пленным богатством
Ныне умножить, и взять то, которому не потеряться.
Тесны дружины она и стекающиесь раздробляет
Строи, ступая сама невредимо сквозь ранящий ливень.

Доблестям спутницей всем единой она придается,
И помогу свою Терпеливость отважная вносит.
В бой опасный без Доблести сей не войдет ни едина
Доблесть: бессильна она, коль ее не крепит Терпеливость.

Той порой средь раздавшихся турм надменна Гордыня
На невзнузданном коне летала, львиной покрытом
Шкурой, чей мех бременил бока его многомощны,
Дабы, на гриве она воссевши звериной, кичливей
Реяла, зря свысока на дружины с дерзостной спесью.
Башненосну главу возвела власами витыми
Круто, груду сложивши, она, придать чтоб громадность
Кудрям, чтоб гордо чело несло стремнину велику.
Палла льняная у ней распускалася складками сверху
По раменам, узлом сплетена на персях округлым;

Тонкою дымкой тесьма от главы привольно струяся,
Ветры набежны тканьем набухающим воспринимает.
190. В дикости и звонконог у нее горделив беспокойной,
Стиснутых уст не терпя опенившимися удилами;
Гнёт хребет, скрежеща, то туда, то сюда он, лишенный
Вольного бега, и полн от поводьев натянутых злобы.
В сем ветряном обличье себя оказуючи, дева
Высится меж полков обоих, и в лудах узорных
Кругом гонит коня, грозна и ликом и гласом,
На сопротивный клин взирая, где воев немногих
С нищим оружьем на брань усильно тогда понукала
Дума Смиренна — хотя и царица, но помощи чуждой
200. Требующа, на своё снаряжение не полагаясь.
Ей пришла споборать Надежда, у коей высоко
Поднятое над землей в богатом царстве обилье.

Но Смиренну когда Гордыня безумная Думу,
Вооруженную лишь невзрачно дротом убогим,
Узрела, горьки к врагу она изливает глаголы:
«Жалкие! нет ли стыда — ополченною чернью на славных
В брани вождей посягать, железом народ донимая
Честью высокий, кому добыла ратная доблесть
Древни богатства, кому травою тучные холмы
210. Властно дала попирать? теперь же пришлец обнаженный
Тщится, коль можно ему, старинных изгнать властодержцев!
Вот кто наши своим в корысть восхитить десницам
Скиптры желает, вот кто возделывать пажити наши,
Нивы, плененны войной, пустошить сохой чужеземной
Тщится, суровых избыть затевая насельников Марсом!
Так, смехотворна толпа! в час, когда человек лишь родится,
Купно все члены, ещё от матерня теплые чрева,
Мы объемлем и власть по новорожденному

телу

Мы разливаем, в костях младых водворяясь державно.

220. Место какое тогда вам далось в обители нашей,

Области наши когда со сверстным им верховенством,

Силою равны, росли? В единый день народившись,

Дом и хозяева, мы возмужали в равные лета,

После того, как, новая тварь, с возбраненного прага

Райского шествуя в путь, пустился в мир неизмерный,

Кожаное восприяв одеянье, Адам досточтимый:

Был бы нагим досель, не последуй он нашим внушеньям.

Кто же сей враг, от краев восстающий ныне безвестных,

Неотвязчив, убог, бессилен, подл и безумен,

230. Прав толь поздних себе домогаясь, доселе изгнанец?

Подлинно, то нам пустой молвы нелепицей мнится,

Что заставляет искать в ничтожестве все упо-

ванья
Будущих, может быть, благ, да ласкают томную праздность
Низменные утешенья, мечты навевая ленивы.
Косной надежде ли тех не ласкать, которых в сем прахе,
Новобранцев, грозная медь не стрекает Беллоны,
Чей невоинственный дух размягчает изнеженна доблесть?
Иль удобна к войне Стыдливости хладная печень,
Иль трудятся в боях Благочестия хрупкие чада?
240. Сколько, о Маворс, стыда, о доблесть, нам ведома, — этим
Воинствам противустать, приступаясь к сей сбродне с железом,
Средь девического десницу вмешать хоровода,
Праведность жалкая где повсегда и убогая Честность,
Трезвость иссохнувшая, Воздержность с лицом побледнелым,
Скудною кровью едва окрашенный Стыд и, лишенна
Всяких покровов, любой Простота открытая ране,

И простершаясь в прах, возбраняя себе быть свободной,
Дума Смиренна, чей страх оказует всю ее подлость!
Ну же! измолочу под стопами, точно солому,
250. Оную немощну рать — зане побивать их жестоким
Было б бесславно мечом, и зябкою кровью железо
Наше поить, и убогим мужей бесчестить триумфом».

Так она возопив, скакуна быстролетного нудит
Шпорою и, отпустив бразды, безрассудно несется
На смиренна врага со щитом из конския шкуры,
Жаждет, грянув, топтать опрокинутого супостата.
Но стремглав она валится в ров, который лукава
Ложь ископала тайком, рассекши недра равнины, -
Ложь, из мерзостных язв, из стада пороков, едина,
260. Изобретательница обманов, в предведенье брани

Обезобразившая коварными ямами поле,
С вражеския незаметно страны, чтоб прянувши строи
Принял пространный ров, станицы пожрав погруженны;
Дабы ж предательская не сделалась копь очевидной
Ратям сторожким, жерло она укрыла ветвями,
Дерн нанося и твердой земли притворяя обличье.
Но, не зная о сем, царица смиренная в дальнем
Поля краю была, к ловушке, Ложью созданной,
Не подойдя и злокозненна рва не шагнувши в лукавство.
270. Оная ж всадница в сей обман, стремительно мчася,
Впалась, и зев отверзся слепой пред нею внезапно:
Выбита, с шеи коня скользит оступившегось, между
Голеней сбитых его катится под конскою грудью.
Доблесть, однако ж, с ее поступкой кроткою, узрев:
Чудища сокрушено, поникшего при смерти, буйство —

Шаг устремляет к нему неторопко, главу лишь немного

Взвысив, на скромном лице оказуя сдержанну радость.

Медлящей верным идет Надежда спутником в помощь,

Мститель-меч подая, и любовь ей к славе вливает.

280. Та же, врага окровавленного ухвативши за кудри,

Выволокла и главу запрокинула шуйцей усильной;

Презрев мольбы, главу, с откинутой шеи ссекая,

Рвет и за влажны она власы вздымает обрубок.

Мертвый порок святыми усты порицает Надежда:

«Брось велеречить — всякую Бог сокрушает гордыню;

Рухнет величье; напыщенность лопнет; осядет надменье.

Спесь научися свою отлагать, научись опасаться

Рва пред стопою, всяк износящий угрозы высоки!

Нашего в силе Христа остается славное слово:

290. Взыдут смиренные ввысь, горделивые снидут глубоко.

Зрели мы, как Голиаф, и мощью и дерзостью страшный,

Немощной дланию был испровержен: отрочьей пущен

Был десницей в него из пращи кремень просвиставшей,

И в пораженно чело проницающей вторгнулся раной.

Он, непреклонен, грозлив, кичлив, немилостив, горек,

Буйно покамест кипит, пока ярится ужасно,

Вид свой являет пока, щитом устрашаючи ветры,

Вдруг испытав, на что способны ребячьи забавы,

Пылкий воитель, как раз от возраста нежного гибнет.

300. Отрок оный, за мной последовав с силой младою,

Выспрь к державе моей направил дух свой цветущий,

Ибо верный там мне блюдется чертог, под стопами

Бога всемощна, и мне, призывающей в горняя

взыти,
С язвой сражаясь грехов, вручает себя победитель».
Молвила, и, разделив позлащенными воздух крылами,
В небо взметается дева; и ей, уходящей, дивятся
Доблести; души у них желаньем полнятся с нею
Вместе идти, когда бы война вождей не держала.
Бьются с пороками вновь и ждут своего воздаянья.

310. От закатных краев вселенной явился враждебник:
Сладострастность, своей не щадящая славы погибшей;
Масть на кудрях её, глас томен, очи блуждают;
В сласти забыла себя, услаждаться — цель ее жизни,
Дух ласкать и томить, впивать беспутно соблазны
Нежные и растлевать надломленное разуменье.
В то мгновенье она изрыгала всенощну трапезу,

Ибо, при свете зари лежа за пиршеством хриплу
Вдруг услыхала трубу и оттоле, покинувши теплы
Чаши, между ароматов и вин походкою шаткой
Шла, хмельная, на брань, стопою цветы попирая.
Но не ногами она — колесницей несома изящной,
Раненны ею сердца пленяла мужей изумленных.
О ратоборства вид небывалый! не трость окриленна
Реет, слетев с тетивы, ни дрот свистящий в ременном
Розмахе вспыхнет, ниже копием угрожает десница,
Нет — но фиалки она бросает игриво и розы
Взмахивает лепестком, на врагов проливает кошницы.
Так чаровательный дух добродетелям, уж обольщенным,
По потрясенным костям разливает нежну отраву,
Сладкоопасный кротит аромат сердца и

оружье,

Мышцы, одетые в сталь, смягчает, сломивши их крепость.

Храбрость теряют они, побежденным подобно, роняют

Дроты бесславно, увы! из слабеющих рук, цепенея,

На колесницу пока, в различном каменьев сиянье,

Зрят удивленно, пока бразды её, кованью звонки,

И колесничную ось, из плотного злата, тяжелу,

Очи незыбно вперив, созерцают они и чредою

Идущи спицы, лучась серебром, которы извивом

Бледным электра широко объемлет обод колесный.

340. Вот уж воинство всё, в стремленье безудержном сдаться,

Волей преходит своей, хоругви клоня, вероломно,

Чтоб Сладострастности впредь услужать, владычицы томной

Власть терпеть и шинка раздольным поддаться уставам.

Срам толь горький узрев, восстенала храбрей-

шая Доблесть —

Трезвость: на правом крыле споборники уж отступают,

Неодолимая рать погибает без кровопролитья.

Стяг высокий креста, который вождем был искусным

В первом ряду предносим, острием она в почву вонзает

И мятущийся полк укрепляет язвительной речью,

350. Души стрекая где укоризною, где и мольбою:

«Кое безумье в вас дух обуялый тьмой взволновало,

Мчитесь куда вы, кому подставляете шею, какие

Цепи — о стыд! — вам терпеть на дланях воинственных любо,

Вплетшиесь средь вязениц шафранных блистательны крины

И темновидны венцы, цветенья вешнего полны?

Сим-то угодно предать к войне привычные пясти У

зам, в сих-то узлах неистомные длани запутать,

Дабы, кудри мужей объяв, позлащенная митра
Желтым окружьем нард впивала на них излиянный —
360. После того, как печать на челе начерталась елеем,
Коею царско дано помазанье, вечное миро —
Нежной чтоб поступи след выметало долгое платье,
Риза шелковая чтоб низливалась по членам бессильным —
После туники бессмертной, которую перстом искусным
Благостна Вера ткала, содевая покров неприступный
Груди омытой, ей же сама подала возрожденье, -
После сего — к ночным торжествам, где кубок огромный
Пагубу пенистую волной изливает Фалерна,
Чаши где каплют на стол, где вина беспримесным током
370. Одр увлажнился, росой где старинною полита ковань?
Жажду забыли вы ту пустынную, оный забыли
Кладезь, отверстый отцам из утеса, таинственным жезлом

Прянуть принужденный встарь от гребня скалы рассеченной?

В кущи первые снедь не сходила ли ангельска к вашим

Дедам, которую днесь, счастливейший, в веке позднейшем

Призван вкушать вечерний народ от тела Христова?

Брашном сим вскормленных, вас уже упоенье срамное

Тянет в сырой лупанар Сладострастности, вам на погибель:

Мужей, которых ни гремлюща Ярость, ни идолы в битве

380. Не одолели, смогла преклонить плясунья хмельная!

Стойте, молю; о себе воспомните и о Христе вы;

Что ваше племя, что ваша слава, кто Бог и владыка,

Кто господин, надлежит вам вспомнить: вы знатна Иуды

Отрасль, идуща к самой Богоматери, в коей и Бог Сам

Стал человек; от долгой чреды вы явилися предков.

Пусть пробудит избранны умы Давидова пышна
Слава, в заботы войны повергавшаяся беспрестанно;
Пусть Самуил пробудит, на враге возбранивший богатом
Всякой корысти искать и в живых царя побежденна
390. Не терпевший, коль тот не обрезан, чтоб выживший пленник
Возобновить не склонил победителя кроткого брани.
Мнит преступлением он — щадить тирана плененна:
Вам же, напротив, пасть и быть одоленными мило.
О, раскайтесь, коль вы почтением движимы к Богу
Вышнему, в помысле сем — за сладостным злом, несказанну
Створши измену, идти: не пагубен грех в покаянье.
Каялся Ионафан, что пост нарушил он сотом
Сладостным строгий, вкус отведав жезла и меда
В час недобрый, увы! когда желанье державы

400. Юношу лестно манит и клятву священную рушит.
Но раскаялся он, и жребий не был плачевен,
И приговор не окрасил секир отеческих тяжкий.
Се — я, Трезвость, коль вы мне намерены стать на подмогу,
Всем добродетелям путь проложу, дабы злосоветна
Сладострастность, хоть сонм клевретов при ней, претерпела
Купно с дружиной своей пред Христовым судилищем кару».

Молвивши так, Господень крест простирает к квадриге
Бурной, шествуя встречь, прилагая древо честное
К самым ее удилам: ужаснулися пылкие кони
410. Ветвей простертых его и вершины, блещущей ярко:
Страхом влекомы слепым, на побег они исступленный
Прянули по крутизнам. Поводья вотще напрягая,
Реет, откинувшися, колесничий, и влажные кудри

В прахе сквернятся у ней; тогда и колёс обращенье
Падшую втягивает госпожу: под осью стремглавно
Канув, раздранным она колесницу телом спинает.
Смертный Трезвость удар простертой наносит врагине,
Камень пустивши в нее громадный, утеса отломок,
Знаменщице бо вручил сие орудие случай,
420. В длани мощной не дрот, но знаменье брани носящей.
Так понесся валун, что по самым вратам он дыханья
Грянул, взорвав и уста смесивши с вогнутым нёбом.
Зубы крушатся тогда у возничего, и раздробленну
Полнит гортань издранный язык кровавым лоскутьем.
Брашна неслыханны зев опаляют: она, поглощая
Кости растопленны, снедь извергает, давно потребленну.
«Выпей же крови своей, отведав из кубков

столь многих, -
Дева, глумясь, вопиет: — Сей пир тебе буди впоследок
Скорбен, за всю чрезмерную сласть протекшего века;
430. Резвые жизни твоей соблазны пусть горькой вкушенье
Смерти, последний сей вкус глотком удручит пусть ужасным!»

Гибель вождя узрев, рассевается в трепетном бегстве
Вся пустошная рать: Посмех с Бесстыдностью первы
Мещут кимвалы: таким бо оружьем они забавлялись
Ратовать, ранить врагов приступаясь с отзывчивым систром.
Вспять пустился Амор; отравой напитанны стрелы,
Лук, уронённый с плеча, и колчан, на землю упавший,
В ужасе сам побледнев, за спиной далеко оставляет.
Роскошь, блеском пустым кичлива, совлекшися праздна
440. Пеплума, мчит в наготе; Умильности все

плетеницы
Тянутся раздраны; с шеи, с главы покатилось, распадшись,
Злато её, и алмазы смешала резкая Распря.
Не умедляет ногой уязвленной ступать сквозь колючи
Чащи Услада, зане понуждает вящая сила
Бегство печально терпеть, и страх пред опасностью бранной
Черствыми нежны стопы на мучительный путь содевает.
Беглы станицы куда ни направят трепетна лёта,
Всюду потери лежат: булавки, повязи, ленты,
Пряжка, фатица, корсет, диадема и ожерелье.
450. Сих корыстей и Трезвость сама, и Трезвости всякий
Воин не смеет тронуть: сии прокляты соблазны
Чистою топчут стопой, и свои суровые вежды
Не обращают они с помизаньем на радость поживы.

Алчность, рекут, по мошне поместительной препоясавшись,
Всё, что прожорливая ни бросила ценного Пышность,

В пясть крюковату гребёт, на красны безделки широкой
Пастью зияя и злата сбирая обломки, что пали
Между песчаных куч; обширную ей не довольно
Пазуху с верхом набить — желает прибытком исполнить
460. Гнусным мошну, распереть покражею коробы тяжки,
Кои шуйцей она прикрывает, у левого бока
Ризой скутавши их; ведь нагла десница добычу
Тянет, ее неустанны в грабительстве медные когти.
Глад, Забота и Страх, Вероломства, Тревога и Бледность,
Злоумышленья, Обман, Бессонница, Скаредность, Порча,
Чудищу сонм Эвменид сопутствует многоразличных,
Тою порой, как, обычай волков усвоив свирепых,
Рыщут по полю всему Преступленья толпою бесчинной,
Черным матери их воздоенные Алчности млеком.

470. Если братний шишак, горящий перунником рдяным,
Сродный союзник узрит, обнажить тотчас не боится
Меч и в темя тому соратным лезвием грянуть,
С единокровной главы чтоб похитить камни драгие.
Если случится найти умерщвленного жребием бранным
Сыну тело отца, в златых лучащуюсь лудах
Перевязь он и доспех ликует восхитить кровавый:
В поле семейну корысть сбирает гражданская распря,
И родных не щадит ненасытная жажда к стяжанью
Чад, нечестивый свои порождения глад обдирает.
480. Так резню в племенах победительница всей вселенной
Алчность чинила, мужей простирая сотнями тысяч,
Раны им разны неся; одного, лишенного зренья
Глаз исторгнутых, точно во мрак пускает полночный —

В слепости жалкой блуждать, средь многих свершая препятствий
Ход свой, и не осязать клюкою опасностей встречных;
Взор соблазнит другому она, помрачая смотренье,
Знатное нечто ему показуя, к чему устремившись
Без опасенья, на дрот налетит, и в самое сердце
Он уязвленный, стенет, погруженное чуя железо.
490. Ввергнуться многих она понуждает во пламень открытый,
Огня избегнуть отнюдь не дая, где злато калится,
К коему мчит, чтоб вместе сгореть, несытый искатель.
Род весь людской похищает она, и всех она смертных
На погибель долит, и нет никакого свирепей
Между пороков земных, что в бедствах вращает толиких
Род человеков мирской и геенне его обрекает.
Даже самих докоснуться рукой, коль верить пристало,
Божьих она дерзает жрецов, которые в битве

Пралися в первом ряду, путеводцы, для прославленья
Доблестей, полня трубу могущего звуком дыханья.
Может быть, кровью б она упоила невинной железо,
Коль Рассудительность тут браномощная, рода левитска
Спутница верная, щит не простерла бы встречу и славных
Не оградила бы чад от натиска черной врагини.
Им Рассудительность верный оплот: невредимы от всяких
Вихрей стоят, отважны душой; едва ли и коже,
Мимо скользнув, повредит у немногих легкою раной
Алчности дрот. В изумленье чума сия гнусная медлит,
Видя, что жала её отлетают от горла героев,
Стонет и фурийный так глагол, кипя, устремляет:
«Мы побежденны, увы! цепенеем, вся наша мощность
Прежних не явит насильств; вредоносная лютость слабеет,

Коей привычно везде было с силою неодолимой
Рушить людские сердца; ведь железною столь ни в едином
Муже природа доднесь не была, чтобы, твердый, он презрел
Медь иль для нашего он неприступен сделался злата.
Всякому смерть мы свойству несли: жестоки и нежны,
Грубы, премудры равно, неучены, учены, а с ними
Чисты, нечисты моей все сердца открывались десницей.
520. Я пленила одна всё, что Стикс омыкает несытой
Завертью, нам лишь одним богатейший Тартар обязан
Людом во власти его; что вращают века, всё то наше;
Всё, чем мятется мир, занятья безумные, — наше.
Как учинилось, что сил наша пышная слава лишилась
Крепких? фортуна что днесь над усталою мышцей смеется?

Для христолюбцев ничто — монеты блистательной рдяный

Образ, ничто сребра им чекан, и сокровище всяко

Дёшево в их глазах, в своей помраченное чести.

Что в гнушении сем ученом? Над Искариотом

530. Мы ль не свершили триумф, кто, велий меж учениками,

Трапезу с Богом деля, обманывал, пира причастник,

Он не неведущего, простирая к солилу десницу,

Пламенной алчности полн, и на нашу стрелу налетел он,

Пажить позорну себе купив приязненна Бога

Кровью, за поле платить имущий удавленной шеей?

Зрел и Иерихон, при своем разрушенье, коль много

Длань наша мощна, когда погиб Ахар победитель.

Славен в сече и стен градских горделив низверженьем,

Злату он уступил, у врагов одоленных стяжанну,

540. В пепле заветном когда сбирая богаты проклятья,
Ненасытимо впивал он руин угрюму поживу.
Знатное племя ему не на пользу и древния ветви
Сам праотец Иуда, в родстве с Христом приобретший
Знатность свою, таким патриарх счастливый потомком.
Люб кому рода пример, любезен да будет и образ С
мерти: будь кара одна для тех, чей род был единым.
Что же Иуды сродников я иль сродников медлю
Священнодетеля вышня — зане так чтят Аарона -
Ложью какой соблазнить, коль в Марсовых сшибках слабее?
550. Важности нет, оружьем триумф иль обманом даётся».

Молвив, свирепа лица и фурийна вооруженья
Разом совлекшись, вид на себя честной восприемлет:
Доблесть она и лицом, и повадкой, и ризой суровой,

Кою зовут Бережливость, кому жить по сердцу скромно
И своё сохранять, ничего не хватаючи жадно:
Вид прилежный снискал похвалу представляема нрава.
Лживая обликом сим себя притворяет Беллона,
Чтобы не алчной чумой, но умеренной Доблестью мниться.
И благочестья она пеленою нежною кудри
Кроет змеины, чтоб плат ее убеленный сокрытой
Ярости не обнажил, и, жестокое бешенство пряча,
Страсть хватать и тянуть и скрывать стяжание жадно
Сладостным титлом она нарицает заботы о чадах.
Зраком прельщая, сердцам, на свою доверчивым гибель,
Лжет она: следом мужи за зловещим чудовищем идут,
Думая Доблести быть здесь делу; Эриния гнусна
Ловит согласных легко, замыкая в цепкие узы.
Ошеломленны вожди, в смятенье все их дружины,

Зыбился Доблестей строй, смущен обольщеньем двувидна
570. Чудища, не разумея, в нем зреть ли дружество должно
Иль распознать вражду. Изменчива, двойственна гибель
Взоры сомнительны их колебала обличьем неясным,
Как внезапно, взгремев, на средину поля Щедрота
Прядает, помощь неся соратникам, ввергшися в битву:
В войске последнею шла по ряду, едина имея
Брани предел положить, скорбей никаких не оставив.
Всякое бремя с рамен низвергла, без всякого платья
Шаг свой держа, и от многой она избавилась клади;
Некогда грузом богатств и тяжкого злата согбенна,
580. Ныне свободна, зане, неимущим сочувствуя, много
Им помогла, широко раздавая наследно именье.
Верой богата, свои уж зрела ларцы опустелы,

Прибыль, имущую ей воздаться в вечности, числя.

Вострепетала, перун видя Доблести неодолимой,

Вне себя, замерла, с оглушенными чувствами, Алчность,

Чуя погибель: ведь где для лжи ещё средство, чтоб сникла

Мира попрательница сама, одоленна мирскими

Похотьми, спутавшись вновь со златом, презренным ею?

Грянула тут на трепетную храбрейшая Доблесть,

590. С жестким дланей узлом, и, гортань ей сдавив, раздробляет

Обескровленный зев и сухой; смыкаются тесны

Путы пястей на подбрадье её, из глотки смеженной

Душу исторгнув: и та, никакой не похищена раной,

Корчится лишь — и затем, что проход пресечен ей дыханья,

Запертую в узилище жил принимает кончину.

Та же, противящуюся коленом сдавив и сто-

пою,
Ребра ей прободает, ломя запыхавшееся чрево.
С мертвого тела поживу его забирает: и злата
Грубого грязны куски, досель еще не прокаленный
600. В печи металл, и мошны, изъеденные неисчетной
Тлею, монеты, которые ржавь затянула зелена,
Долго хранимые, вкруг рассевает победница, нищим
Сыплет, убогих она ущедряет добром полоненным.
Тут омкнувши ее с ликующим видом станицы
Узрев, полков посреди восклицает она, веселяся:
«Препоясание прочь, сложите вы долу оружье!
Зол толиких вина погубленна лежит; на поживу
Зев разверзавшийся мёртв — святым упокоиться можно.
Высший покой — не желать ничего сверх того, что насущной
610. Нуждой взыскуется, снедь чтоб простая, единственна риза
Слабой плоти покров, укрепленье воздержное дали,

Не увлекая уйти из начертанной меры природой.

В путь сбираясь идти, не бери ты пиру с собою,

Ни о ризе другой, на смену, отнюдь не заботься;

И не пекись о завтрашнем дне, чтоб чрево без пищи

Не оставалося: ядь дневная с солнцем приходит.

Видишь: из птиц ни одна о завтрашнем дне не помыслит,

Божьей опеке свое пропитанье вверяя бесстрашно!

Корм насущный снискать уповают птицы ничтожны,

620. И в воробьях, которых за асс продают, обитает

Вера незыблемая, поможеньем могущего Бога

Не погибнуть — ты ж, Божья любовь, Христово подобье,

Ты боишься, чтоб твой тебя не покинул Создатель?

Не трепещите! дающий вам жизнь дает вам и пищу,

Должно в науке искать небесной вам снедь светоносну,

Коей питаясь, растет упованье нетленного века,
Тело забудьте свое: не забудет его сотворивший
Вам пропитанье являть, снабдевая жаждущи члены».
Гонит заботы сей клич; Изнуренность, Страх и Насильство,
630. И Злодеянье, и Ложь, отметница верности прочной,
Вспять, отбиты, бегут. По разгроме врага изгоняет
Мир любезный войну; тут разоружается всякий
Страх, и со чресл кушак, расстегнувши пряжку, срывают.
К самым стекают стопам ниспадающи их одеянья,
Бурный умерен их шаг степенностию гражданина.
Горнов гнутая медь молчит; возвращается кроткий
Меч в ножны, и когда осела пыль на равнинах,
Ясный вид светозарного дня обличился без облак;
Зрел бы ты, как небеса ослепительным светом

лучатся.

640. Чувствуют, что Громовника лик улыбается сверху

Чистым полкам их, вершцы, веселясь сконча-нию брани,

И что Христос победе своих ликовствует в эфирной

Крепи и слугам своим отверзает отчую бездну.

Знак счастливой Согласностью дан — победи-тельных в ратный

Стан орлов повернуть и в шатры свои возвра-щаться.

Славы такой, ниже таковой красы не знавала

Рать ни одна, когда двойчата станица широко,

Чином раздельшися, шла: пешцы псалмопев-ствуя строем,

А с другой страны отзываются вершники гим-ном.

650. Точно так воспевал Израиль, озряся по-бедно

На зияющу ярь позади них пучины грозливой,

В час, как, измерив стезю, ногой сухою он берег

Попрал противный, и, вкруг подошвы подъем-ля шипенье,

Рушился холм нависшей воды, и отхлынувшей хлябью

Черных на самом он дне насельников Нила застигнул,
Сбыли струи, и вновь отдается бурун на нырянье
Рыбам, нагие пески накатившей сокрылися стрежью.
Тут в полнозвучный тимпан ударил отзывистым плектром
Божий сонм, чтоб чудо воспеть, Всемогущего дело,
660. Ввек достопамятное: меж брегов струистых пучине,
Зыби рассекши ее и вихри спнувши над нею,
Дать возрасти, и воздеты валы принудить держаться.
Так, по скончании сеч с пороков племенем, льются
Доблестей таинственны песнопенья в псалмах сладкогласных.

Вот достигли они до лагерных врат, где стесненный
Вход сквозь вал подают с двойною створкой запоры.
Здесь непредвиденную тревогу рождает лукавство
Зла плачевного, Мир возмущая кроткий враж-

дебством,
Толь великий триумф омрачая несчастьем незапным.
670. Так случилось, что средь густой дружины Согласность
Стопы когда уж вносила свои в спокойные стены,
Тайный, сокрывшегося порока направленный дланью,
Меч ей под левый бок впивается. Хоть облегала
Ткань чешуйчатая колец железных плетеньем
Тело её, хотя сцепленья крюков не пустили
Жало язвительно, цепкая нить тугими узлами
Грянувшему не дала лезвею погрузнуть во чрево,
Редкий, однако же, шов в просвете тонком железу
Вникнуть позволил, там, где крайни чешуи к лощеным
680. Латам примкнули, доспех где кромкой сходится с телом.
Рану сию нанесла воительница злоковарна
Сгибших полков, обманув победителей неосторожных;
Ибо, когда ополченье грехов рассыпалось,

Распря

В наши вступила полки, приявши облик соратный.

Плащ раздранный ее и бич, из множества свитый

Змей, далеко в полях, средь груд валялись доспешных, -

А сама, увязав зеленой маслиною кудри,

Отклик, ликующая, торжественным шлет хороводам,

Пряча под ризой кинжал, тебя, величайшая Доблесть,

690. Только тебя из толикой толпы, о Согласность, прискорбным

Ковом взыскуя; но ей прободать священного тела

Недра отнюдь не дано: едва неглубоким ударом

Кожу задетую нить прочертила скудная крови.

Доблесть, застигнута вдруг, восклицает: «Что совершилось?

Кая таится здесь вражья длань, ликование наше

Ранящая, средь веселий таких потрясая железом?

Много ль пользы, что брань необузданны гне-

вы сломила
И священная рать, пороки казнив, вся вернулась,
Если Доблесть падет и в тиши?» Взволнованно войско
700. Скорбный взор к ней вратит: точится, знаменье раны,
Ризой железною кровь. Тотчас неприятеля ужас,
Рядом стоящего, им выдает: ведь бледность на лике,
Дерзкого дела печать, оказует явно виновность,
И бессильная длань и цвет её белый трепещут.
Кругом, мечи обнажив, ее обомкнуть поспешает
Доблестей весь легион, дознаваясь, в волненье кипящем,
Рода и имени, толка её и отчизны, и бога
Коего чтит, и отколь посланцем явилась: она же,
Страхом, мятущим ее, обескровлена: «Распрей зовусь я,
710. Ересь прозвание мне, и бог мой пёстр, — возвещает: —
Большим и меньшим, простым бывает он и

двойчатым,
Коли угодно то мне, воздушным и призрачным зрится
Иль присущей душой, коль играть с божеством я желаю;
Мне Велиал наставник, а дом и предел мне вселенна».
Доле уж не снесла кощунств плененныя твари
Вера, Доблестей всех царица: речи дальнейши
Тут пресекает и гласа проход копием замыкает,
Жалом суровым пронзив язык её осквернённый.
Неисчислимые тварь разрывают зловещую длани;
720. Каждый хватает обрывок себе, чтоб по ветру рассеять,
Чтобы псам изметать, чтоб самим прожорливым вранам
Брашном повергнуть его, чтоб клоаки в курящееся лайно
Вринуть, чудищам чтоб предать на расправу пучинным.
Труп, рассеченный весь, в корысть животным нечистым
Роздан; раздроблена, погибает ужасная Ересь.

Так, когда все дела добродетелей были ко благу
Общему приведены и мирного племени вкупе
728-9. Чувства водворены под защитою прочною вала,
730. Стана тогда посреди возводят помост, возвышенно
Место избрав для него, курган с вершиною острой,
Где учреждался дозор, отколь подчиненну окрестность
Взгляд широко озирал, свободный, в воздухе ясном.
Вера искренняя, с Согласностью вместе, священной
Связью в Христовой любви сопряженные клятвенно сестры,
Всходят на гребень сей, и вскоре уж на помосте,
Святы, друг другу любезны, вдвоем восстают они, властью
Равною наделены; стоят на превыспреннем холме,
Видные всем, и люду велят пред ними собраться.
Тотчас со стана всего стекаются все, ликовствуя;

Часть души ни одна не прячется праздно, котора,
Выбрав обитель себе в каком-нибудь тела изгибе,
С подлою леностью в нем могла бы прятаться; всюду
Полог отброшен в шатрах, наметы откинуты, дабы
Их не дремал, под темный укров удалясь, обитатель.
Слух напрягая свой, ожидает собранье, к чему же
После войн призовет победителей вождь их, Согласность,
Вера какой устав учредить для Доблестей хочет.
Первой тогда Согласность в таком свой глас возвышает
750. Слове: «Се, наконец свершилось: вы полною славой,
Чада Отца, о Христа вы Господа верные чада,
Взысканы. Истощено, свирепое, в многих стязаньях
Варварство, силою чьей святого насельники града
Осаждены, чей огнь и железо мужей утесняли;

Но общественный мир на частной созижден приязни —

В поле, на стогнах. Раздор домашний ввергает державу

В бедствия; что распалось внутри, то шатко снаружи.

Так блюдитесь, мужи, несогласных чтоб не было мнений

В чувствах наших, чтоб секта у нас не взросла чужеземна,

760. Тайною ненавистью возжжена, — ведь расколота воля

Сердца глубины мутит состязаньем влечений противных.

Пусть наши думы любовь сопрягает; пусть наши жизни

Рвением дышат одним. В чем есть разделенье, то шатко.

Меж человеком и Богом вступись, Иисусе, посредьем,

Смертну природу с Отцом сочетавый, чтоб плотское с духом

Вечным не было врозь, но будут, как Бог, заедино:

Так, что мы ни вершим ума изъявленьем и тела,

Единовидною дух да сплетает скрепой единый.
Мир — совершенный Доблести труд, забот увенчанье,
770. Мир — награда прошедшей войны, всех бедствий награда;
Звезды миром сильны, земля утверждается миром.
Богу без мира ничто не угодно: если желаешь
Дар к алтарю ты нести, Он не примет, коль брату мятежный
Дух неприязнствует твой в вертепе груди беспокойной;
Если же ты пострадать во имя Христа в огнекудрый
Пламень прянешь, храня, однако, враждебны желанья
В желчи завистливой, в том нет пользы, что Иисусу
Душу драгую отдал, ибо мир — условье заслуги.
В спеси не дмится отнюдь, не завидует брату, ревнивый,
780. В долготерпении всё он сносит, всему доверяет,
Не скорбит от обид, извиняет все поношенья,
Света закат предварить прощением он поспе-

шает,

В страхе, чтоб солнце, сходя, не оставило гнев упроченный.

Бога чествовать кто желает, верша всесожженья,

Прежде мир принеси: Христу никакая не слаще

Жертва; лишь ради сего приношенья к святым обращая

Лик алтарям, услаждается Он благовонием чистым.

Но, однако, сам Бог наставляет белых голубок

Нежного пуха змею одевшуюсь перистой ризой

790. Распознавать пытливым умом, коль вмешается между

Птиц невинных она; и волк, с окровавленным зевом,

Прячется, млечной овцой под мягким руном притворившись,

Пагубой да налетит свирепой на агнчие горла.

Сим искусством Фотин свой лик скрывает и Арий —

Волки, дышащие ярью безмерной; опасности наши,

Кровь недавня, хотя лишь с поверхности тела,

являют,
Сколь сильна потаенная длань». Стенет совокупно
Племя Доблестей, сим потрясенное случаем горьким.
Тут благородная Вера речет: «В обстоятельствах добрых
800. Должно стенаньям престать. Согласность уязвлена раной,
Вера же соблюдена; и Согласность сама, уцелевши,
Верой-сестрой сопутствуема, смеётся раненью.
В ней лишь спасенье мне; вновь обретя ее, скорбь избываю.

Дело по бранях одно осталось для знатной работы,
О вельможи, которое встарь миротворный преемник
Ратной державы, наследник оружных палат безоружный,
Распорядил Соломон: ведь отца его, бурно дышаща,
Теплыми властодержавцев кровьми курилась десница;
Кровь отёр и святилище сын заложил, и поставил

810. Жертвенник, дом высокий Христу, с позлащенною кровлей.

Тут Иерусалим, украшенный храмом, спокойство

Богу, божественный впредь, уготовал, в тот час как скитальный

Остановился ковчег, водружен на мрамор алтарный.

Пусть досточтимый храм и средь наших воздвигнется станов,

В коем Святая святых присетит Господь всемогущий!

Ибо что пользы — грехов земнородных фаланги железом

Нам отражать, если Сын Человеческий, из цитадели

Долу эфирной сошед, во град очищенного тела

Вступит неубранный, храма себе не сретая блестяща?

820. Мы очередно досель в рукопашных трудилися битвах;

Мира безмолвного белая тога днесь нудит нас к делу,

Младость пусть, разоружась, поспешит возвести дом святыни!»

Речь сию довершив, с ступеней высоких ца-

рица
Сходит, и общница ей в труде толь высоком Согласность,
Нового храма чтоб грань начертать, положить основанье.
Трость златая у них по всей пробегает равнине,
Соразмеряя, страны чтоб стали ровным квадратом,
Чтобы, в стыках родясь несходных, угол неравный
Несоразмерностью не исказил наугольника четкость.
830. Там, где Авроры предел, в убранстве трех врат распростерлась
Светла страна; тройное число отверзается к южной
Области врат; и тремя открыта тройная к полночи
Створками дверь; и столько же крат к оси Аквилона
В дом высокий есть вход. Здесь строительный камень не зрится,
Только, обтесываньем просверленная, камня драгого
Впалая глыба порог объемлет сияющей аркой,

Из одного притвор проницаемый камня соделан.

Поверху врат начертанные письменами на злате

Дважды шесть имен апостольска блещут сената.

840. Сими титлами Дух потаенные помыслов недра

Вкруг омыкает, зовя в предсердье избранные чувства;

Где ни окажет себя природа людская, котору

В теле живит четверичная мощь, — троепутьем подходит

Дух к алтарю сердец, чтя святыню чистой мольбою;

Отроков солнце ль ведет восходящее, зной ли чрезмерный

Юношей воспламенит, иль мужам созрелого века

Полный свет совершенье дает, иль холодный Борея

Час к благочестным зовет торжествам одряхлевшую старость,

Входах при всех четырех тройное является имя:

850. Ученикам двенадцати в честь так Царь всё

устроил.

Из такого ж числа камней драгоценных искрится

Вздвигнутых стен распещренный убор, и расцветок живые

Души высокий свет исторгает из ясныя глуби;

Злата природного там хризолит средь отливов огромный

С разных сторон сафир и берилл сочетал себе в общность

И, лучась посреди, изменял разлученны красоты;

Тусклый здесь халкидон заливается от иакинфа

Светом соседним; зане сей камень, в себе заключивший

Темные глуби, вблизи лучился багрянцем прозрачным.

860. Цвет подают сардониксу здесь аметисты, иаспис

С чудным топазием — сардию цвет, подле них водворенну.

Средь сих зрелищей луг муравою смарагдовый зелен

Сочной, и блеск травяной кружит переменчивы волны.

И прозрачность твою вплетает зданье, о пылкий
Луч хризопраза, камней к созвездью прибавив светило.
Тали веревочные скрипели тяжким канатом,
К самым вздымая верхам огромность камней драгоценных.
Тож и внутренний дом, на седьми столпах утвержденный, -
Льдяна кристалла столпах, из скалы иссеченных прозрачной, -
870. Строится, их же главы покрывает выспренни белый,
Конусом вырезанный, жемчуг, внизу обведенный,
Точно ракушка, браздой извитой: сей перл неизмерный,
Тысячу дав за него талантов, свое все именье
Выставивши на торги, усердная Вера купила.
Здесь на престоле сидит Премудрость могущая, замысл
Царства весь своего из высоких палат учреждая,
Средства к тому, как хранить человека, в думе вращает.
В дланях же у госпожи — не искусством скипетр

лощенный:

Древо живое, в зелени всё, хоть ему, отсеченну

880. От ствола, не несет питанья влага земная,

Но невредженной оно могуче листвою, и розы,

Кровию напоены, с белизной оно кринов сплетает,

Коих цвет никогда на увядшей не клонится выe.

Проображеньем ему был оный скиптр Аарона

Цветоносный, кора чья сухая издала почки,

Тот, что нежный убор произвел, упованьем исполнен,

Ветвь чья черствая вдруг плодом надмилася новым.

Вечную мы воздаем, Учителю всемилосердный,

О Христе, благодарность Тебе, благочестными взносим

890. Славу устами — ведь скверной пороков окалено сердце:

Ты опасностям нас, затаенным в укрове телесном,

Опытам нас восхотел Ты наставить душевныя брани.

Ведаем мы, как в туманной груди противные чувства

Сшибок чредой свершают свой труд и, согласно исходу
Разному битв, — то в них взрастают счастливые свойства,
То, коль согнутся в бою добродетели, сердце влечется
Худшей жизни в ярмо, и себя вручает пристрастьям
Мерзостным, и своего утрату терпит спасенья.
Чуяли мы, о! колькрат, чуму пороков отторгнув,
Как накалялась Богом душа! колькрат, остывая
Горни внушения в нас, по веселии ясном, сдавались
Гнусным страстям! Кипят ужасные войны, во глуби
Наших кипят костей, и гремит от полчищ враждебных
Наша природа, чужда единства; из персти созданно,
Тело давит на дух; напротив, он, сотворенный
Дханием незамутненным, в узилище мрачного сердца
Буйствует, в тесной тюрьме презирая быть грязи причастным.

В розных влияниях свет со мраками брань предприемлет,
Двойственное существо воружает противные силы,
910. Бог Христос доколь не придет с поможеньем, на чистом
Месте не водворит Он все добродетелей перлы,
В тех рубежах, где царствовал грех, златые чертоги
Храма подъемля, не претворит Он нрава доброты
Во украшенье души, утешаясь которым, на красном
Будет престоле вовек Премудрость богатая править.

Перистефанон

I. Гимн в почесть святых мучеников Эметерия и Хелидония Калагурританских

Мучеников двух прозванья в небесах написаны,
Кои буквами златыми тамо начертал Христос;
В кровяных сие писанье знаках Он земле предал.

Во вселенной счастлив, славой Иберийский блещет край,
Удостоенный от Бога быть костей хранилищем,
Да гостеприимцем скромным тел блаженных явится.

Он впитал горячи струи, чермен казнию двойной:
Залитый святою кровью, днесь песок насельники
Посещают, почитая и мольбой, и жертвою.

10. Также чуждых обитатель областей идет сюда:

Разгласительница-слава облетела земли все:
Здесь защитники вселенной, к ним с прошеньем шествовать.

Втуне здесь никто молебства не возносит чистого,
Весел вспять грядет молебник, осушив рыдание,
Всё, что праведно искал он, чувствуя достигнутым.

Толь заботливы о наших бедствиях поборники:
Не дадут излиться тщетно гласу ни единому;
Внемля, тотчас в слух Владыки провождают вечного.

Щедрый дар струится долу от прямого Кладезя,
20. Утоляющий недуги врачевством взыскуемым;
У Христа всё невозбранно для Его свидетелей,

Для свидетелей, что цепей, смерти не ужасншися,
Одного глаголют Бога, заплативши кровию —
Кровью, но сей жертве мздою стал непреложимый свет.

Сей прекрасен род кончины, сей пристал му-

жам честным:
Члены, яствие болезней, жил тканье иссохнувших,
Вражеску обречь железу, превозмочь смерть смертию.

Славно — быти пораженну от меча гонительска;
Знатные врата в зиянье язв отверсты праведным,
30. Излетает дух из сердца, алою струей омыт.

Не чужда трудам тяжелым жизнь была, что встарь вели
Ратники, Христом взять вечну призванные перевязь;
Святодейству служит доблесть, с ратоборством свычная.

Знамя Цезарево презрев, к стягу реют крестному
И полотнищу драконов, по ветрам вздеваему,
Славное предпочитают древо, имже стерт дракон.

Мнят они ничтожным — дроты несть в деснице опытной,
Стены раздроблять машиной, лагерь рвом

очерчивать,
Нечестивые бесславить длани кроволитием.

Дал суровый для вторыя отрасли Израиля
Вождь всемирного чертога к алтарю приказ идти,
Идолам пожерти черным, для Христа стать беглыми.

Препоясанна железом, веру нудила чума:
Но и к розгам, и к секирам, и к когтям раздвоенным
Та влеклась сама, в любови ко Христу бестрепетна.

Пронизью жестокой шею бременит узилище;
Длани варварские ката по всем стогнам трудятся;
Преступленьем чтится правда, веры глас карается.

Рухнулась во прах несчастный доблесть обезглавленна,
Ввержена в костер угрюмый, упилася пламенем,
Сладко праведным сожженье, сладка гибель мечная.

В ону пору воспылали купно братьев двух

сердца,
Коих верное навеки сочетало дружество;
Претерпеть готовы всё, что жребьем крайним дастся им.

Под бердыш державный выю ль подклонить им надобно,
После звона бичеваний и решеток огненных,
Пардам ли им будет должно или скимнам грудь предать.

«Нам ли, для Христа рожденным, стать мамоны в подданстве
И несущим образ Божий — поработать мирови?
60. Да не будет, чтоб смесился свет небесный с мраками!

Искони плененной бывши под рукописанием,
Отдала свой долг жизнь наша, службу справив Цезарю;
Возвратить днесь Богу должно достоянье Божие.

Отступите прочь, трибуны, прочь, полков наместники,
Ожерелья прочь златые, плату за ранения!
Ангельское уж зовет нас воздаянье светлое.

Там Христос над убеленной властвует дружиною,
Царь на троне возвышенном, судит мерзостных богов
С вами, коим смехотворны чуды мнятся богом быть».

Пали тут на страстотерпцев истязаний тысячи;
Длани им узлами путы увивают черствые
И объемлет удрученну шею сталь окружием.

Древности, увы! безмолвной небреженье дряхлое!
Многое нам знать заветно, гаснет и молва сама,
Ибо хартии служитель истребил злокозненный,

Чтоб века, нашед в писаньях твердых научение,
Время и чреду и меру страсти разглашенныя
Не вливали в слух потомства сладостным глаголаньем.

Впрочем, то лишь не спаслося от безмолвной древности,
Во остроге неисходном долго ль их росли

власы,
Мукою, а паче ж — честью как палач украсил их.

Оная не в тайне слава, с летами не стареет,
Что дары их, ввысь посланны, воспарили в воздухе,
И дорогу к небу блеск их очертил отверстую.

Перстень одного, знак веры, облаком уносится,
А другой ветрам убрус свой, молвят, предает в залог,
Кои, вышним вихрем взнявшись, в лоно света приняты.

В своде неба светозарна блеск златой теряется,
Ткани белизна от взора кроется следящего;
90. Се, возносятся к светилам и не зрятся более.

Зритель был весь сонм присущий, зритель был и сам палач —
И, смутившись, длань замедлил, в изумленье побледнев,
Но удар всё ж довершил, чтоб славы не губить своей.

Сознаешь ли днесь, васконов косное язычество,
Сколь священну кровь пролило заблужденье

зверское?
Сознаешь, что с Богом души жертв соединились?

Зри, сколь явно здесь свирепы усмирились демоны,
По обычаю утробу что терзают волчьему,
Душу самую что давят, в чувства что вплетаются.

Вот своим врагом наполнен человек ярящийся,
Пенны слины извергая, взор кровавый поводя,
От чужой вины имущий розыском очиститься.

Жалостны внемли стенанья — палача хоть нет вблизи,
Иссекают плети тело — но бичи не зрятся здесь,
Вытянулся он, подвешен на незримых вервиях.

Доблесть мучеников злого так томит разбойника,
Сей гнетет, палит, терзает, тот цепями потчует,
Тать изломанный, утробу покидая, реет прочь.

Невредженныя добычи, глотки ссохшейся бежит,
От ногтя до власа здравым оставляя весь

состав,
Признаваясь, что горит он, — ведь геенны он жилец.

Что ж гласить, как, от болезней белы, здравеют тела,
Чьи бескровны члены дрожью сотрясались хладною?
Опухоль с лица спадает, прежний воскресает цвет.

Это благо сам Спаситель даровал в отраду нам,
Мучеников члены граду посвятивши нашему,
Кои суть покров живущим близ волны иберские.

Гимн днесь, матери, начните о целенье чад своих!
Голос жен, супругов здравьем ликовствуя, пусть гремит!
120. День сей нам да будет праздник, радость освященная!

II. Гимн в почесть страстей блаженнейшего мученика Лаврентия

О требищ матерь древняя,
Христу днесь, Рома, данная,

Лаврентия водительством
Обряды ломишь варварски.

Надменных премогла владык,
Браздой народы стиснула;
Теперь же гнусных идолов
Под иго гнешь властительства.

Недоставало славы сей
Для града тогоносного,
Язычну дикость полонив,
Стерть скаредна Юпитера:

Не буйственною силою
Камилла, Косса, Цезаря —
Умученна Лаврентия
Борьбою небескровною.

В оружье Вера пралася,
Своею кровью щедрая,
Смерть разоряя смертию,
Себе собою жертвуя.

Что будет так, святитель рек,
Уж на кресте пропятый Сикст,
Зрев плачуща Лаврентия
У основанья крестного:

«Престань мое отшествие

Росить слезою скорбною!
Я предваряю, брате: ты ж
По трех днях следом пустишься».

Последня речь епископа,
Быв славы провозвестницей,
Не солгала: зане стяжал
Он пальму в день предсказанный.

Хвалами коль великими
Кончины путь мне чествовать?
Какой о страсти песнию
Достойно я поведаю?

Сей первый от седми мужей,
Что окружают жертвенник,
Левит, всех выше степенью
И прочих превосходнее,

Святыни затворенны блюл,
Жилища тайну горнего
Храня ключами верными,
Казну заветну раздая.

Богатств горит алканием
Префект селенья царского,
Слуга вождя безумного,
Доправщик злата с кровию,

Как бы исторгнуть скрытые
Монеты: мнит, сокровища
Во глубине святилища
Сгнетенны тайной грудою.

Лаврентию велит предстать;
Взыскует ларь, богатыми
Преисполненный слитками,
И денег горы жаркие.

«Пенять, — речет, — привычно вам
На суровство неправое,
Коль плоть мы христианскую
Терзаем с вящей жесточью.

Я чужд кипящей грозными
Волненьями свирепости:
Я с настояньми кроткими,
Склониться к коим следует.

У вас в священнодействиях
Таков устав, как ведомо:
Да пенят предстоятели
Из злата возлияния.

В окринах, молвят, сребряных
Курится кровь священная,
На злате в нощных празднествах
Свеча вощана высится.

Раченье братьев крайнее,
Как рядит молвь болтливая, -
Нести, продав имение,
Сестерциев вам тысячи.

Поместия наследные
На торг постыдный выставят —
Стонать в нужде преемнику
От святости родительской!

В заветных погребается
Углах церквей имущество,
И мнится благочестием —
Чад милых донага раздеть.

Отдай богатства, кои ты,
Прельщая ковом мерзостным,
Хранишь нагроможденные,
В вертепе черном замкнуты.

На пользу надо общества,
Для фиска, для казенных дел,
Чтоб, жалованьем выданы,
Владыке деньги помогли.

Ученье ваше, слышал я:
„Своё воздайте каждому“.
Вот, Цезарь признает своим
Чекан, монете приданный.

Что Цезарево, Цезарю
Отдай — прошу я праведно;
В том не солгу — едва ль взложил
100. Твой Бог на деньги знаменье:

Когда пришел, червонцев он
Не взял с собой филипповых,
Но лишь слова учительны
Нес и мошну порожнюю.

Явите веру, коею
По всей вселенной хвалитесь, -
Отдайте деньги волею,
В словах пребыв богатыми!»

Ни горькую Лаврентий речь
Тут не изнес, ни гневную,
Но, как готовый слушаться,
Дал мание покорное.

«Богата, — рек, — в том не запрусь,
И столь добра и золота
Имеет наша церковь, что
Богаче во вселенной нет.

Не обладать толь многими
Серебряными ликами
И властодержцу Августу,
120. Чье титло на монетах всех.

Не зарекуся выдать я
Наш ларь с казною пышною,
Все разглашу и вынесу,
Сколь ни хранит богатств Христос.

Молю лишь настоятельно
Мне дать отсрочку краткую,
Да совершу успешнее
Свое я обещание,

Пока по ряду опишу
Христово всё имение;
Ведь прежде счет здесь надобен,
И там и сумму вывести».

Веселый, дмится счастием
Префект, надеждой лакомясь,
Ликуя, будто золото
Уж снесено под кров его.

Условлен им тридневный срок,
Отпущен им расхваленный
Лаврентий, поручившийся
И за себя, и за барыш.

Все три снует по городу
Он дня, недужны толпища
И всех, кто подаяньем жив,
Одной сбивая купою.

Там некто, с опустелыми
Глазницами, свой направлял
Вперед простертым посохом
Неверный шаг и сбивчивый.

Коленом храмля сломленным,
Иль с отсеченной голенью,
Или с ногой короткою
Неровну поступь влек иной.

Тут члены изъязвленные
Точатся гноем мерзостным;
Десница тут иссохшая
В локте согбенна жилами.

На всех он стогнах сей народ
Взыскует, препитаемых
От снедей церкви матери,
Всех, эконом, их ведая.

Засим считает всех он их,
Отметив имя каждое,
И вереницей длинной стать
Велит перед святилищем.

Истек уже предписанный
День: бесновался буйственный
Судья душою алчною,
Посул исполнить требуя.

Тут мученик: «Приди, прошу,
Чтоб близ казны представленной
Дивиться, сколь хранит наш Бог
Богатства во святых Своих.

Обширну узришь храмину,
Во злате чаш горящую,
И вдоль пространных портиков
Гряды глыб сгроможденные».

Тот не стыдится вслед пойти;
Достигли до священных врат:
Стоят там нищих сонмища,
Чреда обличий горестных.

Молящих гул подъемлется;
Префект застыл, ужасшися,
И обратил к Лаврентию,
Грозливый, очи бурные.

А тот: «Почто скрежещешь ты,
Что грозен? не по нраву ль что?
Иль подлым ты и скаредным,
Или презренным мнишь сие?

То злато, коим ты горишь,
Рождает хрящ ископанный
И в рудниках мерзительных
Труд иссекает каторжный,

Иль под стремниной, мутные
Пески вратящей, кров его;
Что от земли и грязи в нем,
То пламень должен выкалить.

Стыд златом расторгается,
Крушится безупречность им,
Мир гибнет, верность падает,
200. Уставы сами рушатся.

Почто ж отраву доблести
Честишь и ценишь выспренне?
Коль спросишь злата истого,
Вот свет и человеков род.

То вскормленники света суть,
Стесненны телом немощным,
Чтобы от здравья плотского
Не дмился вознесенный ум.

Суставы коль дробит недуг,
210. Дух возрастает доблестью,
Напротив, в плотской крепости
Мощь изнурится разума.

Ведь кровь, разжегшаясь на грех,
Сил доставляет менее,
А в злобах истощенный пыл
Отраву малит и теснит.

Когда бы был мне выбор дан,
В скорбях горчайших я б желал
Телес стерпеть дробление,
220. Прекрасну жизнь внутри стяжав.

Сравни различны бедствия,
Сведи противны пагубы:
Недуг ли плоти мерзостней,
Души ль и нрава язвины?

Наш род, во плоти немощной,
Внутри с красой нетронутой,
Изящны, непорочный дух
Несут, мученья чуждые.

А ваше племя дюжее
230. Проказа точит внутреннѧ,
В них храмлет заблуждение,
И ложь не зрит безокая.

Любого из твоих владык,
Чей лик и риза блещутся,
Я почитаю немощней
Из нищеты сей всякого.

Сему, в шелках спесивому,
Несому колесницею,
Водянки волглой бледная
240. Отрава вздула внутренность.

Сей, алчный, напружил свою
Сляченну руку, и ладонь
Свернув когтьми крюкастыми,
Расслабить жилы немощен.

Сего распутство гнусное,
Влекущегось среди блудниц,
И в ил, и в лайно вымажет,
Пока он блуда вымолит.

Калимый любочестием
250. И жаждой сана пышущий
Не в фебре ль задыхается,
Не бесится ли в жилах огнь?

Всяк, у кого, несдержного,
Свербит секреты разглашать,
Снедая печень, томится,
Терпя паршу сердечную.

Что ж поминать завистливой
Груди налиту опухоль,
Что гнойные и сизые
260. Недоброхотства язвины?

Правитель Ромы, ты и сам,
Предвечна Бога презритель,
Чтя нечистоты демонски,
Недугом страждешь царственным.

Сии, кем, гордый, небрежешь,
Кого ты чтишь проклятыми,
Изрытых совлекутся тел,
Став вскоре невредженными,

Когда, телес разрушенных
Впоследок свободившися,
В чин жизни вшед прекраснейший,
В чертоге отчем свет прольют,

Не в рубищах, не в немощи,
Каков их зрак привременный,
Но ризой червленеющей
И золотым лучась венцом.

Тогда, представься случай, я
Перед твоими взорами
Могущих мира вывел бы
Призванными на перепись.

Укутанных бы ветошью
Ты зрел, ноздрю ослизлую,
Слину, с подбрадья каплющу,
И веки гноетечные.

Ничто не гнусней грешника,
Зловонней, прокаженнее:
Рубец злодейств сочащийся
Вертепом дышит Тартара.

Всё повернется — душам тем
Прильпнет обличье гнусное,
Которые пригожестью
Во плоти утешалися.

Се оный золотой чекан,
Невдавне мной обещанный,
Его ж ни в пепел пагубе
Не стерть, ни вору не украсть.

Придам драгие камни я,
Чтоб нищим ты Христа не мнил:
Се камни света искриста,
Убранство храма нашего.

Священных видишь девственниц,
Неосквернённых стариц зришь,
С кончиной брака первого
Второму чуждых пламени.

Се церкви ожерелие,
Красна она в каменьях сих,
С сим веном дорога Христу,
Высоку так честит главу.

Се роскошь наша — приими:
Украсишь город Ромулов,
Взрастишь казну властителя,
Сам учинишься пышнее».

«Мы в смех ему, — ярясь, кричит
Префект, — и он на тысячу
Ладов над нами тешится,
И жив еще, несмысленный!

Сквернавец, мнишь, безмездно ты
С ужимкой мима оную
Сплетал мне пустошь, скоморох,
320. Ломаясь с побасёнками?

Отменным зрится вежеством
Тебе со мной забавиться?
Я ль, на потеху выданный,
Привольным стал игралищем?

Ужели строгость фасками
И суровство утрачены,
Ужель бердыш властительный
Иззубрен косной кротостью?

Речешь: „Подвергнусь волею,
330. Желанна страстотерпца смерть“;
Ведь такова, мне ведомо,
В вас убеждений суетность.

Но вожделенью твоему
Не дам я смерти быстрыя
Исход непромедлительный,
Мгновенно сгинуть не пущу.

Жизнь захвачу и провлеку
В долготах неослабных мук,
И смерть неизбежимая
340. Протянет боль бессрочную.

Стелите угли тлеющи,
Чтоб жар чрезмерный пламени
Не поглотил строптивца лик,
Во глубь не вник сердечную.

Зной вялый и сникающий,
Разлитый легким веяньем,
Полусгорелой пусть кротит
Терзанье плоти исподволь.

Прекрасно, что от сонмищ их
350. Мистериарх впал в руки мне, -
Один окажет он пример,
Чего страшиться вскоре всем.

Взойди на огнь разложенный,
На одр возляг достойнейший —
А там и спорь, коль хочется,
Что нет Вулкана моего!»

По сих словах с обеих стран
Злы палачи готовятся
С страдальца ризы совлещи,
360. Связать и распростерть его.

Его тут облистался лик,
Разлив окрест сияние;
Таким законодатель нес
Свой зрак, с горы нисшествуя,

В тот час как иудейский род,
Златым тельцом осквернишись, страх
Почуяв, бледный отвратил
Лик, не стерпевши Господа.

С такою оный предстоял
Лучиста зрака славою
Стефан, сквозь ливень каменный
Зря небеса отверстые.

Лик озарился издали
Для искупленной братии,
В недавнем учинившейся
Селом Христа крещении.

Но нечестивых слепота,
Покровом нощным скутана,
Лик, скрытый в черных пеленах,
Не зрит в присущей светлости;

Се казни вид египетской,
Котора, мракам варваров
Обрекши, для евреев день
Неомрачимый вывела.

И сами свойства запаха
От кожи опаленныя
Им представлялись розными:
Для этих гарь, для тех нектар.

Едино ощущение
390. В различном веянье ноздрям
То ужас льет отмстительный,
То утешенье нежное.

Так и огонь предвечный, Бог
(Зане Христос есть истый огнь)
Сияньем полнит праведных
И поядает грешников.

Когда зной продолжительный
Бок опаленный прокалил,
С жаровни слово к судии
400. Он устремляет краткое:

«Вверх поверни мне сторону,
Довольно пропеченную,
Чтоб рассмотреть ты мог, что твой
Вулкан сработал пламенный».

Префект велит вращать его;
Тогда он: «Испеклось, глотай:
Изведай несомнительно,
В сыром вся сласть иль в жареном!»

Так в посмеянье молвил он;
Засим возводит взор горе
И со стенаньем молится,
Жалея город Ромулов:

«Едино имя, о Христе,
О блеск, о сила Отчая,
О творче неба и земли
И этих стен зиждителю,

Ты, водворивший Ромы скиптр
На верх вселенной, учредив,
Квирина тоге да служит
Мир, уступив оружию,

Чтобы племен несходственных
И нравы соблюдаемы,
И дух, и речь, и таинства
Одним уставам Ты подверг!

Се под державой Ремовой
Весь смертный преклонился род,
Разноязыки свычаи
Рекут одно и чувствуют.

Судилось так, чтобы верней
Власть христианска имени
Всё протяжение земель
Одной стянула скрепою.

Христе, дай римлянам твоим,
Да будет христианским град,
Чрез коий всем Ты даровал
Единый в святодействах ум!

Да внидут в сопряжение
Все члены в общем символе!
Стал кроток подчиненный мир:
440. Глава будь кроткой вышняя!

Пусть зрит, как страны дальные
В едину благодать сошлись,
Чтоб верным Ромул сделался
И Нума сам уверовал.

Доселе ложь троянская
Катонов зыбит курию,
Пенаты огнем тайным чтя
Фригийские изгнанные.

Двучелый Ян со Стеркулом
450. В сенате чтимы; и страшусь
Назвать чудовищ отческих,
Сатурна-старца празднества.

Изглади сей позор, Христе,
Пусть твой предстанет Гавриил,
Чтоб узнан был Бог истинный
Иула шаткой слепостью!

Уж есть нам два ручателя
Вернейших в упованье сем,
Доподлинно, уже царят
Два князя здесь апостольских;

Один труба язычников;
Другой же, первой кафедры
Владетель, у доверенных
Врат пребывает вечности.

Исчезнь, Юпитер любодей,
С сестрою осквернившийся, -
Остави Рому вольную,
Беги Христова племени!

Отселе Павел тя женет,
Измещевает кровь Петра,
Тобою наущенный встарь
Неронов грех клеймит тебя.

Владыку зрю грядущего:
Служитель Божий, некогда
Он празднищ грязи скаредной
Служенье Роме воспретит,

Замкнет запором требища,
Слоновой кости створ смежит,
Осудит нечестивый праг,
Засов заложит медяной.

От всякой крови чистые,
Тут залоснятся мраморы,
Медь взвысится невинная,
Днесь идолов владение».

Конец тут был речам его
И с ним конец узилищу
Плотскому: весел, вырвался
И дух его за гласом вслед.

И тело, выи подклоня,
Иные из отцов несли,
Свободой мужа дивною
Прильпнуть к Христу призванные.

Незапна склонность в недра их
Проникнувши, понудила
В любови к Богу вышнему
Нелепость презреть древнюю.

С того охладевает дня
К срамным богам почтение:
Народ все реже в требищах,
К судилищу Христа спешит.

Лаврентий так, сражаяся,
Не препоясал бок мечом,
Но, вражий обративши вспять
Клинок, пронзил нападшего.

С необоримым Божиим
Свидетелем сразившись, сам
Пронзенный демон рухнулся,
Навеки распростершися.

Святого мученика смерть
510. Для требищ стала смертию:
Паллады лары с Вестою
Зрят, что безмездно брошены.

Толпа квиритов, свычная
Братину Нумы почитать,
Днесь, участив в Христов чертог,
Страдальца славит гимнами.

Сената сами светочи,
Фламины встарь и луперки,
Страдальцев и апостолов
520. Чтят праги лобызанием.

Мы видим: домы славные,
Обоим полом знатные,
Детей, залог любви своей,
Препоручают Господу.

Тесьмою жрец увитый встарь
Уж идет к крестну знаменью,
Уже, Лаврентий, в твой чертог
Весталка входит Клавдия.

О, три, четыре, о седмь крат
530. Блажен насельник города,
Тебя кто славит, близ одра
Твоих костей всегда живя,

Кто может ниц при них упасть,
Кто плачем сей предел росит,
Кто прижимает грудь к земле,
Кто льет моленья шепотом!

Васконский отделил Ибер
И Альпы нас двойчатые,
За Коттиевым мы хребтом,
540. За снежными Пиренами.

Молве внимаем лишь, могил
Священных Рома сколь полна,
Сколь пышно на земле градской
Гробов святых цветение.

Но мы, сих благ лишенные
И видеть крови знаменья
Столь близко не могущие,
На небо зрим высокое.

Так, о святой Лаврентий, мы
550. Твое страданье тщимся знать,
Зане двойной обрел ты дом:
Здесь — телу, в небесах — душе.

Там, града несказанного
Гражданству сопричисленный,
В палатах вечной курии
Венец гражданский вземлешь ты.

Мне мнится, зрю преясными
Камнями мужа блещуща,
Который Ромой горнею
560. В бессменны избран консулы.

Какая власть доверена,
Сколь милостью ущедрен ты,
Гласят квиритов радости,
Чьим внемлешь ты молениям.

Что просит всяк молящийся,
Счастливо совершается;
Взывают, молят, требуют,
И скорбен не уйдет никто,

Как будто присно рядом ты,
570. И вскормленников городских
Храня на лоне ласковом,
В любви питаешь отческой.

Средь них, Христова похвала,
Услышь поэта сельского,
Кто сердца исповесть грехи,
Своих кто не скрывает дел;

Я не достоин, ведаю,
Услышан быть Христом Самим,
Но коль заступой мученик,
580. Возможно быть избавлену.

Молящего Пруденция
Услышь, Христу виновного,
И плоти послужившего
Ты от мирских избави уз!

III. Гимн в почесть страстям блаженнейшей мученицы Евлалии

Дева Евлалия, родом знатна,
Образом смерти премного знатней,
Град Эмериту, священная, свой,
Лоном которого порождена,
Прахом украсив, любовию чтит.

Западу оный соседствен предел,
Славу изрядну изнесший сию, -
Градом могущ и народом богат,
Паче же кровью страдалицы он
10. И погребеньем девичьим могущ.

Девять и три круголетья свершив,
Трижды четыре сочла она зим,
В час, как, средь огня трещащего, в дрожь,

Дерзостная, привела палачей,
Сладкой взыскуючи казни себе.

Уж и допрежде в ней зрелся намек,
Что, устремляясь к престолу Отца,
Брачному тело одру не предаст:
Даже игрушки отвергла она,
20. Девочкою стороняся забав;

Роз не взлюбила, презрела янтарь,
Рдяною пронизью пренебрегла,
Лик был суров ее, поступь скромна,
И со младою повадкой своей
Старческих образ являла седин.

В пору, когда исступленна чума
Против Господних подъемлется слуг
И христолюбцам, свирепа, велит
Жечь фимиам и утробу скота
30. Смертоносящим богам воскурять,

Тут воскипает в Евлалии дух:
С думою неукротимой она
Буйственны брани готова сломить,
Богом лишь дышит невинная грудь,
Вызов бросая оружью мужей.

Впрочем родительска тщится любовь
Пылкую деву в дому схоронить,

Града поодаль, в забвенном селе,
Чтобы не ринулась кровью платить
Дева упрямая, смерть возлюбя.

Но, отвергая спасенье искать
В медлении малодушном, она,
В ночь, распахнув без свидетелей дверь,
Ради побега затвор отомкнув,
По бездорожью пускается в путь.

Шествует дева издранной стопой
В терном заглохших, пустынных местах,
Ангельским хором препровождена;
Хоть немотствует ужасная ночь,
Свет путеводный горит для нее.

Так благородна станица отцов
Луч столповидный стяжала себе,
Он же, могущий во мглистой рассечь
Ночи стезю, светозарный подал
Пламенник им, истребляя хаос.

Так благочестная дева, творя
Поприще нощное, день обрела,
И не окутали мраки ее,
В час, как, державы Канопской исшед,
Взыти готовилась выше светил.

Поступью скора бессонной, она

Многие мили смогла одолеть,
Прежде чем небо восток распахнул;
Утром, горда, пред судище идет,
Остановившися фасков в среде,

«Кое безумье стремит, — вопия, -
Души неистовые погублять,
Склонные не на благое сердца
Перед лощеным склонять валуном,
70. Бога противяся знать Всеотца?

Ищете вы, о злосчастнейший сонм,
Христолюбивое племя? вот я —
Демонскому святодействию враг,
Идолов я попираю стопой,
Бога душой и устны исповем.

И Аполлон, и Венера — ничто;
Максимиан сам — он тоже ничто:
Эти ничто — ведь творит их рука;
Он же, зане рукотворное чтит;
80. Тщетны равно и ничтожны равно.

Максимиан, всей земли господин,
Но валунов неотступный клеврет,
Пусть же сквернит и своим божествам
Сам он свою обрекает главу;
Что ж благородны разит он сердца?

Властель отменный, предобрый сей вождь,
Кровью невинною сытится всласть,
На благочестны зияя тела,
Трезвую плоть на лоскутья кроит
90. И веселится он, веру казня.

Ну же, палач, опаляй, рассекай,
Члены скудельные ты разорви!
Утлую вещь уничтожить легко,
Только во внутренний духа предел
Всё не проникнет язвительна боль».

От таковых в исступленье речей,
Претор глаголет: «Схвати же тотчас,
Ликтор, и пыткой ее отягчи!
Отчих богов пусть внушит бытие
100. И государя непраздную власть.

Как бы, однако ж, хотел я, твоей
Прежде погибели, прочь отогнать,
Дева угрюма, порочность твою!
Губишь ты радость какую, взгляни,
Кою дала б тебе брачная честь!

Плачем тебя поколебленный дом
Препровождает, семьи твоея
Знатность, тоскою тягчима, стенет,
Что во цветенье ты нежном падешь,

110. Вена и брачного ложа вблизи.

Пышность златая не тронет тебя,
Ни стариков досточтима любовь,
Коих твое безрассудство казнит?
Се уготован стоит пред тобой
Невыносимыя смерти снаряд:

Или главу тебе меч отмахнет,
Или раздернет зверье телеса,
Или же, факелам дымным дана,
Воплем оплакиваема родни,
120. В прах растечешься, обличья лишась.

Что же за труд — этих бед избежать?
Если ведь горсточку соли тебе,
Коль фимиама, о дева, щепоть
Кончиком тронуть угодно перстов —
Тяжкая кара далёко уйдет».

Мученица не ответствует; но
В самые вежды тирану, вскипев,
Плюет она, изваянья затем
Наземь валит, из курильниц муку
130. Высыпавши, попирает стопой.

Без промедления два палача
Грудь ее тонкую, словно тростник,
Разом терзают, девический бок

Когти, ударив, секут до костей;
Клеймам свершает Евлалия счёт.

«Господи, се Ты написан на мне!
Сколь мне черты сии любо читать,
В коих Твои суть триумфы, Христе!
Имя святое Твое багрецом
Крови исторгнутой изречено».

Это без плача и стонов она
Пела, бестрепетна и весела;
Боли угрюмой не чувствует дух,
Хоть на ней свежия крови узор,
Кожу омывшей горючим ключом.

Вот и последняя пытка грядет:
Не растерзаньем язвительным ей
Ребр достигают, всю кожу вспахав:
Пламенников отовсюду огонь
Рушит на грудь и бока свою ярь.

Благоуханные кудри ее,
Шеей ниспав, пролились к раменам,
Кровом стыдливым чтоб стало стыду
И осенило девическу честь,
Распространившись, убранство главы.

Прядает пламень трещащий в лицо
И по власам, многобурный, главой

Овладевает и всходит наверх;
Быстрого дева желая конца,
Ищет огня и устами пиет.

Вдруг голубица порхает оттоль,
Снега белейшая, прямо от уст
Прянувши девичьих, реет к звездам;
Тако узрелся Евлалии дух,
Быстр, и невинен, и бел, как млеко.

Шея клонится, уходит душа,
И угасает огнистый костер;
Членам дается безжизненным мир;
Дух ликовствует, в эфире плеща,
И ко превыспренним храмам летит.

Узрел пернату подручник и сам,
Как излетала от девьих устен:
Ошеломлен и как громом сражен,
Прочь от деянья бежит своего,
Ликтор с ним купно, ужасшись, бежит.

Се ледяная наносит зима
Снега и форум скрывает им весь,
Тело Евлалии купно прикрыв,
Под небосводом что хладным легло,
Став ей льняныя взамен пелены.

Слезной толпы да отступит любовь,

Тризну привыкшая скорбну вершить,
Плачущая да отступит приязнь:
Бога веленьем стихия сама
Похороны тебе, дева, творит.

Днесь Эмерита — могила её,
Выселок славный веттонских краев,
Подле которой преславный поток,
Ана проходит и, бурна, струит
190. Заверть зелену у крепи градской.

Здесь, где от ясного мрамора всю
Храмину блеск животворный проник —
И самородный, и дальный пришлец —
Здесь и останки и пепел святой
В лоне хранит досточтима земля.

Рдеется поверху искристый свод,
Свет позлащенных панелей лия;
Камнем иссеченным пол распещрен:
Розовые тут, как мнится, луга
200. Многообразным цветеньем горят.

Рвите фиалки пурпурные вы
И окровавленный жните шафран!
У плодоносной их вдосталь зимы:
Лед отпускает, слабея, поля,
Чтобы цветеньем кошницы тягчить.

С даром сим, меж изобильной листвы
Собранным, дева и отрок, иди!
Я ж с плетеницей, вмешавшися в хор,
Что дактилической свита стопой, -
Блеклый, незнатный, но дар торжеству.

Так нам отрадно чтить кости ее
И на костях водруженный алтарь;
Дева, у Божьих сидящая стоп,
Всё наблюдает и племя свое,
Песнью ублаготворенна, хранит.

IV. Гимн в почесть восемнадцати святым мученикам Цезаравгустанским

Дважды девяти наш народ в едином
Мучеников прах сохраняет гробе,
Цезаравгустой нарицаем город,
Кладом сим славный.

Ангелов сей дом превеликих полон,
Не страшится зреть утла мира гибель,
Столько для Христа обомкнув на персях
Он подарений.

В день, как дланью Бог пламеносной зыбля,
Облаком несом очервленным, придет,
Для племен весы водрузить с неложным

Грузом имущий,

От вселенной всей, со главой воздетой,
В сретенье Христу скоротечно прянет
Всякий град, прияв драгоценной ношей
Дар в плетеницах.

Карфаген твои тут покажет кости,
О витийственный Киприан наставник,
Кордубой Ацискл и Зоил дадутся
20. И трехвенечье.

Перлом ты тройным диадиму красну
Поднесешь Христу, о святых родитель,
Тарракон, кому Фруктуозом эта
Соткана повязь.

Камень так зовут, в сей венец вплетенный;
Около него льется блеск сугубый;
И равно горит обоих сиянье
Искристым огнем.

Феликса красу скромная представит,
30. Велия костьми праведных Герунда;
И возденет двух Калагурра наша,
Нами столь чтимых.

Славе Баркинон Кукуфата вверясь,
Встанет, и Нарбон, украшенный Павлом;

Знатный Арелат, о святой Генесий,
Прах твой окажет.

И глава твердынь лузитанских, вземля
Досточтимыя девственницы пепел,
В сретенье Христу ускорит, на самый
40. Жертвенник взложши.

Юста кровь, кому был сопутник Пастор,
Ношу двойственну и двойной подарок,
На груди держать будет счастлив
Комплют Члены обоих.

Кассиана взнесть не промедлит Тинге,
Сей массильских склеп государей пышный, -
Прах, что племена подклонил смиренны
Игу Христову.

Малым град иной, двух иль трех собором,
50. Иль свидетелей он пяти Христовых Б
огу угодит, коих древле жертвой
Вере принес он.

Десять ты святых с осьмерицей явишь,
Цезаравгуста, ко Христу усердна,
Рыжею главу увязав маслиной,
В знаменье мира.

В сем стеченье всех ты смогла обильней

Мучеников сонм отрядить Владыке,
Изобильная благочестьем, в свете
60. Многом взликуешь.

И пунийских стран многолюдна матерь,
И престольная, мню, едва ли Рома
Одолеть тебя, наша слава, в оной
Чести достойна.

Излиянна кровь во вратах святая,
Неприязненных препинает племя
Бесов, пелену прочь из чиста града
Черную гонит.

Тени в глубине не таятся страшны,
70. Пагуба бежит от лица народа,
Днесь на стогнах всех для Христа обитель,
Всюду Христос есть.

Мнится, родина страстотерпцев, честных
Здесь удел венцов, белоснежны хоры
К небесам отколь восстают, одеты
Знатности тогой.

Пальма здесь твоя рождена, Винценций,
Толь велику клир здесь стяжал победу,
Дом Валериев здесь жрецов, священной
80. Навязью омкнут.

Бурею колькрат стародавней буйно
Изнуренну вихрь сотрясал вселенну,
Приступалася всё тяжеле ярость
К оному храму.

Бешенство сие никогда без нашей
Славы прочь не шло, не изведав крови;
И всегда росли страстотерпцев толпы
Под градобитьем.

Мученик, не ты ль, о Винценций, должный
90. На чужбине смерть восприять, в сих землях
Крови скудною возвестил росою
Близкую гибель?

Граждане то чтут, словно сами члены
Кроет дерн твои и в могиле отчей
Всеблаженного бережет, омкнувши,
Кости страдальца.

Наш он, хоть отсель далеко, во граде
Он незнаемом пострадал и славу
Дал гробницы он, победитель, брегу
100. Подле Сагунта.

Наш, и в нашей он отроком палестре,
Доблести учен и маслиной веры
Умащен, врага укрощать ужасна
Силой навыкнул.

В храме этом, он небезвестен, славных
Десять и ещё восемь пальм стяжанны:
Лавром отческим наставленный, с той же
Славой ристал он.

Энкратида, здесь почивают кости
Доблестей твоих, коими свирепа
Мира дух предать ты смогла позору,
Пылкая дева.

Не случилося ни едину в наших
Мученику жизнь провождать пределах:
В нашем лишь одна, переживши гибель,
Мире живешь ты.

Ты живешь, чреду вновь рисуя кары,
И хранишь трофей рассеченной плоти,
Возвещая, сколь безобразных горьки
Борозды язвин.

Бок исторгнул весь истязатель-варвар;
Кровь истреблена, разрушились члены;
Рассеченная грудь твоя под самым
Сердцем раскрылась.

Совершившаясь дешевеет гибель,
Ибо, отстранив ядовиты боли,
Окончательной подает дремою
Членам отишье.

Но снедаешься ты сырою раной,
И горяща боль проницает жилы,
Гнойный сок пока расплавляет тайно
Тлеющи недра.

Хоть завистливый довершить отрекся
Меч гонителя над тобой кончину,
Ты, страдалица, точно смертью, полной
Мукой венчанна.

Печени мы часть отторженну видим,
Кою, вонзены, истянули когти,
Бледной уж в тебе есть владенье смерти,
Но всё жива ты.

Титло новое в ликованье нашей
Цезаравгусте от Христа далося,
Страстотерпице да явит живущей
Дом нареченный.

Трижды ты свята шестерицей белой,
Купно Луперком и Оптатом знатна,
Набранный тебе ты сенат во псалмах
Чествуй усердно!

Пой Сукцесса ты, Марциала вспомни!
Смерть Урбана будь у тебя хвалима,
Юлию пусть песнь возгласит и с нею
Квинтилиана.

Публия пусть хор воспоет и вспомнит,
Каковым Фронтон был трофеем взыскан,
С добрым Феликсом что вершилось, с пылким
Цецилианом.

Сколь обильна кровь на твое, Эвоций,
Пала и твое, Примитив, сраженье;
Длительной твои, Аподем, да чтятся
Славой триумфы.

Четверых мужей напоследок имя
Должно превознесть, хоть размер преградой,
Сатурнинами нарицает коих
Древне преданье.

Песнопения небрежет уставом
К именам любовь золотым, усердье
В речи о святых никогда порочным,
Грубым не будет.

Мера полная в том искусства — молвить
Имена, Христов знак несущи, кои
В горней книге суть, ей же быть раскрытой
В должну годину.

Восемь тут святых помянет и десять
Ангел пред лицем и Отца и Сына —
Тех святых, одним кои правят градом
Гроба по праву.

К прежнему сему сонмищу причтутся
Пережившая истязанье дева
И Винценций, чья здесь и кровь, и с нею —
180. Славы источник,

[Купно с ними Гай (премолчать не должно)
И, Кременций, ты, прилучилось коим
Почесть во втором обрести бескровну
Славы стязанье.

Оба, Господа исповедав, стали
Встречь разбойничьим нестрашимо кличам,
Обоим едва довелось пригубить
Вкус страстотерпства.]

Присновечного алтаря в подножье
190. Нашему греху снисхожденья молит
Сонм, его же мать бережет сей знати
Порфироносной.

Плачем дайте нам благочестным вымыть
Жилы мраморов, под покровом коих —
Упование, что моих неволя
Пут разрешится.

Распростись со мной, благородный город,
Пред гробами весь ты святыми, чтобы
Душам вскоре весь и телам воскресшим
200. Следом пошел ты.

V. Страсти святого мученика Винценция

Склонись, блаженный мученик,
С приязнью к дню победному,
Когда тебе, Винценций, был
Ценою крови дан венец!

Сей из мирского сумрака,
Судью и ката одолев,
Возвел тебя на небо день,
Христу вручив ликующа.

Причастник ныне ангелов,
10. Лучишься ризой знатною,
Её ж, необоримый, ты
Омыл, свидетель, кровию,

Когда подручник идольский,
Законом черным ополчен,
Богам языков жертву взнесть
Железом и цепьми склонял.

Сначала речи кроткие
Лил, убеждая ласково,
Как хищный волк, унесть тельца
20. Готов, сперва играет с ним.

«Великий мира царь, — речет, -

Несущий скиптр властительства,
Постановил, да служит всё
Богов обряду древнему.

Приблизьтесь, назаряне, вы,
Отринув грубый свой устав, -
Державцем камни чтимые
Кореньем, жертвой чествуйте!»

Винценций возвышает глас,
Левит святого племени,
Служитель Божья олтаря,
Столп от седмицы млечныя:

«Ты божествам сим кланяйся,
Ты камни чти и дерево,
Ты сам для мертвых мертвым будь
Богов первосвященником,

Но мы Отца, сотворша свет,
И Сына с ним Христа Его,
Едина Бога истого,
Провозглашаем, Дациан».

Тут он, воспламеняяся:
«Дерзаешь ли, несчастный, ты
Богов и государей власть
Язвить сим поношением -

Священну и державну власть,
Подвергшу род себе людской,
И не смутишься юности
Угрозу пылкой зреть вблизи?

Внемли ж мое решение:
50. Иль ладаном и дерном днесь
Алтарь тебе почествовать,
Иль смерть снискать кровавую».

Но отвечает тот ему:
«Так что ж! насколь достанет сил,
Насколько власти есть твоей —
Противлюсь явно — окажи!

Внемли ты слову нашему:
Христос Бог и Отец, Кому
Мы слуги и свидетели:
60. Исторгни веру, коль силён!

Терзанья, когти и острог,
Пластин шипенье пламенных,
Сама из мук последняя,
Смерть, — христианам прение.

О ваша праздна суетность,
Указ бесцельный Цезаря!
Ума достойны вашего
Вы божества велите чтить:

Иссекла их художна длань,
Мехи калили полые,
Несть гласа в них, ни поступи,
Слепые, безъязыкие.

Им в лосном многоценные
Взрастают храмы мраморе,
Им выи рассеченные
Волов ревущих падают.

„Но души ведь и в них живут“. —
Живут — злодейств наставники,
Ловцы избавы вашея,
Беспутны, властны, нечисты,

Вас, потаенно нудимых,
На всякий поощряют грех:
Громить убийством праведных,
Гнести благочестивых род.

Но сами чуют, ведают,
Что жив Христос, что Он могущ,
Что царство близится Его,
Для вероломных грозное.

Вопят уж, признаваяся,
Из чревных нор изгнанные
Христовым властным именем,
Те божества — те демоны».

Громового вещания
Кощунственный не снес судья:
«Замкнуть уста, — он вопиет, -
Чтоб не ругался дерзослов!

Рекущему заприте глас,
Тотчас мне дайте ликторов,
Плутонов сих преступному,
100. Что жатвой плоти кормятся!

Уж дам я власть преторскую
Хулителю почувствовать,
Чтоб наших не безмездно он
Богов сверженьем тешился.

Один, строптивец, ты попрать
Святыни мог тарпейские,
Один успел бесчествовать
Рим, и сенат, и Цезаря!

Связавши длани на хребте,
110. Его тяните вверх и вниз,
Покуда скрепы костные
Не лопнут чередою в нем!

Ударом вы пронзительным
Раскройте глубь подреберну,
Чтоб в норах ран нам узрелся
Отверстой трепет печени».

Смеялся ратник Божий им,
Коривший длань кровавую,
Что когти-де вонзенные
Не глубже проницают плоть.

Уж крепость вся пытающих
Иссякла в недр терзании,
Усилье запыхавшеесь
Сорвало мышцы томные:

Однако он тем радостней
От всяких туч свободною
Чела лучится ясностью,
Твое, Христе, присутство зря.

«О стыд нам! что за зрелище! —
Рек Дациан, безумствуя. —
Весь светел, подстрекает он,
Сам веселей мучителей!

Их сила, упражненная
На казнях беззаконников,
В сей битве не пособствует,
И втуне им искусство мук.

О чада вы темничные,
Неодолимых двое, вы
Сдержите на минуту длань,
Чтоб сила отдохнула в ней.

Засохшие ранения,
Когда рубец закроется
Со кровью охлажденною,
Пронзительная длань взорвет».

Сему левит ответствует:
«Когда уже находишь ты
Угасшей пылкость псов твоих —
Твой час! палач начальственный,

Сам покажи, как можно им
Укровы рвать глубинные,
Сам руки наложи свои,
Впивай ручьи кипучие!

Свирепый, заблуждаешься,
Тем мысля покарать меня,
Что плоть, подвластну гибели,
Ничтожишь ты разметанну.

Другой живет внутри меня,
Насилью не подверженный,
Свободен, тих и невредим,
Скорбей он чужд немилостных.

Что истребить радеешь ты
С толикой силой ярости —
Лишь утлый и худой сосуд,
Любым крушимый способом.

Ну, приложи ж ты тщание
Того рассечь и сокрушить,
Кто жив внутри и кто твоё,
Тиран, попрал безумие!

Его рази, сломи его,
Его, неодолимого,
Кто в бурях не склоняется,
Едину Богу подданный!»

Речет, и когти скрегчущи
Его терзают изнова;
Уста лукавы претора
Слова шипят змеиные:

«Коль очерствила стропотность
Таким тебя бесчувствием,
Что наших одр богов рукой
Пренебрегаешь тронуть ты,

Хотя б страницы скрытые
И тайны книги укажи,
Чтоб толк, обманы сеющий,
Спален был правым пламенем».

Услышав, молвит мученик:
«Огнем, которым, лиходей,
Грозишь листам таинственным,
Сам опалишься праведней.

Зане письмен отмстителем
190. Небесных придет лезвие,
Язык перуном жгущее,
Сию заразу молвивший.

Золу зришь, оказующу
Насельников гоморрских грех,
И прах содомский — явственный
Свидетель казни вечныя.

Сему примеру, змий, внемли:
Ведь скоро серной копотью
И дегтем, смешанным с смолой,
200. Ты оболчешься в Тартаре».

Гонитель, сим уязвленный,
Бледнеет, рдеет, мечется,
Безумными кружа очьми,
И пену, скрежеща, струит.

По долгом колебании Решает:
«Должно крайнему,
С жаровнею и пламенем,
Свершиться испытанию».

Но тот, шаги ускоривши,
210. К дарам сим устремляется,
Поспешлив в ликовании,
Летя вперед мучителей.

Пришли к палестре подвига
Надежда со свирепостью,
И входят в бой сомнительный
Тут мученик, а там палач.

Пилообразный дыбит брус
Одр частою зазубриной,
И углей груда велия
220. Живым курит дыханием.

Восходит волей на костер
Святой с лицом нетрепетным,
Как за венцом уверенно
На горний шествует помост.

Он солью окроплен: трещит,
Искрит она, осыпавшись;
Шипящим жалом, пламенна,
Во плоть его впивается.

Глубоко рашпер огненный
230. В тук, впившись, погружается,
Отколе каплет исподволь
Роса по членам дымная.

Средь пагуб сих недвижен он,
Как будто боль не властна в нем,
И очи простирает ввысь,
В цепях бо пясти скованы.

Оттоле взявши смелого,
В угрюмый грот влекут его,
Чтоб света вольно зрение
240. Высокий не бодрило дух.

Есть в глубине узилища
Обитель мглы чернейшия,
Котору своды каменны
Сдавили клетью тесною.

Там вечная таится ночь,
Светилу дневну чуждая;
Ужасный здесь острог своей
Владеет преисподнею.

В сию свирепый супостат
250. Страдальца бездну вринувши,
В колодки заключил стопы,
Его раздвинув голени.

Тут муку вносит новую
Искусник истязательства,
Тиранам всем безвестную,
Досель не изреченную.

Черепьем колотым велит
С углами он негладкими,
Изостренным, безобразным,
260. Страдальца спину испещрить.

Всё ложе неотступная
Боль ополчает жалами,
Вперяя встречно лезвие
С испода в бок недремлющий.

Вот что, обмыслив, выстроил
С искусством ухищренным кат;
Но Вельзевула ловкие
Христом затеи рушатся.

Ведь слепота темничная
Вдруг блещется сиянием,
И пут его двойной укус
По скважням распадается.

Тогда Винценций познает:
Пришло его надеянье,
Трудженья мзда толикого,
Днесь светодавец с ним Христос.

Тут видит он, что иверни
Черепяные нежными
Цветами уж оделися,
Застенок дышит нектаром.

И неисчетны ангелы,
Близ ставши, собеседуют,
Един же, величавейший,
Так мужа нудит речию:

«Восстани, славный мученик,
Восстань, спокоен о себе,
Восстань, в блаженных сонмищах
Ты нашим будь причастником!

Уже довольно пройдено
Грозливой кары поприще,
И красною кончиною
Страдание свершилося.

Неодолимый ратниче,
Отважный из отважнейших,
Свирепым и немилостным
Ты страшен истязаниям.

Сим зритель быв Христос Господь,
Бессрочным веком воздает,
И общника Креста Его
Венчает щедрой дланию.

Сей утлый отложи сосуд,
Из брения замешенный,
Что гибнет, раздробившися,
И волен в небеса гряди!»

Так рек; сквозь двери замкнуты
Свет проницает внутренний,
И в узких щелях тайного
Мерцанье света явствует.

Сему дивится в ужасе
Смотритель прага пасмурна,
Кому сей ночью выпала
Забота мрачный дом стрещи,

И псалмопевца сладостну
Он мученика внемлет песнь,
Которой соревнуя, глубь
Острожна отзывается.

Трепеща, взоры внутрь стремит,
Насколько, приступив к дверям,
Вглядеться через тесные
Петель суставы может он:

Цветенья полон вешнего
Черепяной там видит одр,
И сам страдалец с пением
Ступает, путы сринувший.

В слух претора смятенного
Пришло известье сих чудес:
Стеня, в себе вращает он
Гнев, скорбь и поношение.

«Из стен, — велит он, — вынести,
Чтоб на тепле он ласковом
Ожил, да нову трапезу
Даст, освежась, мучениям».

Тут со всего б ты града зрел
Толпы стеченье верныя,
Жестокий одр смягчающей,
Кровавы раны сушащей.

Сугубую когтей бразду
Проходит тот лобзаньями,
Другой же ликовствует кровь
340. С телес впивать пурпурную.

Напитывает большинство
Холстину кровью каплющей,
Чтоб для потомков укрепить
Святое защищение.

Тогда сам страж узильницы
И вратарь заточения —
Так молвит древность сведуща —
Вдруг во Христа уверовал.

Он сквозь засов заложенный
350. Вертеп глухия темени
Зарею света пришлого
Увидел осиявшимся.

Когда же на одре своем
Вкусил покоя мученик,
Разбитый, томный медленьем,
Палимый смерти жаждою -

Коль мнить то должно смертию,
Что из темницы плотския
Изъемлет дух свободшийся,
Чтобы вернуть Создателю,

Дух, очищенный кровию,
В купели смертной вымытый,
Себя и бытие свое
Христу несущий жертвою, -

Итак, когда на нежный он
Покров откинул голову,
Оставив члены, к небесам
Дух взреял победительный.

Прямая в горней области
Тропа к Отцу торилася,
Которой шел кощунником
Убитый Авель праведный.

Се, обступают путника
Святые белым сходбищем,
И своего соузника
Креститель Иоанн зовет.

А христианска имени
Палился враг напрасною
Отравой желчи, ревностью
Снедая сердце лютою.

Свирепствует здесь, мнится, змей
С зубами раздробленными:
«Ликуя, ускользнул, — речет, -
Мятежник, пальму выкравший.

Но есть еще последнее:
На мертвом кару выместить —
Зверям извергнуть труп его
Иль псам на брашно изметать.

Я сокрушу и кости в нём,
390. Да не стяжает гроба он,
Который бы честила чернь,
Страдальца имя начертав».

Так скрежеща, священну плоть
Ругатель (о зловещий грех!)
Нагую, запретив покров,
Изринуть в тростники велит.

Однако глад неистовых
Зверей, ниже пернатых стад
Трофей преславный не дерзнет
400. Пятнать касаньем мерзостным.

И коль иная с дерзостным
Окрест ширяет клёкотом,
Угрюма птица, налетев,
Её на бегство обратит.

Ведь ворон, древле Илии
На яств ношенье приданный,
Свершает службу ревностно
И неотлучно бодрствует.

Из чащи он соседния,
Шумя, враждебный, крыльями
И перьем хлебеща в глаза,
Огромна волка выгнал прочь.

Кто б из неверных мнить посмел,
Что хищна тварь, которая
С быком в бою соступится,
Поддастся перью нежному?

С рычаньем шел он яростным,
Полетом легким устрашен,
Бежал добычи узренной,
Сбит стражем невоинственным.

Что, Дациан, ты чувствовал,
Внимая таковым вестям,
Каким стрекалом стонуща
Пронзала скорбь сокрытая,

Когда ты тела мертвого
Препобежден был доблестью,
Самих костей слабее был,
Порожних членов немощней?

Но что, тиран упорнейший,
Надмению несдержному
Положит окончание?
Никая грань не спнет тебя?

«Никая; не уймусь и впредь;
Коль суровство звериное
Смягчилось, милосердие
Кротит несытых воронов,

В пучину погружу я труп:
Ладью ярливый сломленну
Вал не щадит, и пенные
Не знают хляби жалости.

Иль там ему без устали,
Игралищу сомнительну,
Нестись скитальным веяньем,
Толпы кормя чешуйные,

Иль под утесом гремлющим
Шершавых камней острия
Между скалистых полостей
Плоть иссеченну разотрут.

Кто б из мужей, с усердием
Челны искусный в бег пускать
Веслом, ветрилом, вервием,
Кто рассекать способен понт,

С болотной луговины взял
Лежащий невредженно труп,
И, легкою ладьей несом,
В пространну зыбь умчал его?

Но тело пусть согбенное
В мешок плетеный ввергнется,
И бечевой привязанный
Его валун утянет вглубь.

Пустись же в путь свой тщательно
С веслом, дробящим водоверть,
Покуда брег оставленный
Не канет из очей твоих».

Наказ один из воинов
(Евморфионом звался он),
Свирепый, грубый, дерзостный,
Приял, горя яризною.

Сплел мрежу он из бечевы,
И тело в ней сложив, зашил,
И, путь немалый вымеряв,
Средь вихрей изметал свой груз.

О Божья всепобедна мощь,
Зиждительница всех вещей,
Что древле море дмящеесь
Христу постлала под ноги,

Да, попирая волн хребет,
Сухой тропою шествует,
Стопы не погрузя в бурун,
480. В пространных путник завертях!

Сия же повелела мощь
Раздаться чермным омутам,
Когда по дну отверзшемусь
Стезей покойной тек народ.

Она же днесь приказ дала,
Святому телу чтоб служил
Струением небурным понт,
К брегам склонясь излучистым.

Валун жерновной тяжести
490. Плывет, как пена белая,
И, страж залога велия,
Кошница меж волнами мчит.

Дивятся корабельщики
Ее попятну плаванью
Средь зыби умиревшейся,
В сопутстве струй и веяний.

Ревнуют стругом рассекать
И сами понт стремительным,
Но прах уж впереди летит
500. Земли на пристань тихую.

Он, возвращенный, прежде был
Прият землею мирною,
Чем, тщаньем многим движима,
Корма коснулась гавани.

Счастлив любезна берега
Тот угол, что, в песках своих
Лелея плоть священную,
Гробницы службу нес для ней,

Пока святых рачение
Курган не возвело, стеня,
Где прах, могиле вверенный,
Ждет бытия грядущего!

Когда ж одолены враги
И мир был воздан праведным,
Костям блаженным должное
Алтарь воздал отишие;

Покоясь под святилищем,
У алтаря в подножии,
Небесной жертвы веянье
Они впивают льющееся.

Так с телом; сам же в Божием
Чертоге водворился он
Со Маккавеев сонмищем,
Исайи близ претренного.

Однако предлежит простой
Венец им страстотерпчества,
Зане кладет их пагубам
Предел година смертная.

На что дерзнул терзатель их?
Иль тела иссеченного
Останки от пилы зверям
Он предал иль в волну вметал?

Иль Маккавея мучима
Тиран язык исторгнутый
И кожу, с темя содранну,
Пернатым на корысть предал?

Один, с сугубой славою,
Двойного одоления
Приял ты пальму, ты один
Два лавра вдруг умел стяжать.

Победник в смерти тягостной,
По смерти равномощный ты
Триумф находишь: сокрушил
Один твой прах разбойника.

Приди же ныне восприять
Молящий глас просителей,
Вины заступник нашея
Перед престолом Отческим!

Темницы ради оныя,
Взрастанья чести твоея,
Цепей, когтей и пламени,
Тюремных ради пут твоих,

Тех черепяных иверней,
Что славу возвеличили,
Того одра, его же мы,
Потомки, лобжем с трепетом,

К мольбам ты нашим снизойди,
Да, умирен твоей, Христос
Преклонит слух безгневный Свой
И всякой не вменит вины!

Коль чтим мы день торжественный,
Как должно, сердцем и усты,
Коль радований мы твоих
Пред знаком простираемся,

Сойди к нам на мгновение
Христову возвестить приязнь,
Да чувства тяжки ощутят
Всю льготу милосердия.

Препятствий нет уж более
Для духа благородного
Плоть воскрешенную приять,
С ним в доблести стязавшуюсь,

Чтобы, трудов причастница,
С ним тяготы делившая,
И славы сонаследницей
Во веки пребыла веков.

VI. Гимн в почесть блаженнейших мучеников Фруктуоза, епископа Тарраконской церкви, и диаконов Авгурия и Евлогия

Лик подъемлет огнем блестящий вашим,
Фруктуоз, Тарракон, сей град блаженный,
В двух левитах сияющий пространно.

На испанцев Бог смотрит благосклонно,
Ибо крепость венчает Иберийску
Страстотерпцами Троица троими.

Путь свершает в эфир Авгурий пылкий;
В тот же час и к высокому Евлогий
Всходит, светлый, седалищу Христову.

10. Им учитель, глава и путеводец
К чести велией, многославен титлом
Быв епископским, Фруктуоз шел первым,

Ибо, призван наместника внезапным
Повеленьем, на форум шел святитель,
Двух левитов в сопутство взяв с собою.

И оттоле мужей в тюремны цепи
Кровью вскормленный понукал мучитель;
Рад бежать Фруктуоз непонужденно.

Дабы общники не терзались страхом,
20. На ходу их крепит наставник мощный,
Вспламеняя Христовым зноем веру:

«Стойте крепко, мужи, со мной; свирепый
Божьих слуг призывает змий на казни;
Не убойтесь конца! готова пальма.

Христолюбцам к венцу ступень — темница,
Нас возносит в небесну высь темница,
Бога сводит с блаженными темница».

Так приходят к вертепу обвиненных;
Там свершают таинственно крещенье:
30. Очистительным мрак дивится водам.

Шестидневной там скрытые чредою,
Вот стоят пред врага судищем злого,
И трепещут от сих трех братьев дыбы.

Грозно Эмилиан судья вещая,
Бурный, злобный, надменный, нечестивый,
Алтари чтить их демонские нудит.

«Ты, учитель, — речет, — плетущий новы
Измышленья, чтоб девой легковерной

Рощи были и сам Юпитер брошен,

Презри, если умён, старушьи толки;
Галлиена то Цезаря веленье —
Всем честить нам, что чествует владыка».

Безмятежно ответствует святитель:
«Мною чтится владыка вечный, зодчий
Дней, кто властвует и над Галлиеном,

И Христос, Кто Отцом рожден предвечным,
Чей служитель я есмь и стада пастырь».
Улыбаясь, тот речет: «Ты был им».

И не медлит в нем ярь, и гнев не взнуздан;
Обрекает их тлеть в огне свирепом;
Те ж ликуют, претя народу плакать.

От народа узрел святитель неких,
Что несут ему чашу, да пригубит.
«Мы постимся, — глаголет, — пить не стану:

День не отперт еще девятым часом;
Не нарушу заветного устава,
Смерть сама не уволит от святыни.

Так Христос, жаждой в крестный час томимый,
Поднесенну Ему отвергнул чашу,
До кончины терпя до самой жажду».

Тут в урочище входят, круговыми
Обомкнуто грядами, кровью многих
Зверей влажно, где частый гость безумье,

Где грохочут позорища кровавы
И ничтожный, клинком пронзен суровым,
Гладиатор падет под гром утехи.

Здесь пылает костер; служитель черный,
Вняв приказу готовить знойну муку,
В груду пламенники кладет последни,

70. Дабы, в прах разрешив тела спаленны,
Души, пылкие вожделеньем света,
Из вертепа острожного исторгнуть.

Соревнуют их общники в заботе:
На подошвах плесницы разрешити,
Дабы снять их, один тут опустился;

Но святой Фруктуоз главу нагбенну
Запрещает клонить: «Престаньте, — молвит, -
Нашу гибель да не тягчит опека;

Впрочем сам я свои стопы разую,
80. Дабы в путах стесненные подошвы
Не мешали мне ввергнуться во пламень.

Что ж стенанье ланиты орошает,
Что ж вы просите, чтоб о вас я помнил?

Обо всём я Христа молю народе».

Так промолвив, он тесьмы разрешает
На стопах, Моисею в том подобен,
Как тот сделал, шаг к купине приблизив.

Ни священное попирать горенье,
Ни пред Богом стоять дано не прежде,
90. Чем нагие следы отпечатлеешь.

Стал он голой пятой; се раздается
С горних веянье и сплетает речи,
Кои внемлющих повергают в трепет:

«То не кара, что зрится вам, поверьте,
То, что минет за малое мгновенье;
Не исторгнется жизнь, но обновится.

Души счастливые, кому сквозь пламень
Взыти в высь Громовержцеву судилось,
От кого уклонится пламень вечный!»

100. С сим глаголом они в огонь гудящий
Быстрой входят стопою, ужасая
Встрепетавшее перед ними пекло.

Наконец и узлы, в которых руки,
За спиною сведенные, томились,
Спали, вспыхнув, с нетронутыя кожи.

Не дерзает стянуть те пясти кара,
Коим должно крестом к Отцу воздеться;
Свобождаются для молитвы длани.

Мнится, образ троих мужей старинных,
Коим древле, средь огня вавилонска
Песнь воспевшим, тиран, дрожа, дивился.

Сих же пламень щадил благочестивый,
Не приспела бо их страстей година,
Славной смерти Христос начала не дал.

Так как пар их горючий убегает,
Шлют мольбу, чтобы быстрый огнь прииял
И томительный опыт их окончил.

Напоследок Своим велит скончаться
Слугам вышне Величество, из утлых
Тел изринуться и к Нему вернуться.

Зрел клеврет из наместникова дома,
Как отверзлося страстотерпцам небо,
Славны мужи неслися меж звездами.

Даже дочь он увещевал хозяйску,
Знак злодейства в том ей открыв отцова:
Коих форум убил, живут на небе.

Узреть это на ясном небе дева
Заслужила, хотя был слеп родитель,

Чтоб хозяйский стал грех ужасен дому.

130. Тут священных телес золу и чистым
Залитые вином сбирают кости,
Кои каждый себе стяжать печется.

Братьев рвенье толь велико — заветный
Дар священного пепла в дом доставить,
Заступленья залог нести на лоне!

Чтоб, однако, останков сих, воскреснуть
И с Христом водвориться вскоре должных,
Гробы розные впредь не разлучали,

Зрятся трое, одеты ризой белой:
140. Наказуют вернуть и, в мрамор полый
Прах священный вложив, замкнуть их купно.

О троякая честь, тройная слава,
Коей град наш чело свое вздымает,
Всех превысшее градов иберийских!

О поборниках трех мы ликовствуем,
Заступление коих нас лелеет,
Пиренейского весь народ предела.

Вкруг пусть станет хор из полов обоих:
Дева, отрок, герой, старик, старуха,
150. Песнь о вашем воспойте Фруктуозе!

Гимн, хвалящий Авгурия, да грянет,
Сверстну славу Евлогию вплетая:
Равным равною воздадим мы песней.

В доме здесь да звенят злачены кровли,
Там подъемлется брега нежный ропот,
И торжественны волны песнь слагают.

В ону пору, когда падет вселенна,
Фруктуоз отведет жестоку кару
От тебя, Тарракон, огня избавив.

160. Может, мукам он и моим избаву
Подарит, по Христову благосклонству,
Вспомнив сладкие гендекасиллабы.

VII. Гимн в почесть мученика Квирина, епископа сисцийской церкви

Знаменита заслугою,
Мужа, Богу любезного,
Стены града сисцийского
Дарованна страдальца им
С отчей обняли ласкою.

Он в державу Галерия,
Кто затоны владычеством
Тяготил иллирийские,
Говорят, кафолическу

10. Веру смертью почествовал.

Он не жесточью мечною,
Не огнём, не свирепою
От зверей взят кончиною,
Но струями текущими
Омут хищный увил его.

Всё одно, ясной зыбию
Или стрежью кровавою
Орошается мученик:
Прозябает от всякия
20. Слава влаги струистыя.

С возвышенна моста стремглав
Освященного племени
Был епископ низринут в зыбь,
С бечевою, обвившею
Глыбу грузную жернова.

Низверженного кроткою
Ток приемлет стремниною,
Не давая погрузнуть в нем,
И чудесно плывущее
30. Бремя держит он каменно.

Смотрит издали с трепетом
Паства вся на учителя:
Ведь Христов неисчетный люд

В побережных излучинах
Натеснился станицею.

Но в тот миг, как, главу воздев,
Огляделся Квирин — своих,
Зрит, увы! он во трепете
И, не помня о собственной
40. В водовертях опасности,

Благочестны сердца крепит,
Кроткой речью о том моля,
Чтоб сего не страшилися,
Чтоб не зыбилась вера в них,
Смерть не мнили бы карою.

Меж зыбей говорящего
Водокрутны хребты влекут,
И бездонность расстлавшаясь
Камень, мужа и вервие
50. Поглотить не решается.

Разумеет епископ тут,
Что теряет стяжанную
Пальму он, что кончины миг
Возбранен со восшествием
Ко престолу Отеческу.

«Иисусе всемощный, — рчет, -
Для Тебя не нова отнюдь

Эта слава, не редкостна —
Средь роптаний ступать морских
60. И потоков спинать струю.

Знаем мы, ученик Твой Петр,
Погрузивши свои стопы
В смертной поступи, трепетный,
Поможеньем руки Твоей
Тверду почву в зыбях обрел;

Иордан небезвестен нам
В развороте скитальческом,
Как стремлением бурным он
Вновь к истокам попятною
70. Побежал водовертию.

Таковы чудеса Твоей Силы,
Господи, что и днесь
Легким рею я плытием
По простору стремнинному,
Хоть на вые валун влеку.

Уж сполна почтено Твое
Имя, мощь оказавшее
Над безумьем языческим;
Прекрати, Благодатнейший,
80. Сей души промедления.

Твоей мощи свидетелем

Влага, камень промчавшая.
Се одно, что осталось, дай,
Нет чего драгоценнее:
За тебя умереть, Христе!»

Покидают молящего
Глас, тепло и дыхание;
Дух подъемлется в горняя;
Тяжелеет жерновный груз,
90. Сходит тело в глубины вод.

VIII. О месте, где пострадали мученики, а ныне баптистерий Калагурры

Избрано место сие Христом, чтоб испытанны души
Он возвел к небесам кровью, очистил водой.
Пурпурное страдальчество здесь во имя Господне
В смерти прияли честной двое казненных мужей.
Здесь струится еще в ключе прозрачном прощенье
И старинну вину новой смывает струей.
Кто вожделеет взойти в небес непреложное царство,
С жаждой да идет сюда — се уготованный путь.

Прежде увенчанные восходили свидетели в вышню

10. Храмину, днесь к высотам души омыты грядут.

Дух, обыкший сюда нисходить в парении вечном,

Пальму как подавал, так отпущенье дарит.

Росы впивает земля от ключа иль от крови святые,

Присно для своего Бога волнами кипя.

Места сего Господин, чей бок сугубою раной

Преизлиявшуюсь кровь купно со влагой струил.

Каждый, отсель уходя, ради язв Христовых способен

Быть взнесен лезвеём или водой в небеса.

IX. Страсти святого Кассиана из Корнелиева Форума

Сулла Корнелий град основал; сей предел италийцы

Зовут по имени его создателя.

Здесь, когда шел я к тебе, вселенной владычица, Рома,

Стал на Христовы я надежен милости.

Пад на колена, простерт пред могилой, котору

священный

Чтит Кассиан всечистым телом мученик,

В час, как, слезя, о моих я мыслил язвах, о всякой

Заботе в жизни и скорбях пронзительных,

Поднял к небу лицо, и се, восстал предо мною

10. Зрак мученика, красками начертанный,

Тысячи ран неся, во всех истерзан суставах,

Являя кожу, пеструю уколами.

Неисчислимые вкруг него дети (сколь жалостно видеть!)

Изрыты члены прободали стилями,

Коими им пробегать вощаные привычно таблички,

За голосом спеша писать учительским.

Храмовый мне служитель речет: «Что зришь, чужестранец, -

Отнюдь не баснь пустая и старушечья;

Изображенье гласит об истории, преданной в книгах,

20. Где истую нам видно веру древности.

Отрочьим быв начальник трудам, он станицей великой

Омкнутый восседал, письма наставником,

В кратких знаках слова заключать любые искусный

И речи вслед по точкам беглым шествовать.
Строго порой и сурово звуча, его наставленье
Сонм юный гневом и боязнью зыбило;
Ибо учитель всегда учащейся младости горек,
Не сладостно в ребячестве учение.
Се, обрушася вихрь свирепый на веру, ничтожил
30. Народ — служитель славы христианския.
Вон влекут из толпы учимых водителя сонмов,
Мольбой пред алтарем пренебрегавшего.
Казней когда уставщик спросил, ремеслу каковому
Учен строптивец сей с душой высокою,
То отвечали: „Он стад незрелых, нежных правитель,
Учащий в знаках речь вмещать условленных“.
„Так уведите ж, — кричит, — вы узника прочь, и да будет
Самим дарован бичеватель отрокам.
Тешиться тут им вольно: пусть рвут без опаски, и длани
40. Окрасят праздные кровьми наставника;
Любо ученикам, коль сам принесет им потеху
Каравший много их учитель взыскливый“.
Длани вяжут ему за спиной, одежду совлекши;
Готов и рой, вооруженный стилями.

Сколько каждый вражды ни скопил во гневе безмолвном,
Палимый желчью вольной, изливает всю.
Мечут табличку одни и, хрупкой в лицо угодивши,
Ломают; от чела обломки древ летят.
Дска вощаная трещит, поражая ланиты кровавы,
И рдеются страниц осколки влажные.
Вержут иные в него наконечников жало железных,
Которо пашет воск браздою письменной,
Также и той стороной, что стирает, и всклоченной глади
Лоснящиеся обновляет пажити.
Тут прободен, а там иссечен Христов исповедник;
Часть входит в нежно чрево, кожу часть кроит.
Двести дланей ему совокупно все члены пронзили,
И столько же из ран вдруг капель точится.
Вящим было дитя палачом, коль жалило сверху,
Чем если проницало глуби чревные;
Ибо нетягостный тот истязатель, препятствуя смерти,

Стрекалу боли подает свирепствовать,
Сей же, чем далее он сотрясает жизненны недра,
Дает лекарство, приближая к гибели.
„Будьте, молю вас, крепки, премогите силою годы:
Что не дал возраст, возмести безжалостность!“
Втуне, однако ж, дитя в трудах бессильно ревнует:
Взрастает пытка, палача томящая.
„Что стенешь? — восклицает один: — ведь сам ты, наставник,
70. Сие железо дал и воружил нам длань.
Се, возвращаем тебе толь многие тысячи знаков,
Что с плачем мы в твоей науке приняли.
Нашему ты не гневись писанью: сам повелел ты
Не знать покоя, стиль водя десницею.
Мы уж не ищем толькрат тобою для нас запрещенных,
Учитель алчный, дней отдохновения.
Точки нам любо вперять, бразды сплетать со браздами,
Согнутые черты сцепляя связкою.
Долгую линий чреду обозреть и исправить ты

можешь,

80. Коль в чем погрешено рукой промашливой;

Власть твою употреби; вольно наказать тебе вины,

Коль кто не споро на тебе распишется“.

Так ругались они своего учителя телу,

Ослабы не дая от мук сломленному.

Сжалясь впоследок над бранью его Христос от эфира,

В груди распасться скрепам у него велит;

Трудные он препоны души, сцепления жизни

Разверз, из тесных дав убежищ вынестись.

Кровь из внутреннего источника жил, по отверстой

90. Стезе пустясь, прощается с предсердием,

И многочисленными пронзенного скважнями тела

Пыл жизненный, дыша, из недра пышет вон.

Вот что, изражено в светозарных цветах, чужеземец,

Ты зришь, дивясь; се слава Кассианова.

Правое коль ты желанье несешь и любезное, молви,

Коль есть надежда, коль снедаем думою.

Внемлет, верь, всем мольбам сей мученик благопреклонный,

И всё свершает, что достойным видится».
Я повинуюсь: объяв могилу, слезу изливаю,
Алтарь устами, камень грудью теплится.
Тут озираю я все мои потаенные скорби,
Тут все шепчу боязни и желания:
И что оставил я дом за спиной, с судьбиной сомненной,
И зыбкое грядущих благ надеянье.
Я услышан: во град прихожу; в хлопотах успеваю;
Домой гряду, чтя Кассиана песнию.

X. Святого мученика Романа глаголы противу язычников

Роман, свидетель Христа Бога доблестный,
Уст безъязыких орган двигнь, помощник мой,
Ущедрь немого песнию изысканной,
Дай чудеса мне славы возгласить твоей!
Ты знаешь сам, что может и немой рещи.

Палач свирепый нёба и гортани плектр
Хотя исторгнул у тебя, безмолвными
Уста, гласящи Бога, не соделал он.
Не угасить глас — истины свидение,
Хоть и трепещет в устье он рассеченном.

Бессильного так языка речь косная

Гугнивит, в звуках неподобных силится;
Но коль росою печень ты небесною
И грудь духовным млеком окропиши мне,
От хриплости вдруг трудный звук очистится.

Евангелистом заповедь записана,
Самим Мессией данная апостолам:
«Слов не ищите, как Мое вам таинство
Гласить придется, вы предусмотрительно:
20. Я неготовым надобный внушу глагол».

Я сам безмолвен, но, могущ витийствовать,
Христос, язык мой, всё изрядно вымолвит.
Он скажет Сам, как, в крайности надмения,
Воздвигнул смуту демон, чтобы рухнуть в ней,
Явив последню ярость, язва худшая.

Так змий, ударом копия уязвленный,
Железо гложет и, от боли злобствуя,
Его колеблет, зубы вкруг него сомкнув;
Но дрот вонзенный глубже лишь уходит в плоть,
30. К его укусам тщетным нечувствителен.

Галерий в ону пору мира Римского
Властителем был, древность возвещает нам, -
Жестокий, горький, стропотный, безмилостный.

Указ во всю он ширь издал вселенныя:
Христа отвергни тот, кому любезна жизнь.

То оный змий речет устами царскими,
Который, мертвых из гробницы вышедши,
Вопит: «Что, прежде времени явившися,
Мою державу рушишь? Сын Всевышнего,
40. Помилуй — в сердце хоть свином дай властвовать!»

Со всяким рвеньем в то Асклепиад префект
Занятье вдавшись, воинам идти велит,
Народ церковный даже из святилища
Исторгнуть, дабы ввержен был в узилище,
Коль назарейска не уйдет учения.

Потом и сам, в храм помышляя вторгнуться,
Горя Святая он святых повергнуть в прах,
Оружьем гнусным затевал кощунственно
До тла олтарный истребити жертвенник
50. И сами двери распростерть в развалинах.

Но предваряет, сведав оный замысел,
Блистательныя доблести герой, Роман;
Врагов оружных он вестит пришествие,
Крепя страшливым души увещаньями —
Быть наготове, в буре не клонитися.

Единым духом дышит христианская

Сплоченна паства, сей собор нетрепетный,
Мужи где, жены, отроки и девы где;
Во всех решенье крепко впечатлелося:
60. Спасти им веру иль скончаться волею.

Судье доносят воины отгнанные:
Роман мятежным воевода сборищам,
Все неуклонным пышут дерзновением
Подставить твердо горло незакрытое,
Чтоб храбро гибель им снискать преславную.

Схватить немедля тут Романа велено
И одного, как факел и стрекало всех,
Судить ватаги вместо непокорливой.
Идет послушно, хочет узы он приять,
70. Свои заводит сам он длани за спину.

К венцу стремленье чуть ли должность ликтора
Не упредило грубую: раздвоенным
Когтям он ребра предал обнаженные.
К высоку прагу ринулся; служители
Оцепенели; сам он ката влек с собой.

Предстал пред очи, и тиран глаголет так:
«О мерзостное чудище, бесславное,
Ты, возмутитель града, толпищ суетных
Ты вихорь, шатки души будоражащий,

80. Чтоб пред законом чернь не преклонялася.

Молвы в том тщетной неким прославлением
Невежественный люд быть взыскан думает,
Священными мнят на века соделаться,
Коль, как гиганты, двигнут брань против богов
И под завалом гор погибнут огненных.

Тобой, пропащий, уготован сей позор —
Кроваво бедство граждан истребляемых:
Как святотатцам, мира осквернителям,
Казнь надлежит им — се твоих уроков плод:
90. Вина ты смерти, пагубы ты знаменщик.

Мню справедливым, чтоб, виновник дерзостный,
То, что стерпеть ты многих нудил, как палач,
К тебе вернулось, и за кроволитья все,
Что будут вскоре, первым кару принял ты,
Снести имущий сам, к чему других склонял».

Сему в ответ он речь стремит свободную:
«Не уклоняясь, о префект, приемлю я
За племя верных одному быть закланным;
Достоин я — коль моего ты мненья ждешь —
100. Всего, что ваша ни велит безжалостность.

Вступить прислуге идольской и демонской
В святой спасенья нашего запретно храм,

Да не сквернится чистый дом молебствия;
В Святом надеюсь Духе — никогда тебе
Стать на блаженном праге не позволится,

Коль только в нашу ты не удостоишься
Быть принят паству — да створит то Бог Отец!»
Воспламенен сим, повелел Асклепиад
На дыбу тело вздеть для растерзания,
110. Растягивая вервием и крючьями.

Но исступленный слышит от чиновников,
Что из старинна рода обвиняемый,
Средь первых граждан он заслугой многою.
Брус вредоносный тот тогда убрать велит,
Чтоб муж не ввергся знатный в кару подлую.

«Бичуйте, — молвит, — частыми ударами,
Свинцом исхлестан, пусть хребет раздуется.
Лицу любому казнь есть сообразная:
То много значит, из простых иль знатен он;
120. Различье муки — в степенях виновников».

И вот биемый градом оным мученик
Между хлестаньми гимн вознес свинцовыми
И, восклонившись, начал: «Знатность чужда мне
По крови предков, по закону курии;
Христа ученье знатными творит мужей.

Первоначало племени коль нашего
Ты по сплетенью счислишь родословия —
От уст Отца мы Бога бытие берем.
Ему кто служит, знатен тот воистину;
130. Отцу мятежник — подлым обретается.

Потом и нова почесть родословию,
Блеск велелепный, словно магистрат, придет,
Коль исповедник веры во свидетельство
Железа язвы понесет и пламени
И за насильством кар грядет смерть славная.

Брегись не к месту благосклонство выказать,
Не дай ослабы мне ты снисходительно;
На плоть обрушься, кат, да знатен стану я!
Стяжав в успехе оном прославление,
140. Вменю в уметы род отца и матери.

И сами ваши высших санов степени —
Как их ты ценишь? иль не скоротечны суть
Секиры, фаски, кресла, тоги пышные,
Судище, ликтор и клейнодов сотни три,
От коих дмитесь, чтоб сдуваться вскорости?

Приемля должность консула, вы, как рабы, -
Цыплят — промолвить стыдно — полбой кормите;
Орлом слоновой кости напыщается

Его носитель, от клыка спесивяся
Звериного, что в образ птицы выточен.

Коль истукана к стопам, иссеченного
Из дуба, перед алтарем падете ниц,
Ужель найду я нечто вас униженней?
Ступают босы, знаю, пред двуколкою
Вельможи в тогах в день Идейской матери.

На колеснице камень чернообразный,
Схож с ликом женским, в сребряном ларце, лежит,
Пред ним идете, к омовенью правя путь,
Стопы стирая, обуви лишенные,
Доколь альмонска тока не достигнете.

Но что за пышность скаредна? бесславными
Вы зритесь, рыща луперками в городе.
Из слуг кого не счел бы я ничтожнейшим,
Коли, по стогнам в наготе он бегая,
Дев на потеху знай бичом вытягивал?

Твоих святынь мне жаль, твоих начальников,
Твоих мне нравов, Рома, верх вселенныя.
Ну что ж! раскроем, коль угодно, таинства,
Префект, мы ваши: надлежит внимать тебе,
Неволей или волей, грязь какую чтишь.

Твое безумство дмящееь не страшно мне,

Что лик насуплен, что в окостенении
Грозишь мне мукой гибели жестокия:
Смутить меня коль сими тщишься средствами,
Сразись со мною в разуме, не в ярости!

Велишь Отца мне и Христа святынь уйти,
Честить с тобою тысячи мужей и жен,
Богинь с богами, купно обоих полов
Детей, рожденных ими, внуков, правнуков,
180. Любодеяний стольких племя гнусное.

В брак входят девы, часто их коварство тлит,
Обман над ними властвует любовничий,
Кипит беспутство, жар томит развратников,
Лжет муж, супругу гнев палит к совместнице,
Распутны боги цепью уловляются.

Молю, скажи мне, подле алтарей каких
Овном закланным должен мой куриться дерн?
Пойду ли в Дельфы? Но претит об отроке
Молвь совращенном, коего растлил ваш бог,
190. Воспользовавшись вольностью гимнасия.

Оплакал гнусный вскоре диска тяжкого
Удар, в цвет вешний превратив наложника;
Наёмный пастырь ставши стада чуждого,
Угнать он вору попустил коров своих,
Страж нерадивый, и своих лишился стрел.

Пойду ль Кибебы в рощу я сосновую?
Младой мешает галл, что из-за прихоти,
Раненьем скорбным, пола отсечением,
Избавлен ласки божества бесстыдного —
Скопец, во празднствах Матери оплаканный.

Великого ль мне праг лобзать Юпитера?
Коль по уставам вашим приведется в суд,
Увязнет в грозной Юлиевой мрежи он,
Скантиниеву кару примет строгую:
Будь ты судьею, ввергнул бы в острог его.

Ужель златого века созидателя
Честить ты мыслишь? Не оспоришь — то беглец,
В боязни кары, точно вор, таившийся:
Услышь Юпитер, что живет он счастливо,
Тех покарает, чьей он скрылся помощью.

Что с алтарями делать неуживчивых
Божеств ты скажешь? Негодует Марсова
Обиженная доблесть, коль Лемносца чтят;
Юнонин узрит гнев любой, кто статую
Или часовню Геркулесу выстроит.

Пиитов, молвишь, это дерзкий вымысел;
Но тех же точно таинств посвященные,

Как ты, и всё то чтут они, о чем поют.
Что ж ты читаешь их кощунства с радостью,
220. Что ж ты в театре оным плещешь зрелищам?

Растлитель-лебедь на подмостках грех чинит,
Актер рогатым прядает Громовником;
Сидишь, понтифик вышний, ты средь зрителей,
Смеешься, зрелищ сих не отвергаючи,
Когда бесчестят божество великое?

Что ж ты, священник, смехом разражаешься,
Коль бог заемлет мужа вид Алкменина?
Над Адониса раной театральная
Стенет блудница в скорби сладострастия,
230. Тебя ж Киприды лупанар не трогает?

И в изваяньях истина ль не явствует,
В меди, на память преступленьям, вылита?
Что значит образ, присно близ Юпитера,
Слуги перната? быстрый сей оружничий
Царю был сводник, что примчал любовника.

Церера, в ризе распущенной, с факелом:
Зачем, коль деву ни единый бог не крал,
Котору ищет мать, всенощно бодрствуя?
Мы зрим кружаща вретено Тиринфия:

240. Зачем, игрушкой коль не быть Неэриной?

Я сельских стану ль клясть богов чудовищных —

Приапов, Фавнов, флейт изобретателей,
Пловущих нимф ли, стрежных ли насельников,
Что, как жерлянки, полнят глубь озерную, -
Божественности мощь средь груба пороста?

Сим поклоняться, цензор добрый, требуешь?
Всё это можешь, в здравом разумении,
Почесть священным? иль не нудит легкие
Смеяться оных несуразиц зрелище,
250. Во сне старухой хмельною измышленных?

Коль, что ни сыщешь средь сует мистических,
Честить нам должно всё, начни же первым ты.
Чти вперемешку все святыни земские,
Богов латинских и богов египетских,
Мольбы Канопа, жертвы Ромы вземлющих.

Мольбы Венере шлешь — и обезьяне шли;
Тебе любезен Эскулапов змий святой —
Так что же ибис, пес и крокодил не люб?
Поставь порею благочестный жертвенник;
260. Чеснок ты жгучий, едкий лук честить примись.

Задабривают дымны лары ладаном
И освященных овощей чураются?
Откуда больше в очагах величия,
Чем в вертоградах мыслят быть прополотых?
Коль бог в горшках есть, также и в порее бог.

„Но красен образ меди изваянныя!“ —
Как мастерские проклинать мне гречески,
Богов где ладят племенам несмысленным?
Мирона клещи, молот Поликлета — вот
270. Род и начало ваших небожителей.

Искусство, сея заблужденья счастливо,
Когда браду тугую вьет Юпитеру,
Когда, власы сплетая нежно льющиесь,
Опиливает плющ и кудри Либеру,
Когда Минервы грудь топорщит змеями,

Внушает людям опасенье чёрное,
Перун страшил чтоб медный, как громовничий,
Дрожали яда чтоб Горгоны шиплющей,
Чтоб мнили: отрок, победивший в Индии,
280. Разить способен тирсом, хоть и хмелен он.

Теперь, Диану видя препоясанну,
Боятся лука девственной охотницы;
Коль Геркулеса лик окажет пасмурней

Растопленная глыба зыбкой жидкости,
Он палицею, мнят, грозит, чтоб чтимым быть.

Но сколь великий ужас обоймет сердца,
Коль гнев Юноны изразит художество?
Как будто, взоры меща неприязненны,
От приносимой жертвы отвращает зрак
290. С челом суровым камень, вид угрозы взяв.

Что не священ вам Ментор, удивляюсь я,
Что Фидий храмов, алтарей неймет у вас,
Богам отцами бывшие и зодчими:
Будь послабее их прилежность в кузнице —
Вовек отлиту не бывать Юпитеру.

Ты не краснеешь, преданный язычеству,
Что переводишь вечно ты съестной припас,
Богов подобных бестолково потчуя,
Что из лоханей, из кастрюль и сковород,
300. Из переплавки вышли битой утвари?

Простолюдинам глупым извинительно,
Кто пестрой шерсти на стволе пугается,
Кого захожий шарлатан дурачит всласть,
Кому всё свято, страх к чему избитою
Внушен беззубых стариц канителию, -

Мне дивно, как вы, мужи просвещенные,
Чьей жизнью правит взвешенное правило,

Не ведаете, Божие и смертное
Каким уставом прочно и какая мощь
Всё сотворила и над всем господствует.

Бог присновечный, бытие бесценное,
Кого ни взором не объять, ни мыслию,
Людского меру разума превосходяй
И неохватный нашему узрению,
Вне и внутри, всё полнит, преизбыточный.

Вне времени сый, прежде дня Он первого,
Един могущий прошлым быть и нынешним,
Свет истый, Света истинного зиждитель,
Сам сущий Свет, Он Свет преизливает Свой:
Его рожденный Светом блеск есть Сын Его.

Отца едина мощь, и так же Сына мощь;
И, отрасль Света одного, единый Блеск
Божественностью полной вспыхнул Ясности;
Проста природа Божества единого,
Едина Сила всё создала сущее:

С землею небо, пропасти морской простор,
Шары, над нощью и над днем властительны,
Дожди и тучи, ветры, бури, молнии,
Септемтрионы, Геспер, летний зной и снег,
Металлы, реки, иней и источники;

Равнины, горы, холмные удолия,

Зверей, пернатых, кто плывет и ползает,
Животных вьючных, диких, подъяремный скот,
Цветы и злаки, дерева, кустарники,
Благоуханье нам и снедь дающие.

То не искусством, не трудом воздвигнул Бог,
Его всевластьем издано веление;
Быть приказал Он: стало то, что не было;
Громаду Словом создал многовидную;
340. Была от века в Слове сила отчая.

О Нем узнали вы, теперь же сведайте
О поклоненье должном: храма род каков,
Какие должно посвящать дарения,
Каких молебств Он хочет и священников,
Чинить какие надо возлияния.

В людской Себе Он храм постановил душе —
Живой, безбурный, духоносный, чувственный,
Нерасторжимый, не могущий рухнуться,
Изящный, красный, с верхом превозвышенным,
350. Преиспещренный красок многоцветием.

Там при священном праге жрица пристоит,
Храня входные створы, — Вера девственна,
С челом, омкнутым царственною повязью;

Велит, Христу чтоб и Отцу угодную
Свершали жертву — убеленну, чистую:

Лица стыдливость, сердца целомудрие,
Отишье мира, чистоту телесную,
Страх перед Богом, ведение правила,
В постах воздержность трезвенно хранимую,
Длань, присно щедру, упованье бодрое.

От приношений сих куренье сладкое,
Превосходяще запах бальсамический
И ароматом персским влажны воздухи,
Горе подъемлясь, к небесам вздымается
И благосклонна услаждает Господа.

Науке оной кто претит, враждебствуя,
Претит жить честно, прилепляясь к святости,
Претит душою устремляться к горнему,
К земле склоняет нашего язык огня,
Благоразумью не дает он бодрствовать.

О в ил погрязша слепота язычников,
Сердца народов, плотью отолстевшие,
О заблужденье плотное, о тёмный род,
Земли поклонник, трупу токмо преданный,
Всегда глядящий долу, никогда горе!

Не крайняя ли ярость и безумие —
Считать, что боги в браках порождаются,

Искать начало на земли духовное,
Стихии мира олтарями чествовать,
380. То, что созданно, почитать Создателем,

Стволу молиться, топором ссеченному,
Резные камни кровию свиной кропить,
Пред жертвенники несть куски говядины,
И, ведая, что чтить людей берешься ты,
Лизать гробовы урны с лиходеями?

К сему нечестью нудить, судия мирской,
Мужей отважных и свободных ты престань!
Любви превыше ничего нет к истине;
Гласящим имя Бога присновечного
390. Ничто не страшно, смерть сама склоняется».

Пока глаголал мученик, всё накалял
Асклепиад гнев в глубине злокозненный,
Полн раздраженьем горьким, долго он молчал,
Желчь накопляя в тайниках предсердия;
И вот сокрытой силу яри изрыгнул:

«Увы, Юпитер! что пришлось услышать мне?
Средь жертвенников став, средь статуй божиих
И — должно мне сказать — средь полна форума,

Злодей вещает, при моем молчании,
Скверня святыни все устами гнусными.

О правосудье предков, нравы древние!
Изобрели что встарь цари Помпилии
Народна ради блага, всё хулит наш век.
Софистов этих что за заблуждение
Отнять склоняет у богов их почести?

Рождается днесь христиан учение
По истеченье консулатов тысячи
С начала Рима — умолчим о Несторах.
Что вновь возникло, не бывало в древности.
Всего основу хочешь ведать? С Пирры спрос!

Где в ону пору этот ваш был вышний Бог,
Когда, Маворсов отрок, взем приязнь богов,
Твердыню создал Ромул седмихолмную?
Что мощна Рома в силу добрых знамений,
Юпитер Статор дал и боги прочие.

Завет то вечный, праотцами преданный:
Триумфа ради нам молить владычнего
Пристало храмы, да стяжает счастливо
Во брани славу, да, смирив противника,
Бразды закона взложит на вселенну вождь.

Итак, готовься, кто б, сквернавец, ни был ты,
По чину, с нами в ряд, о государевой
Молить бессмертных жизни — иль как общий враг
Претерпишь, кровью заплатив вину свою:
Гнушаться храмом — пренебречь властителем».

Тут он: «О здравье никогда, о сильнейших
И о храбрейших государя воинствах
Молить не стану — разве, верны ратники,
В Христовой влаге вновь родятся для Отца
430. И Параклита примут с высоты небес,

Коли отринут идольские сумраки,
Сиянье узрят упованья вечного,
Не в наши взоры льющееся влажные,
Ниже в телесных нам оконцах блещуще,
Но в чистых душах внутренно горящее.

Зеница плоти грубая зрит грубое,
И видит тленна вещь лишь вещи утлые;
Души прозрачность зреть годна прозрачное,
Одна природа пламенна горящу мощь
440. Божественности постигает пламенной.

Сей свет, хочу я, император чтоб познал
Твой — да и мой, коль стать моим захочет он;

Коль христианску имени противится,
Моим такому императору не быть;
Не послужу я грех вершить велящему».

«Стоите, — кличет судия, — подручники,
Стоите, руки опустив отмстительны?
Ему вы чрево не браздите ранами,
Вы не разрыли душу скрыту, льющую
450. Против владыки словеса кощунственны?»

Тут рассецают воины ужасные
Бока висящи лезвием пронзительным,
Чертят по членам язвины протяжные,
Косые прямо рубят, поперек прямых,
И обнаженной костью грудь белеется.

В натуге дышат тяжко, пот с них катится,
Но безмятежно зрит герой свирепство их.
Среди мучений вновь Роман приемлет речь:
«Коль ведать хочешь, о префект, ты истину,
460. От этих всех мне истязаний боли нет.

Но больно мне, что в сердце всел твоем обман,
Что сих с собой ты гибнущих влачишь людей.
Текут отвсюду к зрелищу, тьмочисленны,
Языческий сонм, существа плачевные,
Примера страшна трепеща судьбы моей.

Внемлите все мне, на просторе речь стремлю,

Превозвышенный с дыбы устремляю глас:
Христос, сиянье славы отчей, Бог Господь,
Вселенной зодчий, общник жребья нашего,
470. Сулит спасенье верным непреложное,

Души спасенье, той, что не вкушает смерть,
Но токмо терпит случаи различные:
То в свете блещет, то погрузнет в сумраке;
Христа по следу входит в славу отчую;
С Христом в разлуке рабство терпит Тартара.

Мне помнить должно воздаянье, некогда
Во мне что дастся существу нетленному,
Неважно мне, как сгинуть телу выпадет, -
Его природный сгинуть осудил устав.
480. Крушенье близко; что должно упасть, падёт.

Неважно, пламя, дыба ли свирепствует,
Иль изнуренье плоть палит болящую:
Недуг и с вящей ратует свирепостью.
Не так браздится бок когтьми язвительно,
Плеврит жестокий как вгоняет лезвие;

Пластины кожу так не жгут каленые,
Как лихорадка жилы черной желчью ест,
Или, по коже ширясь, огнь печет ее
И в жаре бурном гнойники вздуваются,

490. Шипящим словно прижигают каутером.

Вам бедством мнится, что повис простершись я,
Скрутили руки, вывернули стопы мне,
Что лопаются жилы в сочленениях:
Подагрою так узловатой мучимы,
Кричат, зане расходятся все кости в них.

Страшитеся вы дланей сих палаческих:
Но милосердней много ль длани лекарей,
Когда ярится бойня Гиппократова?
Секут живое недро, кровью свежею
500. Поится скальпель, гнойников скоблящий глубь.

Представьте: в ребра вдвинули хирурги мне
Железо, ради здравия секущее:
То не жестоко, что целебным видится;
Они, узрите, режут члены тлеющи,
Живым лекарство недрам подаваючи.

Кому безвестно, порча сколь великая
Присуща плоти, скверной, истлевающей?
Сочится, пухнет, боль в ней, нечистоты, смрад,
Гнев надмевает, изнуряет блуд ее,
510. И синевою желчи заливается.

Что прибавляет плоти груда золота?

Шелк, пурпур, ризы, камни драгоценные,
Потреба плоти, хитростьми промыслены;
Чревоугодье тучность плоти пестует;
По всем злодействам реет похоть плотская.

От бедствий оных вылечи, палач, меня,
Трут из меня ты вырви прегрешения;
Отъявши тленье плоти немощствующей,
Душе свободной всяку боль подай избыть,
Чтоб не тащить ей то, что отсечет тиран.

Не устрашайся, о меня обставший сонм:
С тем расстаюсь я, с чем расстаться каждому —
Царю, клеврету, бедному, богатому.
Так точно рабска плоть, как и сенаторска,
Гниет, на гробном дне в свой час сокрытая.

Ничтожный мучит вред, утрата малая,
Коль потерять нам страшно то, что бросить след.
За неизбежность что ж не взяться волею,
Что ж к славе нашей не склонить природою?
Ущерб законный обернем на выгоду.

Каков же выгод образ для бесстрашных есть,
Посмотрим, — верно, тот, что не погибнет ввек.
Освободившись, к небу возлетает дух,

Отца и Бога в свете ликовствует он,
В Христовом царстве вшед в селенья царские.

Когда-то небо, словно свиток, скрутится;
Падет на землю солнца шар вратящегось;
Померкнет сфера, мерящая месяцы;
Един пребудет Бог, и сонмы праведных
Со присновечным будут сонмом ангельским.

Насущну презри пользу, мудрый человек:
Предел поставить, с ней расстаться надобно;
Брось тело, склепа долю и истления,
Стремись к грядущей славе, Бога ты взыщи;
Познай, кто есь ты, мир превозмоги и век!»

Едва окончил мученик, витийствуя,
Свое вещанье, как, Асклепиад, ярясь,
Вскричал: «Пусти же во уста рекущие,
Палач, удар свой, вторгшись дланью в челюсти;
Когтям язвящим, дыбе ты предай его.

Ему гнездовье многоречья выдерни,
Чтобы болтливость дхания лишилася,
Ключом биюща, — прободай меха ему,
Зане глаголам сим не положён предел;
Пытать хочу я самые слова его».

Приказ преступным ликтором свершается;
Буравит обе он когтьми чертящими
Ланиты, врезав знаки окровавленны,
С брадою кожа выдрана лоскутьями,
И весь растерзан до подбрадья лик его.

Сквозь льющуюся кровь глаголет мученик:
«Сколь благодарен много я тебе, префект,
Что столь отверстым устьем ко Христу реку:
Пространное мне тесно имя чествовать
Единой скважней, малою для Божьих хвал.

Глас обретает трещины разверстые,
В зиянья многи хлынув, выбивается
И там, и здесь он, всюду проповедая
Непреложиму славу со Отцом Христа:
Се, столько хвалит уст, сколь ран открылося».

Судья, подавлен таковою стойкостью,
Велит мученье прекратить и так речет:
«Огнем клянуся Солнца, очередными
Которо правит наши дни обходами,
Чье возвращенье свет и год выводит нам, -

Костра уж горька разведен огонь тебе,
Пожрать имущий эту плоть, которая
С таким беспутством стропотно упорствует

Святынь противу древних, и, язвительной
580. Не изнуренна болью, лишь храбрей от мук.

Какой упорство это влито тупостью?
Душа упряма, в зачерственье тело всё.
Толь много веры новой ярь властительна!
Христос ведь этот ваш во дни недавни жил,
Который, сам ты молвишь, на кресте пропят».

«Воистину, сей крест — всем нам спасение, -
Роман глаголет: — человек избавлен им.
Вместить, я знаю, ты бессилен таинство,
Слепым не можешь ты святыни нашея
590. Впивать чутьем: ночь не примет дневного.

Но всё ж лучистый в мглу внесу я пламенник;
Здоровый узрит, больноокий скроется.
Неизлечимый молвит: удалите свет!
Досадна ясность ничего не видящим.
Услышь, кощунник, то, что тяжко злит тебя!

Родил всевечный Царь Царя всевечного,
Чья в Нем обитель, Кто не меньше временем —
Его ведь время не объемлет; Он исток
Всех начинаний, дней, годины всякия;
600. Христос рожден есть из Отца; одно Они.

Себя явил Он пред очами смертными,

Прияло смертну плоть Его бессмертие,
Чтоб, коли тленно тело вечный Бог понес,
Сумело наше преселиться на небо:
Се, человек был умерщвлен и Бог воскрес.

В борьбе сошлася с Богом воплощенным Смерть;
Штурмуя наше, сникла пред бессмертием.
Безумным мните, века мудрецы, сие;
Безумье мира выспренний Отец избрал,
Чтоб был безумный веку перед Богом мудр.

Ты Ромулову древность и Маворсову
Волчицу вспомнил, и примету коршунов.
Коль отвергаешь новое, где ж старость здесь?
Едва ли фастов тысячу сей младости
Дало теченье дней от первых знамений.

Я мог бы сотни царств, что встарь основаны,
Во всей вселенной счесть, коли досуг тебе,
Преславных прежде, чем Юпитер, молвь идет,
Сосал, родитель Марсов, Кносску козочку.
Их нет уж ныне; будет и сему конец.

Сей крест Христов, что назван вами новостью,
Как мир рождался, человек как создан был,
Оказан в знаках, возглашен в писаниях;

Его пришество, дел чудесных в тысяче,
Витий согласным хором предрекалося.

Цари, пророки, судии, властители
В отваге, в бранях, в книгах, в торжествах святых
Не оставляли образ выводить креста;
Крест предуказан, крест прообразован встарь,
630. Крестом столетья напоенны древние.

Впоследок ясна стала речь пророческа,
Явилась в наши лета древность правою,
Блеснув пред очи ликом достопамятным,
Сомненна вера да не зыбит истину,
Коль ей свидетельств зримых не окажется.

Мы верим также, что не уничтожится
И плоть, преданна гробу на пожрание,
Зане умершу плоть в Нем на кресте Христос
С Собой, к престолу Отчу взвёл восставшею
640. И поприще всем подал к воскресению.

Сей крест наш; всходим мы на древо оное;
Христос казнен был ради нас — и к нам же Бог
Христос вернулся, человек быв в гибели,
Двойной природы: смертный и премогший смерть,
Вернулся в то Он, потерять чего не мог.

О тайнах молвлю лишь немного нашего
Спасенья, веры я о преспеянии;
Уже смолкаю: рассевати бисер нам
Христов запретно скверных посреди свиней,
Чтобы святыни грязна не попрала тварь.

Но так как праться мне глубоким доводом
С тобой не должно, спросим то, что ближе к нам:
Да обратимся к самому суждению
Мы чувств природных, в коем нет искусности:
То нам посредник, чуждый украшательства.

Дай отрока нам лет семи иль менее,
От ненависти только чтоб свободен был
И от приязни, чтоб причуд ума был чужд;
Мы испытаем, путь какой нам нежное
Укажет детство, что младая сила мнит».

Одобрив оный страстотерпца замысел,
Префект из сонмищ малых одного берет,
От материнска млека отлученного
Совсем недавно, и глаголет пленнику:
«Спроси: мы мненью детскому последуем».

Роман, пылая вопросить невинную
Природу, с нравом млечным, говорит: «Сынок,
Скажи, приличным что ты мнишь и истинным

—
Христа ль едина чтить и во Христе Отца
670. Обличий божьих нам молиться ль тысяче?»

Дитя смеется, отвечая тотчас же:
«Что называют Богом, как бы ни было,
Должно единым быти и единственным.
Таков поскольку есть Христос, Он истый Бог,
Богов станице и дитя не верует».

В стыде, колеблясь, изумлен тиран стоит;
Хоть не пристало над невинной младостью
Являть закона силу, не даёт простить
Разнузданная ярость таковым речам:
680. «Кто эти, — молвит, — преподал слова тебе?»

Тот отвечает: «Мать, и Бог Сам — матери,
Она впитала, Духом наученная,
То, что давала с колыбели снедью мне;
И, как впивал я млеко от двойчатого
Сосцов истока, веру во Христа впитал».

«Так мать сюда нам! — вопиет Асклепиад: —
Своей науки следствия прискорбные
Наставница пусть узрит нечестивая!
Смерть сына видя, в пагубу ученого,

690. Свое прельщенье пусть оплачет, сирая.

Тому не быть, чтоб наши утомилися
С ничтожной женкой слуги: боль сколь малая
Скрушит младенца, смерть сколь быстро вынудим!
Жесточе будет казнь зеницам матери,
Чем если б члены коготь ей кровавый сек».

Едва измолвив это, наказует он,
Дитя поднявши, бить по тылу дланию,
Потом, одежду сняв, хлестать и розгами,
И нежну спину — тяжкими ударами,
700. Отколь скорее млеко, нежель кровь, течет.

Скала какая зрелища б те вынесла,
Какая твердость медная, железная?
Колькрат на тело падал прут обрушенный,
Лоза багрилась влажна скудной кровию,
От коей рана росной синевой слезит.

Рекут, ланиты грозны истязателей
Слезой точились, самовольно каплющей
По лицам оным, с варварской гримасою,
Тут и писцы, тут и народны толпища,
710. И знать с сухими не осталась лицами.

Одна лишь матерь в плач не погрузилась сей;
Весельем ясным блещется чело ее:

Отважней в сердце верном благочестие,
В любви Христовой пред скорбьми упорствуя
И укрепляя чувство кроткой нежности.

Воскликнул отрок, что томим он жаждою:
В мучениях зной огненна дыхания
Его принудил о глотке питья просить;
Но мать сурова, издалека с пасмурным
720. Лицом воззряся, упрекает так его:

«О сыне, страхом ты мятешься немощи,
Сраженный болью, ты сдаешься ужасу.
От моего я чрева не такой-то плод
Сулила Богу, не в такой надежде я
Тебя родила, что уступишь гибели.

Воды взыскуешь, под рукой имеючи
Живой тот кладезь, неоскудевающей
Что льет стремниной, всё поя живущее,
Внутри, снаружи, душу купно с плотию,
730. И вечностию ущедряет пьющего.

Достигнешь тока оного ты вскоре, лишь
И дух и сердце воскипали б пламенем
Христа увидеть, Коего испив лишь раз,
Так сердца всяку пылкость обуздаешь ты,
Что жизнь блаженна жажды не познает впредь.

Сию-то, сыне, чашу днесь испить тебе,
Что в Вифлееме многим детям подана:
Забыв о млеке, о сосце о матернем,
Их младость горьким, но невдолге сладостным
740. Насытясь кубком, крови мёд пригубила.

За сим примером следуй, чадо храброе,
О знатна отрасль, о веселье матери!
Всем летам дал быть доблестей вместилищем
Отец, не презрел дня Он ни единого,
Новорожденным дав триумфы праздновать.

Тебе рекла я часто, пред наставницей
Когда резвился, вторя ты речам моим:
Едино чадо Исаак отцово был,
Который, в жертву ведшись, зря олтарь и меч,
750. Свою подставил старцу шею волею.

Поведала я и об оном славнейшем
Сраженье, в коем седмь единой матери
Детей трудилось, по делам своим — мужей,
И при кончине горькой мать внушала им,
Чтоб не скупились муке и венцу на кровь.

Приготовленье видела их гибели
Присущая там мать — и не подвигнулась,
Но ликовала всякий раз, как отрока
Иль сковрада пекла, елеем трещуща,

760. Иль прожигало страшное пластин клеймо.

Власы и кожу содрал одному из них
С чела терзатель, чтобы, обнаживши верх
До самой выи, обесчестить голову;
Она кричала: „Потерпи! увяжешься
Ты диадимы царской вскоре перлами“.

Язык тираном велено единому
Из них отрезать; мать рекла: „Довольно уж
Добыто славы нами: се, часть лучшая
Пожерта Богу днесь от плоти нашея;
770. Язык достоин верный приношеньем быть.

Истолкователь духа, возвеститель дум,
Служитель сердца, чувств глашатай спрятанных,
Да принесется первым в жертву гибели,
Да искупитель будет членам всем;
За обреченным все вождем последуют“.

Стрекалом нудя этим Маккавеев, мать
Врага скрушила, седмь крат одоленного,
Сынов ей сколько, столь триумфов славных ей;
А мне единый плод чтоб пышну славу дал,
780. О жизнь моя, то вложено во длань твою.

Для сей утробы верного вместилища,
Гостеприимства, длившась десять месяцев,

Коль персей наших сладок нектар был тебе,
Коль лоно нежно и гремушки радостны,
Упорствуй, вспомни сих даров виновника!

Как восприял ты жизнь во глубине моей,
Не вем — и тело выникло отколь, не вем;
То Жизнодавец знает и Создатель твой;
Тому пожертвуй, дар Чей — бытие твое,
790. Добро, даренье коль вернешь дарителю».

Речам сим внемля, отрок ликовствующий
Лозе свистящей, боли бичевания Уже смеялся.
Тут судья приказ дает:
«Дитя в темницу запереть — в толиком зле
Роман повинный пусть жесточе мучится».

Рубцов по свежим начертаньям сызнова
Его вспахали; где недавно острое
Влекли железо — вновь кровоточащими
Отверстым знакам вслед проходят язвами;
800. Но укоряет в вялости победник их.

«О немужская крепость, длани томные!
Не мочь так долго здание единое
Дотла рассыпать тела столь непрочного!
Едва живет в нем связь — но все не рухнется,
Одолевая мышцы дланей немощных.

Резвей собачьи раздирают труп клыки,

И действеннее много клюв стервятника,
Останок плоти мертвыя ядущего;
Вы изнурились гладом невоинственным;
810. Ваш зев звериный, но прожорство вялое!»

От слов сих бурным гневом воспылал судья,
До приговора докипев последнего:
«Коль промедленье так досадно, скорый ты
Конец приимешь: пламенем быть пожрану
Ты обречен и пеплом легким сделаться».

А тот, со стогнов увлекаем дикими
Приспешниками, молвил, обернувшися:
«К Христу взываю моему я о твоем
Немилосердье — не дрожа пред гибелью,
820. Но да узрится суетность судов твоих».

«Что ж медлю, — молвит тот, — казнить обоих я,
В злочестье общных отрока с учителем?
Дитю ссечет пусть меч главу ничтожную,
В отмстительном пусть этот сгинет пламени;
Да в час один кончину примут разную».

Приходят к месту, где свершиться гибели;
В объятьях матерь принесла дитя свое,
Как первородный, мнилося, приплод несет
На жертву Богу плетеница Авеля,

830. Избран в овчарне, прочих непорочнейший.

Потребовал кат мальчика, и мать дала,
На плач не тратя времени, лобзанье лишь
Напечатлела: «Милый мой — сказав, — прости;
Когда ж, блаженный, в царство ты Христа войдешь,
Воспомни матерь, сыне, будь защитник ей!»

Рекла; когда же шейку отмахнул своим
Мечом убийца, в песнях матерь сведуща
Гимн возглашала от псалмов Давидовых:
«Честна святого смерть пред взором Божиим;
840. Се он Твой раб есть, Твоея рабыни сын».

Сие глаголя, плащ свой распускала вширь
И простирала длани под удар и кровь,
Чтоб из струящих жил волну обильную
Поймать, чтоб лика шар приять ей скачущий;
Прияв, на персях обомкнула накрепко.

В другой же части поля из сосны сухой
Костер огромный складывал сжигатель тел,
Прокопченный весь, хворост окропляючи
Растопленною пламенной смолы росой,
850. От снеди сей чтоб пламень взнялся буйственный.

И с загнутыми на рогатку дланями
Роман толканьем на кострище взводится:
«Я знаю, — молвит, — мне не быть сожженному,
Не предначертан сей мне род страдания;
Еще свершиться чуду тут великому».

За сим глаголом треск ужасный следует
Обрушившейся тучи; стрежью черною
На огнь нисходят облаки стремглавные.
Поленья маслом поят обгорелые,
860. Но дождь сильнее брашен влажных пламени.

Палач трепещет гнусный, новизною сей
Смятен, и, сколь в нем рвенья есть, противится,
С промокшим пеплом ворошит он головни,
Возобновляет жар он пакли пригоршней
И огненного в волнах ищет семени.

Когда судье то донесли рассерженну,
В нем желчи ярость вздвиглась беспощадныя:
«Доколь колдун сей, — рек, — первостатейный нам
Смеяться будет, песнью фессалийскою
870. Искусный кару обращать в посмешище?

Быть может, если шею повелю склонить,
Она под раной мечной не расступится,
Иль отделивша выю отсеченную
Смежится снова язва и закроется,
И водворится вновь на раменах глава.

Потщимся ж прежде часть какую б ни было
Отсечь железом, жить оставив прочее,
Чтоб не единой казнью многих зол творцу
Скончаться, смертью не одной израднику:
880. Сколь есть в нем членов, столь познает пусть кончин.

Узнаю, верно ль, гидра что Лернейская
Вновь прорастает членами воскресшими,
Что восполняет тела умаленного
Увечья новы: тут и Геркулес у нас,
Змеины свычный прижигать ранения.

Призвать немедля лекаря умелого,
Который члены сечь искусен смежные
И сопряженья в жилах разделять могущ:
Мне нужен тот, кто кости лечит выбиты,
890. Сращенья ради пеленает сломленны.

Сперва изнимет пусть язык от корени,
Зане один он членов всех беспутнее;
Богов противу наших дерзко двигнувшись,

Святыни древни, гнусный, он бесчествовал,
Не пощадивши самого властителя».

Тут лекарь некий, Аристон, к ним призван был;
Язык велит он высунуть; явил тотчас
Язык, всю глотки глубь отверзнув, мученик.
Ощупывает нёбо тот, скитаяся
900. Вслед гласу перстом, место раны пробуя.

Там, истянувши от устен язык ему,
Ланцет, вдвигая в самую гортань, ведет.
Когда же резал он волокна исподволь,
То мученик уст не сомкнул, зубов отнюдь
Не сжал он тесно, крови не впивал своей.

Недвижен, с зевом пребывал открытым он,
Пока оттоле кровь лилася, прядая;
Ему подбрадье алый и блистательный
Убор облек, грудь в славе зрится чермная,
910. Он торжествует, как в препряде царственной.

Префект, решив, что мужа безъязыкого
Принудить можно к жертвам, коль, речей лишен,
Болтать не может боле на позор богам,
Велит обратно привести безмолвного,

Недавно вихрем слов его ужасшися.

Вновь жертвенники пред судищем ставятся,
И огнь живой здесь в углях, купно с ладаном,
Утробы бычьи иль свиные потрохи;
Когда ж, пришед, он зрит приготовления,
920. На них он дует, словно узрев демонов.

Асклепиад сим тешится, ликующий,
И прибавляет: «Что ж, еще ль заносчивы
Ты, как привыкнул, речи изнести готов?
Что хочешь, молви, разглагольствуй, речь веди;
Глас упражнять свой вольно попускаю я».

Роман, от глуби воздохнув сердечныя,
Издал в стенанье пеню и промолвил так:
«Словес Христовых ради есть всегда язык,
Искать остави орган, речи правящий,
930. Когда Податель речи прославляется.

Кто сделал, чтобы глас, из глуби лёгкого
И уст согнутой желвию испущенный,
То отражался, в нёбо ударяяся,
То умерялся пред зубов оградою
И был подвижным плектром для него язык,

Коль учредил он так гортани тростию
Дышать, согласным звуки движа веяньем,

Чтоб развивались речи в сем движении
Иль уст кимвалы двигнув, говорили мы,
940. То сжавши тихо губы, то размкнувши их,

Иль усомнишься, что сломить природный чин
Способен тот, кто форму создал первую?
Ее создавший волен низложить ее,
И учиненный сплесть и вновь расплесть устав,
Чтоб речь без службы языка творилася.

Знать хочешь силу Божества ты нашего?
Текучей зыби стрежь Он попирал стопой,
И отвердело естество нестойкое:
Своим законам сколь несходно сделалось!
950. Среда пловцов — днесь поприще для поступи.

Сии для Бога действия обычные,
У нас Кто чтится истым во Христе с Отцом, -
Глагол безмолвным, шаг хромым нетягостный,
Глухим отраду возвращать услышанья,
Несвычна света ясность даровать слепым.

Коль кто, несмыслен, мнит всё это баснями
Иль коли сам ты мало вероятия
В сем видел прежде, — убедися в истине:
Се, пред тобою тот держит речь, кому ты ссек
960. Язык: пред чудом преклонися дознанным».

Оцепенелый взят гонитель ужасом,
Боязнь и ярость сердце помрачили в нем:
Не ведает он, грезит или бодрствует;
В сомненье медлит, знаменья какой здесь вид;
Страх ослабляет, дразнит возмущение.

Смирить не может пыл души разнузданной,
Но как направить яри дрот, не ведает.
И наконец он лекаря невинного
К суду, свирепый, гонит, с обвинением,
970. Что в соглашенье тот вступил, подкупленный,

Во рту ль железом не пошевелив иль зря
Его вращая, иль касаньем сдержанным
Нанес искусно раны он поверхностны,
Чтоб языка лишь части причинить ущерб,
В нем сопряжений всех не пресекаючи.

Членораздельный глас в нем невредим пребыл;
Словам не выйти из пустыя полости —
Язык-правитель ей дает звучание.
Пусть там дыханья отгул в праздной впадине:
980. Тогда бы эхо, а не речь, лилось оттоль.

Сии изветы правдой отражает врач:
«Его гортани испытай ты скважину,

Ты за зубами палец испытущий
Подвигай, в глотку загляни отверстую,
Не кроется ль там то, что правит дханием.

Хотя б уколом легким я пронзил его
Иль малой раной к языку притронулся,
При плектре зыбком был бы глас ослабленным;
Ведь коль наставник голоса урон несет,
990. Употребленье речи пресекается.

Испробуй, если то угодно, жалобу
Издаст какую скот обезъязыченный,
Свинья какое изнесет нам хрюканье;
Чей глас был шумен, чей нестроен клич бывал,
Безмолвны, боле слух не поразят ничей.

Свидетельствуюсь здравьем повелителя —
Я без лукавства, судия, свой труд свершил,
Служа веленьям честно государственным;
Он знает, речи бог какой вливал ему;
1000. Но я не знаю, как немой витией стал».

Так обелился Аристон, не тронувши
Сим злочестива христиан враждебника;
Всё больше, больше входит в исступление.
Он вопрошает, окроплен ли чуждою
Муж кровью или из него струящейся.

Роман в ответ: «Вот, я перед тобой стою;
Не бычья это кровь, моя доподлинно.
О чем я молвил, ты узнал, несчастнейший
Язычник, — ваших кровь быков священную,
1010. Чьей жертвенною вы резней насквозь мокры?

Верховный жрец ведь в ямину, изрытую
В земле, нисходит ради посвящения,
В тесьме чудесной, повязью торжественны
Виски омкнувши, на власах венец златой,
Стянув шелкову тогу на габийский лад.

Тесницей, сверху настланной, творят помост,
В щелях сквозящий меж доской непригнанной;
Засим иль сверлят, или же щепят настил,
И частым древо буравом изнизано,
1020. Чтобы зияло в нем отверстий множество.

Сюда огромный бык, со лбом свирепейшим,
Цветов гирляндой иль по раменам увит,
Или рогов меж спутанных, приводится,
И лучезарен лоб у жертвы золотом,
И шерсть его златою крыта тяголью.

Поставив зверя к жертвоприношению,
Грудь освященной рассекут рогатиной;

Кипящей крови изрыгнет широкая
Стремнину рана, на мостки дощатые
1030. Курящийся ток с клокотаньем выплеснув.

По неисчетным тут щелей проточинам
Дождь, ниспадая, тлеющей росой кропит,
Его сретает жрец, в глуби схороненный,
И, каждой капле мерзку подклонив главу,
И одеяньем точит смрад, и телом всем.

Лик запрокинув, щеки подставляет он,
Встречь ливню уши, губы, ноздри выдавши,
И сами очи омывает влагою,
И не щадит он нёба, и язык росит,
1040. Пока весь кровью не упьется черною.

Когда ж остылый труп, всю источивший кровь,
С сего помоста прочь фламины вытащат,
На свет понтифик выйдет, страшен обликом,
С главою влажной, со брадой тяжелою,
Набрякла повязь, риза напиталася.

Испятнанному сим прикосновением,
Оскверншемуся гноем жертвы свежия,
Ему привет все шлют и почитание,
Зане дешева кровь и умерщвленный вол
1050. Его омыли, в гнусном рву таящегось.

Твои прибавим гекатомбы — хочешь ли —
Где сто животных под железом рушатся,
Из ран толь многих половодьем всходит кровь,
Так что авгуры, в багреце ширяяся,
Перебредают еле хлябь кровавую?

Но что ж мясную лавку храмов тучную,
Что живодеров стада неисчетного,
Утроб залитых кровью, обвиняю я?
Есть святодейства, в коих сами режетесь,
1060. И боль обетна члены отсекает вам.

Клинок возносит изувер на длань свою,
Мышц иссеченьем Мать богов он чествует;
Законом таинств мнит кружиться яростно;
Секущу скупо мнит он нечестивой длань;
Стяжать он небо мыслит ран жестокостью.

А сей на жертву хочет пол свой выкосить,
Богов смиряя уда отсечением;
Богине срам свой полумуж приносит в дар,
Которую он, исторгая мужеска
1070. Побега жилу, кровью кормит льющейся.

Ни тот, ни этот пол для божества не мил;
Меж обоими жрец средины держится:
Преставши мужем быть, женой не сделался.
Слуг безбородых Мать богов счастливая

Себе промыслить властна нежной бритвою.

Тавро ль помянем мы для освящаемых?
В печь помещают иглы невеликие;
Плоть припекают ими, чтоб прияла огнь;
И тела часть ту, кою знойно знаменье
1080. Запечатлеет, освященной мнят они.

Когда ж оставит дхание умершего
И погребальна свита в гроб несет его,
Драгими тело убирают лудами;
Златой пластиной кожа облекается,
Металл скрывает выжженное пламенем.

В сих муках нудит пребывать язычество,
Теснят уставом этим боги чтителей:
Забавится так Демон с им плененными;
Носить их учит гнусны поношения,
1090. Велит несчастным опаляться мукою.

Но наша льется кровь всегда от вашея
Жестокости, вы силой злочестивою
Тела невинных в пагубы ввергаете.
Не льем мы крови, коль вы дозволяете;
В кроваву муку вриньте — побеждаем мы.

Но смолкну — близок мне конец положенный,
Конец всем бедствам, слава страстотерпчества;
Не сможешь впредь, как прежде мог, негод-

нейший,
Утробы наши истязать и резать ты,
1100. Но, побежденный, прекратишь, отступишься».

«Палач, и верно, от тебя отыдет прочь, -
Судья грозится, — но рука губителя
Его заменит, глотки сокрушающа.
Неугомонный иначе не смолкнет глас,
Коли его я не переломлю трубу».

Сказав, велел он мужа вывесть с форума,
Во мглу повергнуть гнусного узилища.
Сломил там выю мученику вервием
Безбожный ликтор. Страсти совершилися;
1110. Цепей избавльшись, к небесам грядет душа.

О сих событьях, говорят, властителю
Префект поведал, приведя свидетельства,
Где всю чреду он развивал трагедии;
В скрижаль, довольный, вносит преступление
Тиран, предавши дело прочным хартиям.

Но разрушает век их продолжительный,
Чернит их сажа, пыль их облекает сплошь,
Глодает ветхость или обращает в прах.
Но не истлеет лист, Христом начертанный,

1120. Рукописанье в небе не изгладится.

Приемлет ангел, предстоящий Господу,
Всё, что стерпел, всё, что промолвил мученик,
И не глаголы токмо изнесенные,
Выписывает стилем и ранения
Боков, и персей, и ланит, и горла он.

Вся пролитая тамо кровь измерена,
Любая когтем язвина взоранная,
Глубока ль, мелка, протяженна, кратка ли,
Жесткость боли, меру рассечения; изо
1130. Не упустил он капли ни единыя.

В ведомостях есть книга та превыспренних,
Блюдуща память славы непреложныя,
Ее же Вечный некогда прочтет Судья,
Кто уравняет на весах всеправедных
Страданий тягость с честью воздаяния.

Хотел бы, козлищ посреди, ошуюю,
Там, где я буду, издали я узнан быть,
Его моленью Царь благий чтоб дал ответ:
«Роман нас молит — так предайте ж Мне сего;
1140. Будь одесную агнец, облекись руном».

XI. К Валериану епископу о страстях блаженнейшего мученика Ипполита

В граде Ромуловом святых несметны останки
Зрели мы, Валериан, верный служитель Христу.
Надписи, высеченны на гробницах, и каждое хочешь
Имя ты знать: но тяжел труд мне — сей свиток развить:
Праведных сонм злочестивая ярь пожрала толь великий,
Рим троянский когда отческих славил богов.
Многи, письмен начертанье несущие, молвят могилы
Мучеников имена иль эпиграммы слова;
Много, однако, немых, заключающих гробы безмолвны,
10. Мраморов, кои одно лишь указуют число.
Сколько мужей там лежит, чьи грудой тела громоздятся,
Можно лишь ведать, но их не прочитаешь имён.
Тамо шестидесяти человек под глыбой единой,
Помню, останки лежат, как то поведано мне,
Коих лишь одному Христу небезвестны про-

званья,
Ибо с Собою Он их в дружестве сочетавал.
Взором их обходя и повсюду взыскуя сокрыты
О старинных делах надписи между гробниц,
Я нахожу Ипполита, кто встарь Новатовой схизме
20. Предан, пресвитер, был, наше ученье отверг,
Честь страстотерпчества он восприять приступился, стяжавши
Кровопролитных скорбей преосиянную мзду.
Дивного нет, что, в ученье стояв превратном, сей старец
Был кафолическия веры дареньем почтен.
В час, как врагом исступленным уж был влеком победитель,
Всторжествовавший душой, на умерщвленье телес,
Паствой своею любим, в многолюдном шел он сопутстве;
Спрошен, какому вослед лучше ученью идти,
Он отвечал: «Несчастные, прочь от гнусной Новата
30. Схизмы, да вступите вы вновь в кафолический сонм!
Вера одна да цветет, учрежденная в храме ста-

ринном,
Кою Павел блюдет с кафедрой купно Петра.
То, чему я учил, мне стыдно, и зрю досточестным
То, что от набожности истой далёким я мнил».
Так когда отвратил он от левыя паству дороги
И наставил идти, путь куда правый зовёт,
Явльшись вождем прямым, излучисты тропы отвергнул
Тот, заблуждения кто прежде виновником был,
К буйну правителю был доставлен, в ту пору близ устья
40. Тибрского мучившему христолюбивых мужей.
Ибо в тот день оставил он Рим для того, чтобы даже
Люд предместный ему язвой своею терзать,
Не доволясь в стенах высокого Рима вседневным
Истребленьем поить почву святыми кровьми.
Яникул топким когда и форум, Субуру и ростры
Зрел в раскатившихся он крови обильных струях,
Ярь свою распростер до пределов Тирренского

брега,
В те места, что лежат гавани подле морской.
Меж палачей восседал и станицы служителей тесной
50. Он, горделивостию полн, на престоле своем,
Веры учеников, противу мерзостных капищ
Бунт сотворивших, кипел на вероломство склонить.
Стать напротив толпе, от тюремных дней длинновласой,
Он повелел, да предаст мукам ужасных родов.
Там вереницы цепей, а здесь ременные плети
Свищут, и розог оттоль треск раздается сухой,
Когти, увязнувшие в плетенье выгнутом ребер,
Роют глубоки бразды, печень немилостно рвут.
Уж изнурились каты в трудах, и входил в исступленье
60. Сам судия, возмущен розыска узреть тщету
(Ибо из слуг не нашелся Христовых никто средь толиких
Казней, кто бы дерзнул душу свою осквернить).
В бешенстве тут дознаватель речет: «Палач, отложи ты
Когти; если вотще розыск, то смерть примени.

Этому голову ссечь; того крест подымет на воздух,

Очи живые его птицам пернатым предав;

Тех ты быстро хватай и в пламень, скованных, ввергни;

Огнь разложи, чтоб один многих виновных пожрал.

Этих поторопись в ладье водворить ты щелистой,

70. Кою должно пустить зыби глубокой в среду.

А когда плохо сшитый челнок по буйственной хляби,

Их, прияв, понесет, в волнах набухших кружа,

Дсками расшедшимися корма зазияет гнилая,

Челнокрушенья они вдоволь тогда изопьют.

Даст чешуйчатая в нечистой утробе гробницу

Тварь беспощадна телам, ставшим трапезой её».

Вдруг, как спесивился он в сих речах, пред судище высоко

Старца приводят ему, отягощенна цепьми.

Юноши, коих толпа вкруг судьи собралась, восшумели,

80. Что сей старец — людей христолюбивых глава:

Без промедленья его коль погибнет глава, то

народа

Волею все сердца римским послужат богам.

Требуют смерти ему необычной, новую кару

Изобрести, чтоб других в трепет привел сей пример.

Тот с престола, главу восклонив: «Как, — вопрошает, — Имя ему?»

Говорят: имя ему Ипполит.

«Буди же ты Ипполит, что упряжку взмятет и встревожит,

И обуялыми он сгинет раздранный коньми».

Молвил едва он — уж двух животных, узды не познавших,

90. Нудят выи склонить под непривычный ярем,

В стойлах ласкова длань господина их не трепала,

Вершника волю они прежде не знали сносить,

Скот полевой, в табуне лишь недавно изловлен скитальном,

Чье несмиренно томит сердце зверина боязнь.

Уж, противящихся, сочетает их парою упряжь,

И недружный союз их съединяет уста;

Дышла наместо вервие им, которо хребты их

Делит, пролегши у них между прижатых боков,

И от ярма далеко назад протянувши извивы,
100. Далее конских копыт стелется долу она
И напоследок всего, там, где во прахе дорожном
Беглым вослед скакунам выбитый тянется путь,
Голени мужу петля связует, узлищем цепким
Плотно смежает стопы, к вервию приторочив.
После того, как изрядно у них уготованы были
Путы, звери, бичи — всё страстотерпцу на казнь -
Тут побуждают коней незапным кликом и плетью,
И неприязненными печень стрекалами жгут.
Речь последня из уст раздалась досточтимого старца:
110. «Плоть пусть похитят они; душу, Христе, ты похить!»
Прядают пылко они и в слепом блужданье несутся,
Шум их и трепет куда, ярость куда их стремит.
Дикость их жжет, увлекает порыв и треск понукает,
Груза подвижного их скорый не чувствует бег.
Реют по дебрям они, по скалам, их речной не замедлит

Берег, и встреченный их не препинает поток;
Ломят ограды они и все низвергают препятства,
Спуском бугристым летят, над крутизной прескача.
Плоти разбитой куски выхватывает иссеченны
120. Поле, топорщащее терном поросши стволы.
Часть повисла на скальных верхах, часть заселася в терне,
Частью рдеет листва, частью влажнеет земля.
Образ злодейства сего на стене начертан, где краской
Многоцветною весь живописуется грех;
Тени прозрачны живят картину поверху гробницы,
Мужа влачимого где зрится кровавая плоть.
Видел я, папа благий, края росящи утесов,
Знаки пурпуровые, в терне напечатлены.
Зелень колючих кустов рука, в подражанье искусна,
130. Изобразила и кровь киноварью навела.
Зрелося там, как, из скреп исскочивши своих, в беспорядке
Члены рассеянные в разных лежали местах.
Изображалися там и друзья, со слезами идущи,

Где открывал им стезю дальния тропки извив.
Скорбию поражены, они шли, всё пытая очами,
Полня складки одежд плотью раздранной его.
Тот белоснежну главу омыкает и досточестну
Кроет он седину в нежном объятье своем;
Сей рамена, и длани его искаженны, и пясти,
Голеней и колен вземлет нагие куски.
Вот и алчны пески осушает приложенна риза,
Чтоб напоенная пыль не удержала росы.
Если где на шипах легла горячим кропленьем
Кровь, оттоле ее губка прижата вопьёт.
Чащи густые ничем от священного уж не владеют
Тела и не лишат полных его похорон.
И когда по счисленье частей находят, что вместе
Собраны члены все, сколь в целостном теле ни есть,
И не должна очищенная дебрь из всего человека
Уж ничего — ведь листва выметена и скалы,
Место могиле они выбирают; Остию бросив,
Рима взыскуют, чтоб он пепел священный хранил.

Подле вала краёв, померия где вертограды,
Крипты глубокия там темны отверзлися рвы.
Снити по степеням нисходящим в укров сей уводит
Путь извивный туда, свет где неведом дневной.
Ибо во внешнюю дверь проницает чрез верхнюю скважню
И озаряет день храмины первыя праг.
Двигаться дале легко; но когда чернея, сомкнется
Ночь густая и вкруг станет сомненный вертеп,
Зрятся отверстия там, в высоком пробитые своде,
Кои ясны лучи в глуби пещерны лиют.
Уединенные хоть под сению портиков мглистых
Залами тесными там порождены тайники,
Но однако горы рассеченной в полое чрево
Сквозь пробуравленный кров входит несякнущий свет.
Солнца отсутственного так дается и в подземелье
Зреть поразительный блеск и наслаждаться лучом.

Сим потаенным местам Ипполитово тело вверяют,
Там, где Богу алтарь был посвященный создан.
Трапеза он, коей таинство нам подается, и верный
Сторож, что своему мученику пристоит;
Кости во гробе хранит с надеждой на вечну награду,
Брашном питает святым жителей тибрских брегов.
Дивная святость сих мест и алтарь, благосклонный к молящим,
И благоденство и мир дарят надеждам людским.
Здесь я, порчей души и тела недужный, колькратно
Слал, простершись, мольбы, помощь себе обретал.
Что возвращеньем счастлив, что тебя, досточтимый священник,
Вновь обнять я могу, что сочиняю сие,
Знаю, что должен я тем Ипполиту, коему силу
Бог Христос даровал на исполненье молитв.
Оную сбрую души в своей хранящая глуби,
Осиявается там плотным киворий сребром.

Длань богатая дски к ней прибила, гладию лосной
Блещущие, как горят вогнутые зеркала;
Не удоволяся вход отделать камнем паросским,
Злата блистающею пышностию убрала.
Утром текут для приветствий; тут весь со благоговеньем
Люд; туда и сюда ход до скончания дня.
В строй смыкает один лацийски и чужеземны
Толпища, вместе смесив, благочестива любовь.
Впечатлевают свои в металле ясном лобзанья,
Преизливают бальзам, лица слезами росят.
Год обновится когда, всех месяцев по совершенье,
И рождения день с празднством вернется страстей,
Толпы какие, представь, стязаться в любви предприемлют,
Богу на похвалу взносят какие мольбы!
Град высочайший своих лиет и вержет квиритов
И патрициев сонм, ревностью полных одной.
Полк народный втесняется здесь, без различья в доспехах,

Между сословьем вельмож, верой своею влеком.

И в Альбанских вратах развивается строй убеленный,

И протяженною он шествует дале чредой;

Гул вскипает то там, то здесь, на разных дорогах,

Идет этрусский народ и обитатель Пицен.

И суровый самнит, и кампанский насельник высокой

Капуи держит свой путь, с ними и Нолы жилец;

Каждый, счастливый, с своей супругою и со драгими

210. Чады, желания полн поприще скоро свершить.

Сонмищ веселье едва вмещают пространны равнины,

И на просторе идет медленно тесная рать.

Узкой толиким толпам сия была бы пещера,

Без сомненья, хотя б зев ее вширь раздался.

Есть вблизи и другой, куда толикое людство

Может отправиться, храм — роскошью царскою полн,

Стенами превознесен высокими и горделивым

Великолепьем могущ и подареньми богат.

Ряд двойчатый столпов потолка наборного бремя

220. Держит, и в помощь простерт брус позлащенный ему.

Скромные приданы здесь, с потолком невысоким, капеллы,

Тянущиеся вдоль боков непрестающей чредой.

Зданья сего посреди проход широчайший, с высоким

Сводом, лежит, боковых кровель превыше взошед.

У противной страны чредой степеней возвышенный

Взнесся помост, отколь Бога священник хвалит.

Храмина полна едва помещает теснящиеся волны

И в воскипевших вратах бурные зыби крутит.

Матерне лоно свое отверзая, которо питомцев

230. Нежно приемлет, её полнящих плодную глубь.

Коль моя память точна, прекраснейший Рим почитает

Августа в иды его, как именуют сей день

Древним обычаем: день сей и ты, святейший наставник,

Мне бы хотелось, чтоб чтил праздников средь годовых.

Верь мне, честящим его принесет он блаженну годину,

Час прославившим сей мзду воздавая свою.

Празднеств меж тех, что творят Хелидонию и Киприану

И Евлалии, пусть день сей идет у тебя.

Так тебе за народ, чья жизнь в твои предана руки,

240. Пусть, возносящу мольбы, внемлет всемощный Христос;

Так у тебя от полныя волк отженется овчарни,

Не умалит твоих агнец утраченный стад;

Так и меня, пребывающего средь злачного луга,

Пастырь, недужну овцу ты порадеешь вернуть;

Так, наполнишь когда ты млечными агнцами стойла,

Общником будешь, взнесен, ты Ипполиту и сам.

XII. Страсти апостолов Петра и Павла

— С новым рвеньем текут все к веселию; друг, скажи, в чем дело.

Движеньем полон Рим и ликованьем.

— Праздник апостольского совершается в этот день триумфа,

Петра и Павла знаменитый кровью.

День обоих один, обновленный лишь расстояньем года,

Увенчанными зрел преславной смертью.

Ведает Тибрская топь, чьи катятся струи недалече,

Что свят сугубым дёрн ее трофеем,

И креста и меча был свидетель он, от которых дважды

10. Кипел кровавый в тех же травах ливень.

Первым Петра приговор по Нероновым захватил уставам,

На водруженном да повиснет древе.

Но, весьма устрашен, возвышенныя смерти честь взыскуя,

С учителевой славою стязаться,

Просит он, чтобы глава долу канула и возделись стопы,

Чтоб к основанью бруса сникло темя.

Руки прибиты внизу, обратилися выспрь его подошвы,

Душа тем выше, чем ничтожней постань.

Ведал он, что в небеса со смирением вход торится скорый;

20. Отдать готовясь дух, лицом склонился.

Поприще как совершил круговратное года витый обод

И выведен вновь тот же день восходом,

К Павлову горлу Нерон изрыгаючи рьяную ярливость,

Усечь велит учителя языков.

Прежде сам он себе недалекую предсказал кончину:

«К Христу грясти мне должно, разрешаюсь».

Тотчас, схвативши его, осужденного, заколают сталью;

Ни час, ни день не обманул пророка.

Кости их Тибр разделил, освятившийся от брегов обоих:

30. Между священных он гробов лиется.

Область десная Петра под златящимись кровами лелеет,

Маслиной сиза, волнами журчлива;

Ибо, от бровки скалы воздымаяся, породила влага

Бессмертный ключ, в помазании плодный;

Мраморов между драгих уж несется там, заливая взлобье,

Пока в зелено озеро не внидет.

Есть уголок внутри погребения, звучным волн

паденьем
Кипят где снежны глуби водоема.
Ясную красят струю многоцветные по верхам картины;
40. Отсвечивает мох, на злате зелень,
В синие воды тень от нависшего багреца ложится:
Волнами, мнится, потолок колеблем.
Пастырь сам поит овец от прохладности кладезя студена,
Алкающих, он зрит, воды Христовой.
С оной страны хранит Остийская Павлов гроб дорога,
Где в луговину леву бьются волны.
Роскошь царская здесь; владыкою храм воздвигнут добрым
И убран им с великим иждивеньем.
Крыты червонным листом все матицы, и внутри златится
50. Там свет, с сияньем сходствуя востока.
Рдеющийся потолок паросскими держится столпами,
Расставленными четверной чредою.
Арок излукой бежит многоцветная, пышная мусия:
Так вешним цветом вновь луга сияют.

Се два, вышним Отцом сочетанные, подаренья веры,
Прияты с честью градом тогоносным.
Ромулов род, погляди, разливается по стезе сугубой,
В двух празднествах день блещется единый.
Нам, однако, спешить, ускорившися, должно к ним обоим,
60. И в сих и в оных ликовствуя гимнах.
Поприщем пойдем моста Адрианова на противный берег,
Затем на леву сторону потока.
Празднества прежде вершит затибрские бодрственный священник,
Затем, сюда спеша, мольбы сугубит.
В Риме довольно о сем наученну быть: в дом свой возвратившись,
Двойчатый помни чествовать ты праздник.

XIII. Страсти Киприана

Край пунийский изнес то, чем блещутся все земли пределы,
Здесь Киприана дом, но вселенныя честь он и учитель.
Родине мученик свой, но любовию и глаголом — наш он;

В Ливии спит его кровь, но всеместную мощь язык имеет:

Жить из тела один оставшися, он один не сгибнет,

Роду людскому доколь и мирови быть Христос дозволил.

Том доколь есть хоть один и священная скриния писаний,

Всем, кто любит Христа, наставником, Киприане, будешь.

Оный Божий Дух, преизлившийся древле на пророков,

10. С неба послан, тебя краснословия кладезем наполнил.

О глаголы, снегов белейшие, вкус необычайный!

Влага как сердце мягчит амброзийная, нёбо оструяет,

Духа вступает в чертог, лелеючи ум, обходит члены,

Так он нам Бога дает почувствовать, сшедши в недро наше.

Отче, отколе, яви, незапное дал Ты миру благо!

Нужен писаниям был апостольским толкователь мощный;

Избрана пышная тут витийственность, да на-

учит землю,
Павловым службу неся сочинениям, даст им изъясненье,
Грубые чтобы людей предсердия, утончась, познали
20. Вместе и страха дела, и глубокие таинства Христовы.

Был средь юных один, ученейший в пагубных науках:
Ковами стыд сокрушать, священного ничего не видеть,
Часто же между гробниц чаровательны возглашать напевы,
Коими рушится связь супружества и жена пылает.
Вдруг Христос обуздал сладострастия оную яризну,
Мрак во груди его разреявши, исступленье выгнал,
Полня любовью Своей, дал веровать, дал греха стыдиться.
Вид теперь уж иной, чем прежде был, блеска и доброты:
Нежныя кожи лицо совлекается, сделавшись сурово;
30. Кудри, лиющиеся вниз, обрезаны до власов

недлинных;
Скромно глаголет, блюдет он правило, ищет упованья,
В правде Христовой живет, углубляется он в ученье наше.
Сими заслугами став достойнейшим, всходит он, учитель,
На епископский стол, превысшее восприяв сиденье.

Валериан в те лета государствовал купно с Галлиеном:
Установили они исповедникам Божьим смертну кару.
Мерзостных тысячи чтить повелено земнородных тварей;
Но возбуждал Киприан наставленьями мужество в народе,
Да не отступится кто от почестей доблести высокой,
40. Не убоится приять в малодушии воздаянье веры.
«Сколь мученья легки, если с будущим их принять в сравненье,
С тем бесконечным, что Бог нетрепетным людям обещает;
Купишь скорби ценой надеянье света, день

всевечный;

Быстро всяка беда с летучею нас годиной минет;

То не тягостно, что, окончившись, нам покой дарует».

Славной смерти он сам начальником, путеводцем крови

Будет, главу подклонив под лезвие, кровь предав на жертву;

Душу Христу сочетать добиваешься — с Ним иди в сопутстве.

Так уготовал когда вспламененные он Христом предсердья,

50. Связан, ведется в тюрьму проконсула гневного указом.

В тайной лежат глубине тирийского гроты Карфагена,

Мраков Тартаровых преисполнены, солнцу ввек заветны.

Сими замкнут Киприан вертепами, цепью по обеим

Скован дланям, Отца всевышнего призывает имя:

«О всемогущий Христа родителю, Боже, Творче мира,

Отче людей, о Христе, возлюбивший их, гиб-

нуть не дающий!

Тот я, кого, о благой, змеиною скверного отравой,

Всяким испятнанного преступлением, сжалившись, омыл Ты;

Стать твоим Ты велишь — иной уж я Киприан являюсь,

60. Новый из ветхого став, не виновник я, не злодей, как прежде.

Если скудельную грудь благодатию быстрой Ты очистил,

Внити, разреяв мрак, в узилища удостой слепые,

От телесна изми заточения, от цепей Ты мира

Душу сию, да Тебе кроволитие принесу на жертву;

Чтобы жестокость судьи милосердие не сковало, чтобы

Злоба тирана вдруг не смягчилася, отказав мне в славе.

Дай еще не оробеть ни единому в пастве, мной водимой,

Да не падет, не снеся истязания, и не пошатнется,

Да невредимый я сонм предам Тебе, долг сполна отдавши».

70. Господа сей он склонил молитвою, Он же излил духа
Долу, народу в сердца карфагенскому, дерзостный внушая
Нрав, дабы перси в них вспламенилися под стрекалом оным,
Крови ценою себе изрядныя славы домогаясь;
Не отступать, не дрожать научает их, не сдаваться боли,
К славе любовью влещись, Христом дышать, веру соблюдая.

Яму, доносит молва, приказано вырыть среди поля,
Вплоть до самых краев курящейся известью наполнив;
Огнем камни дышат каленые, снежный прах пылает,
Мощный касаньем спалить, смертоносное источая дханье.
80. Молвят, олтарь там стоял, к закраине копи сей придвинут,
С сим условьем: иль соль крупицею, иль свиную печень
Пусть христолюбцы несут, иль волею рва в глубины прянут.
В пылком низринулись тут стремлении три их

сотни разом,
Омутом пыльным струя погрузившихся пыльная пожрала
И ниспровергшуюся окутала во глубинах купу.
Плоть белизною взята, белизна влечет души их на небо:
«Белою Массой» они удостоены нарицаться ввеки.

О кончине своих ликовствующий, той порою Фасций
Пред необузданного проконсула бешенство представлен.
90. Быв понужден объявить, в чем жизнь его: «Я единочтитель, -
Он говорит, — я учу спасительным таинствам Христовым».
Тот на сие: «Вины достаточно; сам всё исповедал
Фасций, перун он отверг Юпитеров: свой клинок готовьте,
О палачи, — пусть мечу поплатится идолов враждебник».
Он же Богу гласит благодарности, песнь воспев триумфа.

Мужа уход, скорбя, оплакала Африка, коего

наукой
Усовершилась она, ученостью славная своею;
Вскоре гробницу ему в рыданиях зиждет, прах почтивши.

Плач о толикой оставь ты благости; он в державе горней,
Но над землею равно ширяется, не оставив мира:
Истолкованья дает, витийствует, учит и пророчит.
И не одни племена ливийские правит, но исходит
На восток и закат, путеводствует галлов и британнов,
Страж Гесперии, Христа всевает он меж иберов дальных;
Он учитель земли и мученик он в селеньях горних;
Здесь наставник людей, там заступником дар дает священный.

XIV. Страсти Агнессы

Агнессы гроб есть в Ромуловом дому,
Отважной девы, славной страдалицы.
Градских пред взором башен схоронена,

Блюдет квиритов дева спасение —
И чужестранцам также оплот она,
Молящих сердцем верным и искренним.
Венец сугубый дан страстотерпице:
Упреков всяких чуждая девственность,
Засим и слава смерти свободныя.

Созревши, молвят, к ложу супружеску,
В первоначальны лета девически,
Христом пылая, храбро велениям
Противостала гнусным, чтоб идолам
Служить ей, веру презрев священную.
На разный прежде лад искушаема —
То речью льстивой вкрадчивого судьи,
То угроженьем ката свирепого —
Стояла в дерзкой силе, упорствуя,
И волей тяжким тело мучениям
Она вручила, смерти не бегая.

Тиран суровый: «Если легко, — речет, -
Терпеть терзанье, перемогая боль,
И жизнь дешеву презреть, то всё же стыд
Для посвященна девства — залог драгой.
В общественное ввергнуть блудилище
Её велю, коль, пред олтарем склонясь,
Искать Минервы милость не примется,
Днесь, дева, ею — девой — гнушаяся:

Вся младость наша ринется новую
Обресть рабыню ради забав своих».
«Едва ль, — Агнесса молвит, — настоль забыл
Своих Христос, чтоб в нас допустил стыду
Златому сгинуть, нас чтоб покинул Он;
Он близ стыдливых, и непорочности
Даров священной Он осквернить не даст.
Позорь железо кровью, коль хочется, -
Не запятнаешь тела ты похотью».

Так молвившую выставить он велит
При всем народе деву на площади.
Но скорбны толпы прочь от нее бегут,
Лик отклонивши, чтобы продерзостно
Никто таимых мест не узрел её.

Но обращает некто бесстыдчиво
Чело к девице, не убоясь святой
Зрак сладострастным взором исследовать.
Се огнь крилатый, с молнией сходственный,
Пылая реет, в очи разя ему;
Слепой от света острого, рушится
И в площадном он прахе трепещется.
С земли полмертва взявши, товарищи
Глаголом слезным к гробу напутствуют.
Шла торжествуя дева, священну песнь
Отцу во славу купно с Христом воспев,

Что, пред угрозой порчи кощунственной,
Насильства чуждым, чистым блудилище
Нашла, победу празднуя, девственность.
Мольбу, как молвят, после, упрошена,
Взнесла Христу, чтоб очи виновному
Вернуть сраженну; в юноше жизни дух
60. Тут обновился, зренье воскресло в нем.

На перву степень так поднялась она
К дворцу небесну; вскоре взойти дано
Агнессе дале; ярью был гнев возжен
В враге кровавом: «Я побежден, — стенет, -
Клинок достань же, воин, и выполни
Наказы царски властеля высшего!»

Узрев Агнесса мужа сурового
С нагим железом, так, веселясь, речет:
«Ликую, видя, что таковой грядет
70. Безумный, буйный, грозный оружничий,
А не беспечный, полный истомою,
Изящный отрок, в благоуханьях весь,
Чтоб, уничтожив стыд мой, меня сгубить.
Сей, сей любовник мне, признаюся, мил;
Ко мне он прянет — в сретенье выйду я,
Не помешаю пылким желаниям:
Его железо персями всё приму,
Во глубь груди я силу впущу меча.

Христу врученна так, перепряну я
Небес все мраки, выше эфира став.
Правитель вечный, двери небесные,
Для земнородных замкнуты встарь, открой,
И за тобою шедшую призови
Ты душу девью, жертву Отцу, Христе!»

Так молвив, шею склонши, Христа она
Честит молитвой, чтобы могла приять
Глава нагбенна рану грозящую.
И вот надежду длань палача вершит,
Главу единым ссекши ей розмахом;
Быстрее боли гибель явилась к ней.
Взыграл, покровы сринув, в ту пору дух
И, волен, в воздух ринулся; ангелы
Омкнули светлым поприщем шедшую.
Дивится, узрев мир, под стопой простерт,
И с горних видит мрак, ей подверженный,
Смеясь тому, что солнца обходит круг,
Что вся вселенна вертит, в себе замкнув,
Вещей что в черном вихре проводит жизнь,
Всё, что тревогой зыблется праздною:
Цари, тираны, власти, сословия,
Честей роскошность, глупо взносящихся,
Сребра и злата мощь, в жажде буйственной
Искома всеми чрез преступления,
С великим блеском домы взведенные,

Покровов пестрых резвая суетность,
Гнев и желанье, страх и опасности,
Печали долги, кратки веселия,
Нелюбья черна дымные факелы,
Честь и надежду в людях чернящие,
И — что всех пагуб, сколько ни есть, гнусней —
Премерзостные тучи язычества.

Стопой Агнесса топчет всё это, смяв,
И попирает змию пятой главу.
Он, всё земное в мире, безжалостный,
Заливший ядом, в ад ниспровергнувший,
Днесь, одоленный девьей подошвою,
Сникает гребнем темени огненна
И не дерзает, сломлен, воспрянуть вновь.
Меж тем сугубым лик страстотерпицы
Венцом объемлет Бог неневестныя;
Шесть крат в одном есть десятеричная
Награда там, где непреложимый свет,
В другом сторичный плод обретается.

Блаженна дева, о слава новая,
Чертогов горних знатна насельница,
Над нашею ты скверною свой склони
Двумя омкнутый зрак диадимами,
Ты, Всезиждитель коей подал одной

Из дома блудна выйти невинною!
130. Всемилостного лика очищуся
Сияньем, если в недро сойдешь мое.
То не постыдно, что присетишь меня,
Хотя б стопою тронувши благостной.

Диттохеон

I. Об Адаме и Еве

Белою Ева была голубицею; но, очернившись
Ядом змия, внушить умевшего ложь ей коварну,
Скверным она пятном заразила невинна Адама;
Фиговый вскоре покров нагим дал змий-победитель.

II. Об Авеле и Каине

Братьев двух приношения Бог несходственным ценит
Манием, взяв живое, земли ж израстенья отвергнув.
Пастырь ревнивым убит земледелом: в Авеле образ
Нашей души, а плоть воплощается в Каине наша.

III. О Ное и потопе

Вестник того, что уже потоп сбывает, к ковчегу
10. В клюве ветку несет голубица маслины зеленой.
Ворон, прожорливостью увлеченный, средь мерзостных трупов
Медлит; но с новой она возвращается радостью мира.

IV. Об Аврааме и его гостеприимстве

Гостеприимство Господь здесь вкушал, где сенистый Мамврийский
Кровлю пастушеску дуб прикрывал у старца; в сей куще
Сарра смеялась, что ей чадородья обещана поздня
Радость, что верит в сию возможность супруг ее ветхий.

V. Могила Сарры

Поле купил Авраам, где б мог погрести он супруги
Кости, зане на земли пребывают в долгом ски-

танье
Правда и вера: сию пещеру за тысячи многи
20. Он приобрел, где прах священный достигнул покоя.

VI. Сон Фараона

Класов седмицы две и столько же крав Фараону
Явлены бывши во сне, пророчат несходственным видом,
Что изобилья ему и глада два семилетья
Близятся; то разгадал патриарх наитьем Христовым.

VII. Узнанный братьями Иосиф

Козньми братьев своих в ребячестве проданный, сам он
Чашу тайно велит во вретище спрятать пшеницы;
Их, в воровстве обвиненных, держа, открывает лукавый
Торг им; брата узнав, со стыдом приемлют прощенье.

VIII. Пламень в купине

В терне реющий Бог огнезарный блистательным гласом
30. К юноше молвит, той порой бывшу пастырем стада;
Вняв повеленье, жезл берет он, и жезл стал змиею,
Съемлет плесницы свои, поспешает в чертог Фараона.

IX. Путь по морю

Праведник путь безопасно творит и в море великом.
Се для Божиих слуг расступаются чермные зыби,
В час как средь оных зыбей неистовы грешники тонут:
Канул в волнах Фараон, вольный путь Моисею открылся.

X. Моисей приял закон

Верх курится горы огнем божественным, в нем же

Каменная, с десяти начертаньем словес, Моисею

В длани страница дана; к своим вновь грядет он с законом;

40. Но лишь в тельчем обличье им бог, и бог их есть злато.

XI. Манна и крастели

Ангельскими шатры праотцев белеют хлебами.

Подлинно дело: в златом заключается манна окрине,

Впредь там хранима; грядет другая к неблагодарным

Туча, и к мясу алчбу насыщает крастелей груда.

XII. Медный змий в пустыне

Черными змиями путь кипел сухой средь пустыни,

И отравленный их укус синеющей язвой

Уж народ изнурял; но мудрый из лосныя меди

Змея вождь на кресте воздел, для смягченья заразы.

XIII. Моисей обращает горькую воду в сладкую с помощью древа

Едкой явившись на вкус народу жаждущу, заводь
50. Воды несносны в себе заключала, напитанны желчью.
Рек святый Моисей: «Дайте древо, в оные хляби
Ввергните, горечь сия во вкус преложится сладкий».

XIV. Урочище Елим в пустыне

Прибыли все, Моисеем ведомы, туда, где росою
Ясной кладезей шесть и шесть других напояли
Седмь десятков пальм; сия Елимская роща
Таинственно начертала число апостолов в книгах.

XV. Двенадцать камней во Иордане

Идет к истокам своим Иордан отхлынувшей стрежью,
Божьему племени глубь на попранье сухой оставляя;

Во свиденье двенадцать камней, кои в самом потоке

60. Вздвигли отцы, се учеников во образ сотворши.

XVI. Дом блудницы Раав

Рухнулся Иерихон, Раав лишь высится кровля.

Честно приявши блудница святых (толь вера могуща),

Дом сохранив, безопасна сама, блестящую червлень

Встречь враждебным огням во знаменье крови являет.

XVII. Самсон

Непобедимого силою влас сокрушить приступает

Лев Самсона; тот зверя убил — но от львиного зева

Мед лиется, и челюсть осла извергает источник:

Глупость водой широко струится, сладостью — сила.

XVIII. Самсон

Триста лисиц уловляет Самсон, огнем воружает,
70. Пламенники навязав на хвосты, пускает в посевы
Иноплеменничьи, нивы палит: так лисица лукава,
Ныне же ересь, огонь пороков в полях рассевает.

XIX. Давид

Мал был Давид, меж братьями младший, недавно заботу
Нес о стадах Иессея, кифару пред паствою строя;
К царской ласке затем, а вскоре — в ужасные брани
Он вступил, Голиафа пращой простерши свистящей.

XX. Царство Давидово

Дивного царственные блестят Давида клейноды:

Скипетр, рог и елей, диадима, олтарь и порфира;
Всё приличествует Христу: венец и хламида,
80. Жезл владычества, рог креста, олтарь и олива.

XXI. Созидание храма

Зиждет Премудрость храм послушностию Соломона;
Юга царица ей приносит тяжкого злата.
Время приспело Христу создать в человеческой груди
Храм, честимый от грек, одаряемый щедро от варвар.

XXII. Сыновья пророков

В час, как пророков сынам рубить дерева привелося
На речном берегу, упала, сломившись, секира;
Тонет железо в струях, но вскоре лёгкое древо,
Брошено в воды, вспять обратиться нудит железо.

XXIII. Евреи, уведенные в плен

Род еврейский, пленен по грехам своим неисчетным,
90. Плакал, изгнанье снося, на реках Вавилона жестока;
Он отвергает приказ воспеть отечески песни,
Горькия вербы в ветвях свои повесив органы.

XXIV. Дом Езекии царя

Се Езекия благий удостоился лет на пятнадцать
День, что предписан ему, отдалить, преклонивши законы
Смерти: порукою в том — по ступеням, покрытым вечерней
Тенью, пошедшее, свет разливая, солнце к востоку.

XXV. К Марии послан ангел Гавриил

Божья пришествия близ нисходит вестник от вышня
Трона Отеческого Гавриил и внезапу в обитель
Девью вступает: «Святый, — он речет, — тебя

преисполнит

100. Дух, Мария; Христа ты родишь, о Дева святая».

XXVI. Град Вифлеем

Миру глава святый Вифлеем, Христа произведший,

Он же начало вселенныя есть и глава всем началам.

Град человека Христа породил, Христа, Он же прежде

Бог был, чем солнце явилось, чем создан был Светоносец.

XXVII. Дары волхвов

Се драгоценный Христу, воздояему девственной грудью,

Дар приносят волхвы: здесь ливан, и смирна, и злато;

Мать изумляется почестям сим нескверной утробе

И что рожден ею Бог-человек и царь величайший.

XXVIII. Пастухи, ангелами наставляемые

Пастырей бодрственные наполняет сияние очи
110. Ангельское, рожденье Христа прославляя от девы.
Обретают его, оболченного рубищем; ясли
Были ему колыбель; ликовствуют и чествуют Бога.

XXIX. Избиение младенцев в Вифлееме

Враг нечестивый, малых детей в убиеньях несметных
Ирод ярится, средь них Христа неустанно взыскуя;
Млечными сих младенцев кровьми колыбели курятся;
Теплыми ранами грудь матерей благочестная влажна.

XXX. Христос крещается

В струях речных омывал Креститель, ядущий с дубравным
Медом акрид, кому одеяньем кожа верблюжья;
Он погрузил и Христа, но Дух, от эфира послан-

ный,

120. Сим оказал, что крещен, Кто грехи отпускает крещенным.

XXXI. Повершение храма

Древний храм разорен, но цел его камень навершный;

Подлинно, в веки веков пребывает угол, из она

Созданный камня, его ж строители пренебрегали;

Днесь он храму глава и новым скрепа каменьям.

XXXII. Вино из воды

Свадьбу праздновали, с пожеланьем добрым притекши,

Раз галилеяне; уж и вина у слуг недостало;

Спешно наполнить велит Христос водоносны сосуды

Влагой, из коих волной старинно вино выпрядает.

XXXIII. Купель Силоамская

Лекарь недугам вода, которую дух изрыгает

130. В разны часы, ее изливая образом тайным;
Имя ей Силоам, где слиною помазав слепому
Вежды, в источнике их омыть наказует Спаситель.

XXXIV. Страсти Иоанновы

Мзды зловещей себе домогаться приемлет плясунья:
Иоанна главы отсеченной, ее чтоб на блюде
Матери гнусныя к лону принесть; игральница идет
Царская с даром, кропя свои длани праведной кровью.

XXXV. Христос шествует по морю

Идет моря среди Господь, и зыбкие струи
Он попирая пятой, велит с неспокойного челна
Снити ученикам; но грузнут в трепете смертном
140. Ноги; однако же длань Он правит, стопы утверждает.

XXXVI. Демон, посланный в свиней

Путы железны, стеснен в могильном узилище,

демон
Порвал: вырвавшись вон, на ногах к Иисусу катится;
Но человека Господь свобождает, врагу указуя
Стадо свиное привесть в исступленье и ввергнуться в хляби.

XXXVII. Пять хлебов и две рыбы

Пять Господь хлебов преломил, и с ними две рыбы;
Брашном оным людей Он пять тысяч щедро насытил;
После же, взяв избытки укрух, корзин наполняют
Дважды шесть; таково изобилье вечной трапезы!

XXXVIII. Лазарь, воскрешенный из мертвых

Славного дела свидетель, в Вифании некое место
150. Зрело, о Лазарь, твой от селений возврат преисподних;
Гроб рассеченный открыт, его сокрушилися двери,
Тлеющи члены отколь погребенного вышли

наружу.

XXXIX. Поле крови

Поле Акелдама, греха несказанна ценою
Куплено, в холмы свои погребаемы трупы приемлет.
Крови это цена Христовой. Поодаль Иуда
Шею, злосчастный, петлёй за толикое давит злодейство.

XL. Дом Каиафы

Се, нечестивый дом хулителя пался Каифы,
Где заушения лик святый Христа поражали.
Грешникам участь сия настоит, у коих, обрушась,
160. В утлых курганах жизнь без конца простертою будет.

XLI. Столп, подле которого был бичуем Христос

В узы был ввержен Господь во здании сем и, привязан
Быв к столпу, точно раб, бичам подклонил Свою спину.

Цел поднесь досточтимый сей столп и святилище держит,

В память нам, что живем мы от всякия плети свободны.

XLII. Страсти Спасителя

Оба бока Христа, прободенные, с кровию воду

Излили купно; кровь есть победа, вода же — крещенье.

Рознь восстает меж разбойников двух на крестах недалеких:

Бога один отвергает, другой венец восхищает.

[XLIII. Гробница Христа

Не удержал ни камень Христа, ни гробны затворы;

170. Смерть, одоленная Им, простерлась, и бездну попрал Он,

Купно племя святых к пределам направилось вышним,

Многим дозволил Себя касаньем узнать Он и взором.]

XLIII. (XLIV.) Гора Елеонская

В горняя идет Христос горы масличныя с верха,
Паки к Отцу Своему, след мира напечатлевши;
Долу с вечной листвы сочится тучная влага,
Во свиденье, что дар помазанья принят землею.

XLIV. (XLV.) Страсти Стефана

Первым стяжал Стефан воздаянье за кровь, пораженный
Камней дождем; однако Христа он, кровью покрытый,
Молит ударов среди, во грех врагам побиванье
180. Да не вменится; венца начальна о дивная благость!

XLV(XLVI.) Красные врата

Храма остались врата, которым Красные имя,
Славный труд Соломона; но много явственней в оных
Труд сияет Христов; ведь хромой, повеленье приявший
Встать от Петровых уст, бегу стоп изумился

свободных.

XLVI. (XLVII.) Видение Петра

Зрится Петру во сне: от высока эфира нисходит
Блюдо, полно всех родов животными: он отвергает
Ясти, но всё то считать Господь велит ему чистым;
Он, пробудившись, зовет к святодействам нечисты народы.

XLVII. (XLVIII.) Сосуд избрания

Некогда хищный волк, облекся он волною нежной:
190. Савлом бывший, очей лишась, становится Павлом.
Зренье прияв, апостол он бысть и учитель языков,
Вранов могущий своим в голубиц превращати глаголом.

XLVIII. (XLIX.) Апокалипсис Иоанна

Дважды шесть старцев, сидя на престолах, с фиалы и гусли,

Столькими ж блеща венцами они знамениты-
ми, Агнца
Славят, кровава закланьем, Который книгу разгнути,
Седмь печатей ее разрешив, единый достоин.

Эпилог

Богу жертвует Отцу
Благочестивый, верный и невинный
Подаренье совести,
Которым полон ум его блаженный.
А другой лишается
И денег, дабы пропитать убогих.
Мы же ямбы скорые,
Кружащиеся жертвуем трохеи,
Не имея святости
10. И скудным помощь принести не в силах.
Но не осуждает Бог
И пешей песни, благосклонно внемля.
Есть в дому богатого
Премного скарба по углам различным:
Чаша златом блещется,
И в лосных мисах медных нет нехватки;
Глиняные есть горшки,
И есть тяжелы сребряные блюда;
Кость блестит слоновая;
20. Резной там зрится дуб и вяз долбленый.
Всяк сосуд на пользу есть,
Коли потребе служит он хозяйской;

Дом ведь полон утварью
И драгоценной, и из древа зданной.
В отческом дому меня
С сосудом бедным сходственно, в недолгу
Службу да введет Христос,
В углу позволив неком водвориться.
Утварью скудельною
30. Се я вступаю во дворец спасенья.
Службицу и малую
Принесть, однако, Господу полезно.
Что бы мне ни выпало,
Отрадно будет петь Христу хваленье,
[Чьим правленьем живы мы.]

Комментарии

Русских переводов Пруденция было немного. В XIX веке его переводили прозой — сначала апофегмы («Пруденция и Павлина Нольского изящные места о возрождении, о воскресении, о жизни будущего века и проч.», М., 1825), потом лирические сборники: П.И. Цветков поместил перевод *Cath.* и *Perist.* («Повседневные и мученические гимны Пруденция») в приложение к своей монографии о Пруденции (М., 1890). В начале 1970-х гг. изданы несколько переводов Ф.А. Петровского: *Praef.*, *Cath.* I, «Гимн Троице» (предваряющий *Apoth.*), *Perist.* XIV, пять катренов из *Ditt.* и *Epil.* — в общей сложности 340 строк (Памятники средневековой латинской литературы 1972, 68–76). В нашем переводе был издан фрагмент *Symm.* II, 696–759, посвященный Поллентской битве (Клавдиан 2008, 704–706). Настоящее издание впервые дает отечественному читателю полный стихотворный перевод *Psych.*, *Perist.* и *Ditt.* (всего в этом томе более 5 тыс. строк из 10890 строк пруденциевского корпуса).

Наш перевод выполнен по 4-томному изданию

Пруденция, подготовленному М. Лаваренном и опубликованному издательством «Les beIIes lettres» (Prudence I–IV; аппарат отчасти использован нами в примечаниях); для сверки привлекался английский перевод Г. Томсона в двухтомном издании Пруденция в «Loeb classical library» (Prudentius I–II).

Вступление

Строфа, составленная из гликонея, малого асклепиадова стиха и большого асклепиадова стиха, является, судя по всему, изобретением Пруденция. Стилистический анализ *Praef.* (преимущественно на горациевском фоне) см. Witke 1970, 106–113; ср. Smith 1976, 31–38.

4 слл. *Мой предел недалёк…* — «Перед лицом приближающейся смерти встает вопрос, какими своими достижениями, имеющими вечную ценность, он может гордиться (ст. 4–6). Этим задается вступление к его *curriculumvitae*: семь этапов его жизни скорее намечены, чем описаны в следующих пяти строфах, причем это число, полное символического смысла, было выбрано в сознательном подражании членению издания, выполненного по образцу деления недели на дни» (Cogkun 2008, 296).

7 сл. *Перва младость под звонкою Розгой слёзы лила…* — См. комм. к *Perist.* IX, 38. *…тогой учён потом* (mox docuit toga). — Имеется в виду *toga virilis*, надеваемая по достижении совершеннолетия; Пруденций указывает на возраст, в котором он учился риторике (*говорить ложь*, falsa loqui).

[10] *Продерзость распутная* (lasciva protervitas). — Контаминирована из двух образов горациевской оды I, 19: *lasciva Licentia* (v. 3) и *grata protervitas* (v. 7).

[13] *В пререканиях* (iurgia). — Т. е. в судебных прениях.

[24] Флавий Салия, magister equitum в 344–348 гг. (при Константе), консул 348 г. (PLRE I, 796).

[27] *…снеги главы* (nix capitis). — Ср. Гораций. «Оды», IV, 13, 12.

[37–42] Аллюзии на произведения Пруденция: ст. 37 сл. — *Cath.*; 39 — *Apoth.* и *Ham.*; 40 сл. — *Symm.*; 42 — *Perist.*

Психомахия

Вступление

1 *О веры перва отрасль* (prima credendi via). — Ср. Быт. 15:6; Гал. 3:6. О влиянии на аллегорезу *praef. Symm.* трактата Амвросия Медиоланского «Об Аврааме» см. Smith 1976, 222–233. Об аллегорическом смысле вступления и его связи с поэмой: Herzog 1966, 126f. (где также обсуждается соотношение пруденциевских вступлений с клавдиановскими); Bureau 2003, 96ff.; Charlet 2003.

14 *…сердца… рабского* (cordis servientis). — Т. е. рабствующего страстям или дьяволу. Есть разночтение saevientis «ярящегося».

15 слл. *Цари пленили древле горделивые…* — История пленения и освобождения Лота и встречи Авраама с Мелхиседеком излагается в 14-й главе Книги Бытия.

26 *Богом полн* (plenus Deo)… — Ср. Лукан, IX, 564.

41 сл. Два стиха, видимо, интерполированы. О *неизреченном происхождении* Мелхиседека, уподобляющем его Христу (ср. ниже, ст. 59 сл.),

ср. Евр. 7:3.

45 слл. *И троевидна ангельская троица…* — Быт. 18:1 слл.

47 слл. *И уж в увядшем чреве…* — Быт. 21:2 слл.

57 *…что могут триста восемнадцать слуг.* — Число слуг Авраама (Быт. 14:14), записываемое по-гречески буквами Т І Н, рассматривалось (в частности, Амвросием) как символ Христа: Т — крест, ІН — начальные буквы имени ΙΗΣΟΥΣ (кроме того, с ними соотносились 318 отцов Никейского собора; см. напр. Болотов IV, 24; Charlet 2003, 242f.). Авраам символизирует душу, которая с Христовой помощью одолевает страсти: «заслугою веры победил Авраам, не многолюдным воинством», говорит Амвросий («Об Аврааме», I, 15).

59 *Христос… священник истинный…* — Ср. Пс. 109:4.

62 сл. *Стыдлива сердца вмалу внидет хижину…* — Намек на Евхаристию. «Троица ангелов» (angelorum trinitas) в ст. 45 — предображение Св. Троицы в ст. 63.

64 слл. Благодать приводит душу к порождению законных детей (ср. ст. 11) — мыслей и чувств, достойных христианина; *вено взявши пышное* (dotem possidens) — т. е. стяжав истинное богат-

ство добродетели.

Психомахия

[1] *Опытам тяжким людским, о Христе, сострадающий присно* (Christe, graves hominum semper miserate labores)… — Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 56: «Феб, тяжелым всегда трудам сострадавший троянским (Phoebe, gravis Troiae semper miserate labores)». М. Смит находит первый стих *Psych.* сигналом авторских намерений в целом. Начальное место, занятое в молитве Энея Аполлоном, у Пруденция отдано Христу. Аполлон важен тут, во-первых, как центральное божество позднеязыческого теологического синкретизма (см. речь Претекстата в Макробиевых «Сатурналиях», I, 17–23), во-вторых, в связи с его традиционным статусом бога поэзии. Кроме того, релевантен и контекст VI книги «Энеиды», в котором Эней, собирающийся спускаться в преисподнюю, возносит свою мольбу. Положение Пруденция аналогично положению Энея и Сивиллы одновременно: он молит Христа открыть через него тему *Psych.*, как Аполлон говорил через Сивиллу; его молитва, как молитва Энея («Энеида», VI, 56–65), содержит темы войны, человеческой борьбы, поиска справедливого пути к светлому будуще-

му; как Эней обращается сначала к Аполлону, а затем ко всем божествам, так и у Пруденция обращение ко Христу становится обращением к Троице; и языческое, и христианское божество достаточно близки к человечеству, чтобы обращать к ним молитвы, и способны облегчать его *тяжкие труды* (*graves labores*). Но эти сходства лишь подчеркивают различие между язычеством и христианством. Христос замещает и устраняет Аполлона — это главное; но значима и постановка *людей* (*hominum*) на место *Трои* (*Troiae*) также значима. Выражения этой инвокации говорят об универсализме пруденциевского замысла: его точка зрения — не племенная или национальная, как у Вергилия и его почитателей. «Римскость (Romanness) Пруденция выказывает определенное почтение к империи, к политическому порядку, но оно умалено сильнейшим стремлением к Граду Божьему. Основание Новой Трои кажется жалким и неверно направленным предприятием, когда провозглашено Евангелие; в гекзаметрах *Психомахии* великое предприятие Энея замещено основанием Нового Иерусалима» (Smith 1976, 271–276).

К сопоставлению Пруденция с Энеем прибавим пруденциевский образ *пещеры нашей груди* (*nostri*

de pectorisantro, v.6). Вероятно, эта метафора мотивирована «Энеидой», в VI книге которой *antrum* встречается 9 раз (из 24 во всей поэме): применительно к пещере Сивиллы (v.11, 42, 77, 99, 157) и к преисподней (вход в неё и пещера Цербера — v. 262, 400, 418, 423). Приступая к исследованию человеческой души, Пруденций намеревается совершить катабасис, сопоставимый с Энеевым. Ср. Mastrangelo 2008, 18f.

[11] …*на счастливую брань* (meliore manu). — Ср. Клавдиан. «Похвала Серене», 205; «Гетская война», 268.

[21 сл.] *Первой в поле спешит, к сомненному жребию битвы, Вера, готова на бой.* — Цистерцианец Элинанд де Фруадмон (ок.1160 — после 1229) в одной из своих проповедей цитирует это место: «Три вещи должны мы Богу: страх, честь, любовь. <…> Дьяволу же совсем ничего не должны, кроме битвы, согласно сему: *„Противьтеся диаволу, и побежит от вас“*» (Иак. 4:7). Также: «Будьте мужественны во брани, и бейтесь с древним змием». Тогда мы бьемся против него успешно, когда, как говорит Секст Пифагореец, как бы четвероугольным строем доблестей шествуем, чтобы учредилась доблестей четверица, как *станов строй учрежденный* (Песн. 6:3): именно, в первом

строю пусть выступают благоразумие (prudentia), вера противу неведения и заблуждений, сообразно сему [месту] у Пруденция: *«Первой в поле спешит, к сомненному жребию битвы, Вера, готова на бой»* (PL 212, 699).

[23] *Наги плеча, власы нестрижены, длань беспокровна* (nuda umeros, intonsa comas, exerta lacertos). — Ср. Клавдиан. «Панегирик Пробину и Олибрию», 87, о богине Роме: «Наг ее правый бок, белоснежные мышцы открыты (dextrum nuda latus, niveos exerta lacertos)»; Вергилий. «Энеида», XI, 649.

[29] *Первой Веру сразить богам Приверженность древним* (prima ferire Fidem veterum Cultura deorum)… — О вергилиевских подтекстах этого поединка (в массе относящихся к теме языческого культа и благочестия) см. Smith 1976, 282–285. В частности, самое имя *veterum Cultura deorum* восходит к речи царя Эвандра, который у Вергилия является воплощением благочестия. Эвандр объясняет Энею («Энеида», VIII, 185–189), что обряды, им совершаемые, отнюдь не предписало *пустое суеверие, не ведающее древних богов* (vana superstitio veterumque ignara deorum). «Вся сила пруденциевской иронии — в выборе имени для порока, рассчитанном на воспоминание о его

контексте в стихе: *vana superstitio… ignara*».

30 слл. *…вражью главу* (hostile caput). — Ср. Стаций. «Фиваида», VIII, 72, 755; IX, 18. *…виски, омкнуты повязкой* (phaleratаque tempora vittis)… — Клаузулу ср. Вергилий. «Энеида», II, 133; VI, 665; Овидий. «Метаморфозы», V, 110; XIII, 643; «Фасты», III, 861; Стаций. «Фиваида», III, 467, etc. *…воздвигшись над ней* (altior insurgens). — Ср. «Энеида», XII, 902. *Смертью выкаченны глаза* (elisos in morte oculos). — Ср. «Энеида», VIII, 261.

35 *И в задыханье протяжном свершается тяжкая гибель.* — Вера, таким образом, задушила Идолопоклонство. В дальнейшем разрушение лица (глаз, рта, гортани) совершается в *Psych.* не единожды: Стыдливость пронзает горло Похоти, покушавшейся с факелом на ее лицо (43 слл.), Трезвость разбивает камнем лицо Сладострастности (421 слл.), Вера пронзает копьем уста Ереси (715 слл.). Притом что всё это находит аналоги в гомеровско-вергилиевских батальных сценах, заинтересованность Пруденция объясняют специфическими причинами. «Сосредоточенность Пруденция на образности, связанной с разрушением лица, — это буквализированная инверсия просопопеи. Это символическое уничтожение тропа, с помощью которого текст

создает фигуральных персонажей, населяющих его актантный нарратив» (Paxson 1994, 66ff.).

[40] *На травянистое… поле* (gramineo in campo). — Ср. Вергилий. «Энеида», V, 287.

[42] *…содомлянка Похоть* (sodomita Libido). — О символическом смысле Содома см. *Нат.* 723–777. *Факел отчизны своей* (patrias… faces). — Намек на огненный дождь, спаливший Содом (Быт. 19:24); здесь факел символизирует пламя нечистых влечений. О вергилиевском подтексте см. Smith 1976, 286.

[48] *И от священна лица отбивает светоч простертый* (excussasque sacro taedas depeIIit ab ore). — Ср. Вергилий. «Энеида», IX, 109.

[53] *«Так получи! — гласит царица победно* („hoc habet,“ exclamat victrix regina)…» — То же восклицание в «Энеиде», XII, 296.

[54] *Ныне день для тебя* (hic tibi finis erit). — Ср. Силий Италик, X, 208.

[64] *…трофей… на супостате* (ex hoste tropaeum)… — Ср. Вергилий. «Георгики», III, 32.

[65] *…моя отместница…* — Олоферн погиб оттого, что напал на народ Божий, но Стыдливость видит в его смерти кару за нечистые желания в отношении Юдифи.

[66 слл.] *…еще под сенью закона Ратуя, храбра*

жена нашу прообразует годину, Истая доблесть когда в тела низлилася земные. — Т. е. живя во времена закона (образ *тени* ср. Кол. 2:17; Евр. 8:5, 10:1), Юдифь является прообразованием (*figurat*, v. 67) нравственной силы, даваемой христианину благодатью. *…могущу главу…* — Демона (которого символизирует Олоферн). *…служителей слабых.* — Ср. ниже (ст. 291 слл.) пример Давида. Пруденций намекает на мученические подвиги женщин, детей и стариков, чья отвага позволяла им одолевать идолопоклонство.

89 *К смерти начальная ты стезя, ты гибели двери* (tu princeps ad mortis iter, tu ianua leti). — Ср. Манилий. «Астрономика», I, 30: «Ты толь великих святынь, о Киллений, вина и начало (tu princeps auctorque sacri, cyIIenie, tanti)». Клаузулу *ianua leti* ср. Лукреций, I, 1112; Овидий. «Метаморфозы», I, 662; Стаций. «Фиваида», III, 68; Валерий Флакк, III, 386; IV, 231; также Вергилий. «Энеида», II, 661.

91–95 *Скрой же в горькой главу, чума охладелая, бездне…* — Ср. Клавдиан «Против Руфина», II, 522 слл., где Минос ввергает Руфина на самое дно преисподней (в частности, *tenebrosum noctis fundum* у Пруденция и *noctis opacae fundamenta* у Клавдиана). *…к манам гряди* (manes pete). — Ср. Сенека, «Геркулес на Эте», 1514.

[96] *...о Фурий глава* (Furiarum maxima)... — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 252; VI, 605; Валерий Флакк, I, 816.

[99] *...омывает в волнах иорданских.* — Аллегория крещения (ср. Мф.3:5 слл.).

[107] *В храм посвящает его...* — Распространенное обыкновение солдат по окончании войны посвящать свое оружие богу.

[113 сл.] *...кипящая, с пенистым зевом* (spumanti férvida rictu). — Ср. Овидий. «Метаморфозы», IV, 97. *Вежды... залитые желчью* (subfuso lumina feIIe)... — «Метаморфозы», XI, 368.

[115] *...тревожит и кличем* (et voce lacessit). — Ср. Вергилий. «Энеида», X, 644.

[116] *Ждать не терпя* (inpatiensque morae)... — То же полустишие: Лукан, VI, 424; Ювенал, VI, 238; Силий Италик, VIII, 4.

[125] *...из стали сплетенной броню троежильную* (conserto adamante trilicem... thoraca). — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 467; V, 259.

[129] *Тучами стрел* (telorum nimbos). — Ср. Лукан, IV, 776.

[130] *...бушующего непомерно* (sine more furentis). — Ср. Вергилий. «Энеида», V, 694; VII, 377.

[138] *...от правого уха* (dextra. ab aure). — Ср. Вер-

гилий. «Энеида», IX, 417.

148 *…бесполезную кость* (ebur infelix)… — Рукоять меча, сделанную из слоновой кости.

164 *Иов с наставницей был…* — Об Иове, единственной «буквальной» фигуре среди аллегорических персонажей *Psych.*, см. Paxson 1994, 78ff. (где, в частности, утверждается, что Иов здесь — не персонаж ветхозаветной «Книги Иова», а ее метонимия, и это конструирование образа сравнивается с «Битвой книг» Свифта).

179 *…львиной… шкурой* (peIIe leonis). — Клаузулу ср. Вергилий. «Энеида», II, 722. О комплексе вергилиевских подтекстов в описании Гордыни см. Smith 1976, 289f.

183 слл. *Башненосну главу возвела власами витыми Круто* (turritum tortis caput adcumularat in altum / crinibus)… — Отмечают (SteIIa Marie 1962, 45), что у Гордыни прическа как у римской матроны (Ювенал, VI, 502 сл.). Можно было бы (в духе Таруашвили 1998) интерпретировать эту прическу как атектонический акцент, коррелирующий с дальнейшей гибелью Гордыни при падении и произносимой над ее телом моралью (ср. ст.286).

190 слл. *В дикости и звонконог у нее горделив беспокойной* (nec minus instabili sonipes feritate superbit). — Описание коня реминисцирует

«Энеиду», IV, 135; XI, 599 слл.; ср. также Овидий. «Любовные элегии», I, 2, 15.

[205] *…горьки к врагу она изливает глаголы* ((in vocem dictis se effundit amaris). — Ср. Вергилий. «Энеида», X, 368, 591.

[206] *…нет ли стыда* (non pudet)… — Так же начинается горделивая речь Ремула к осажденным троянам («Энеида», IX, 598). Ниже, в ст. 212, *Вот кто наши своим* (en qui nostra suis) — реминисценция из той же речи: En qui nostra sibi (ст.600). *…на славных… вождей* (claros… duces). — Каждый порок здесь мыслится как царь целого народа и вступает в поединок перед лицом своего воинства, как то делали Эней, Турн и другие.

[220] *…в обители нашей…* — В человеке.

[226] *Кожаное восприяв одеянье…* — Быт. 3:21. *Адам досточтимый* (venerabilis Adam). — Адам, несмотря на свой грех, чтится среди патриархов; однако это определение в устах Гордыни звучит лишь сарказмом.

[227] *…не последуй… внушеньям* (praecepta secutus). — Клаузулу ср. Вергилий. «Георгики», IV, 448.

[253] *Так возопив* (talia vociferans). — Эпическая формула; Вергилий. «Энеида», II, 679; X, 651; Стаций. «Фиваида», VI, 177; X, 219; Силий Италик, VII,

116; IX, 119.

[262] *С вражеския… страны* (hostili de parte). — Ср. Лукан, I, 622. *…чтоб прянувши строи Принял пространный ров* (ut fossa ruentes / exciperet cuneos). — Ср. Клавдиан. «Против Евтропия», II, 438 сл.

[266] *Дерн нанося и твердой земли притворяя обличье* (et superinposito simularat caespite campum). — Ср. Овидий. «Метаморфозы», IX, 100.

[282] *…главу, с откинутой шеи ссекая* (caput. flexa cervice resectum)… — Ср. «Энеида», X, 536.

[284 слл.] *Мертвый порок святыми усты порицает Надежда.* — Распространенное в эпосе издевательство победителя над телом побежденного так или иначе сохраняется у Пруденция (ср. ст. 53 слл., 155 слл., 427 слл.); здесь Пруденций остерегся вложить такую горделивую речь в уста олицетворенного смирения (Mens Humilis) и отдал ее Надежде. Однако и *Смиренная Дума*, потрясающая отрубленной головой врага, тоже «неожиданна», как замечает Лавареннн. Такого рода пассажи и побудили К.С. Льюиса назвать Пруденция «the unhappy poet, torn between the epic formula and the aIIegorical meaning» (Lewis 1936, 70).

[285] *…всякую Бог сокрушает гордыню.* — 1 Петр.

5:5; Иак. 4:6.

290 *Взыдут смиренные ввысь, горделивые снидут глубоко.* — Мф. 23:12.

291 слл. *Зрели мы, как Голиаф.* — 1 Царств 17:4 слл. *Он, непреклонен, грозлив, кичлив, немилостив, горек* (iIIe minax, rigidus, iactans, truculentus, amarus). — Этот стих в устах Надежды — ответ на аналогично выстроенный ст.228, произнесенный Гордыней; моделью для него, возможно, послужила характеристика Ахилла у Горация (inpiger, iracundus, inexorabilis, acer: «Наука поэзии», 121). Ср. *Perist.* V, 467; VI, 35; X, 33; XIV, 70.

305 сл. *…воздух крылами* (aera pinnis)… — Клаузулу ср. Лукан, VII, 835; Валерий Флакк, I, 233. *В небо взметается дева* (in caelum se virgo rapit). — О платоническом подтексте ст.305–309 («Федр», 256d) см. Mastrangelo 2008, 137f.

310 сл. *От закатных краев вселенной явился враждебник…* — Удивительно, что Сладострастность (Luxuria) идет с запада, а не с востока, куда больше связанного с представлениями о роскоши и изнеженности. Возможно, Пруденций намекал на Рим или, как другие раннехристианские авторы, ассоциировал Восток с Христом (Тертуллиан. «Против валентиниан», 3). *…своей не щадящая славы погибшей* (extinctae iamdudum prodiga

famae). — Т. е. погубившая свою репутацию и мало заботящаяся об этом.

316 слл. *В то мгновенье она изрыгала всенощну трапезу…* — Образец — описание Гильдона у Клавдиана, «Гильдонова война», 444 сл. … *теплы Чаши…* — Вино часто смешивали с теплой водой.

329 *По потрясенным костям разливает нежну отраву* (inspirat tenerum labefacta per ossa venenum). — Ср. Вергилий. «Георгики», IV, 236 сл.; «Энеида», VIII, 390. См. Smith 1976, 290f.

344 слл. *Срам толь горький узрев, восстенала храбрейшая доблесть…* — Дунгал Затворник в «Книге против Клавдия Туринского» дает парафраз этой части: «Сим триумфальным стягом (крестом — *Р.Ш.*)славная, воительница Трезвость присмиревшую толпу доблестей, помышляющую отступить и выскользнуть из строя, призвала назад в сражение и стяжала легкую и счастливую победу над врагом, соблазнительницей многих Сладострастностью. Посему Пруденций в книге, носящей название *Психомахия*, символическим языком (figurate) говорит так» — далее цитируется *Psych.* 344–350, 403–416 (PL 105, 492).

348 *…острием она в почву вонзает…* — Как это обычно делалось с римским знаменем.

351 *…дух… тьмой взволновало* (agitat caligine

mentes). — Ср. Манилий. «Астрономика», IV, 388.

352 *Мчитесь куда вы* (quo ruitis)… — Ср. Вергилий. «Энеида», XII, 313.

358 Ношение *митры* для мужчин было признаком женственной изнеженности (ср. еще в «Энеиде», IV, 216).

362 *Нежной чтоб поступи след выметало долгое платье* (ut tener incessus vestigia syrmate verrat)… — Ср. Стаций. «Ахиллеида», I, 262 сл.

364 *…перстом искусным* (poIIice docto). — Ср. Пробу, ткущую одежду сыновьям-консулам, у Клавдиана («Панегирик Пробину и Олибрию», 176); см. также Стаций. «Фиваида», XI, 401.

371 слл. *Жажду забыли вы ту пустынную…* — Исх. 17:3–6. *…отверстый отцам…* — Т. е. евреям, предкам христиан в религиозном смысле. *В кущи первые снедь не сходила ли ангельска…* — О манне см. Исх. 16:14 слл. *…которую днесь, счастливейший, в веке позднейшем Призван вкушать вечерний народ от тела Христова?* — Ветхозаветная манна трактуется здесь как прообразование Евхаристии. Выражение *вечерний народ* (vespertinus populus) мотивировано распространенным в раннем христианстве убеждением, что мир близок к концу.

388 слл. *Самуил… на враге возбранивший богатом*

Всякой корысти искать и в живых царя побежденна Не терпевший… — Имеется в виду история об истреблении амаликитян и умерщвлении царя Агага (1 Царств 15).

397 слл. *Каялся Ионафан, что пост нарушил он сотом…* — 1 Царств 14:43 слл. В этой истории, однако, ни о раскаянии Ионафана, ни о его желании царствовать не говорится. Пруденций, возможно, смешал ее с историей Давида и Авессалома — «но возможно, — замечает Томсон, — он просто вчитывает слишком много в слова Ионафана в стихах 29 и 30» (Prudentius I, 306).

420 *…но знаменье брани носящей* (sed beIIi insigne gerenti). — Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 683; XII, 289.

433 *Посмех* (Iocus), появляющийся здесь в войске Сладострастности в компании с Амором, упомянут у Горация — вместе с Купидоном — в свите Венеры (*Erycina ridens, quam locus circum volat et Cupido*: «Оды», I, 2, 33 сл.), а после Пруденция переходит в «Плач Природы» Алана Лилльского в качестве внебрачного сына Венеры и «Cupid's perverse counterpart» (Wetherbee 1972, 196).

439 сл. *Роскошь, блеском пустым кичлива, совлекшися праздна Пеплума, мчит в наготе* (Pompa, ostentatrix vani splendoris, inani / exuitur nudata

peplo). — Эти полтора стиха цитирует, называя Пруденция «красноречивейшим и христианнейшим поэтом», *disertissimus atque Christianissimus poeta*, Рабан Мавр («О священных чинах», гл. 12) при обсуждении *pompa diaboli* (PL 112, 1173).

464 слл. *Глад, Забота и Страх…* — Ср. перечни персонификаций, обитающих в преисподней, у Вергилия («Энеида», VI, 273 слл.) и Клавдиана («Против Руфина», I, 30 слл.). См. Клавдиан 2008, 415. *Чудищу сонм Эвменид сопутствует многоразличных* (Eumenides variae monstri comitatus aguntur). — Ср. «Энеида», XII, 336.

467 *…обычай волков усвоив свирепых* (rabidorum more luporum)… — Ср. Овидий. «Метаморфозы», XIV, 778.

470 *Перунник* (ceraunus, у других авторов ceraunium) — драгоценный камень (возможно, разновидность оникса) или же метеоритный камень (Плиний. «Естественная история», XXXVII, 134, 176).

478 *…жажда к стяжанью* (amor… habendi). — Ср. «Энеида», VIII, 327.

480 *Так резню в племенах победительница всей вселенной Алчность чинила* (talia per populos edebat funera victrix / orbis Avaritia). — Ср. «Энеида», X, 602: «На полях учинял резню таковую

дарданский Вождь (talia per campos edebat funera ductor / Dardanius)».

482 *...лишенного зренья* (lumine adempto). — Ср. «Энеида», III, 658.

496 *Род человеков мирской* (mundani... populi)... — Т. е. мирян, в противоположность клирикам (ст. 498).

497 *...коль верить пристало* (si credere dignum est)... — Ср. Вергилий. «Георгики», III, 391; «Энеида», VI, 173; Овидий. «Метаморфозы», III, 311.

500 *...полня трубу могущего звуком дыханья.* — Трубящие жрецы, вероятно, аллюзия на повествование о падении Иерихона (Нав. 6:3 слл.).

501 сл. *Может быть...* — Модель для этих двух строк (*etfors... ni...*) — «Энеида», V, 232 сл. *...кровью б... упоила... железо* (tinxisset sanguine ferrum)... — Ср. Силий Италик, XVII, 315.

517 *Всякому смерть мы свойству несли* (ingenium omne neci dedimus)... — Ср. Вергилий. «Георгики», III, 480.

520 сл. *Я пленила одна всё, что Стикс омыкает несытой Завертью* (sola igitur rapui quidquid Styx abdit avaris / gurgitibus)... — Эта похвальба Алчности реминисцирует Клавдиана («Похищение Прозерпины», I, 21 слл.).

529 *Что в гнушении сем ученом* (quid sibi docta

volunt fastidia)? — Т. е. внушенном философией.

530 слл. *Над Искариотом Мы ль не свершили триумф…* — Мф. 26:14 слл.

531 *Трапезу с Богом деля* (conviva Dei)… — Ср. «сотрапезник богов» (conviva deorum) у Горация, «Оды», I, 28, 7 (о Тантале).

532 *…простирая к солилу десницу* (dextramque parabside iungit). — Мф. 26:23.

534 *Пажить позорну* (infamem… agrum). — Т. е. «село крови», Акелдама (Мф. 27:8, Деян. 1:19). Ср. *Ditt.* 153.

537 слл. *Ахан* (у Пруденция Achar, как в Септуагинте), при взятии Иерихона преступивший запрет брать из заклятого и за это побитый камнями вместе с семьей (Нав. 7). *Сам праотец Иуда…* — Нав. 7:16.

548 *Священнодетеля вышня — зане так чтят Аарона…* — Числ. 3:5-10.

550 *Важности нет, оружьем триумф иль обманом даётся* (nil refert armis contingat palma dolisve). — Мысль восходит к Вергилию, «Энеида», II, 390: «Обманом иль силой — Всё равно для врага (dolus an virtus, quis in hoste requirat?)» (пер. В.А. Жуковского).

551 слл. *Молвив, свирепа лица и фурийна вооруженья Разом совлекшись* (dixerat et toruam faciem

furialiaque arma / exuit). — Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 415 сл.: «Аллекто свирепа лица и фурийных членов Тут совлеклась (AIIecto torvam faciem et furialia membra / exuit)»; Овидий. «Метаморфозы», VI, 591. *Доблесть она и лицом, и повадкой, и ризой суровой* (fit Virtus specie vultuque et veste severa). — Ср. Ювенал, XIV, 109 слл. Сокрытие алчности под маской бережливости — общее место в римской литературе, см. SteIIa Marie 1962, 44. К.С. Льюис остроумно назвал этот эпизод «*Долонией* Алчности» (Lewis 1936, 71).

573 *Щедрота* — Operatio; в этом специфически христианском смысле («благотворительность, милосердие») слово встречается у Лактанция («Божественные установления», VI, 12, 24).

575 *В войске последнею шла по ряду.* — Как триарии, лучшая часть римского легиона.

583 *Прибыль, имущую ей воздаться в вечности…* — Ср. Мф. 19:21, 29.

586 *Чуя погибель* (certa mori)… — Ср. «Энеида», IV, 564.

597 *Ребра ей прободает, ломя запыхавшееся чрево.* — Ср. «Энеида», IX, 431.

599 сл. *…досель еще не прокаленный В печи металл…* — Ср. Откр. 3:18.

603 *…ущедряет добром полоненным* (captivo

munere donat). — Ср. «Энеида», V, 282.

607 *Зол толиких вина* (causa mali tanti)… — То же полустишие: «Энеида», VI, 93; XI, 480 (в обоих случаях — о Лавинии).

608 Словом *святые* (sancti) здесь называются христиане (в противоположность язычникам): распространенное словоупотребление в поздней античности; ср. *Perist.* V, 509; VII, 22.

613–620 Серия евангельских цитат. *В путь сбираясь идти, не бери ты пиру с собою* (ingressurus iter peram ne toIIito). — Мф. 10:10, Мк. 6:8 (ц-слав. *пира*, лат. *pera* — «сума»). *И не пекись о завтрашнем дне…* — Мф. 6:34. *Видишь: из птиц ни одна…* — Мф. 6:26. *…в воробьях, которых за асс продают…* — Мф. 10:29.

629 *Гонит заботы сей клич* (his dictis curae emotae). — Ср. «Энеида», VI, 382. *Изнуренность, Страх и Насильство* (Metus et Labor et Vis). — Labor «труд; тяготы, страдание; болезнь» Томсон переводит Suffering, Лавареннн — la Fatigue. «Но что подразумевалось современниками в этом частном контексте, показывает картинка в рукописи *Психомахии* X века — самой ранней, дошедшей до нас, — которая, как представляется, отражает иллюстративную программу пруденциевских времен: *Labor* показан мужчиной, несущим

на плечах большую ношу. Импликации ясны: для Пруденция и его аудитории *Labor* означал тяжелую работу (Drudgery), и в их понимании существенный моральный дефект, сравнимый со Страхом, Насилием и Ложью, был в каждом, кто работает физически» (White 1978, 183). Во всяком случае, Пруденций мог отсылать к персонификациям, населяющим преддверие вергилиевской преисподней: *Letumque Labosque* («Энеида», VI, 277).

632 сл. *…разоружается всякий Страх* (discingitur omnis / terror). — Либо это значит «всякий страх отступает», либо *terror* метонимически означает «солдаты» и выражение в целом означает, что воины снимают с себя пояса.

634 *К самым стекают стопам ниспадающи их одеянья* (vestis ad usque pedes descendens defluit imos). — Ср. «Энеида», I, 404. Солдаты подбирали одежду, чтобы она не мешала ногам, меж тем как одеяние невоенного человека было длинным.

644 сл. *…счастливой Согласностью* (felix Concordia). — Ср. Овидий. «Метаморфозы», VIII, 303; Проперций, III, 6, 41. *…победительных… орлов* (victrices aquilas). — Лукан, V, 238.

650 слл. *Точно так воспевал Израиль…* — Ср. Исх. 14:30 слл.

[665] *Вот достигли они* (ventum erat). — Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 45; Лукан, VII, 545; IX, 511; Стаций. «Фиваида», II, 65; IX, 225, и пр.

[685] *Плащ раздранный ее и бич, из множества свитый Змей* (scissa procul paIIa structum et serpente flageIIum / multiplici). — Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 702 сл.: «И в раздранном плаще, ликуя, Распря блуждает, Ей же в сопутстве идет с бичом Беллона кровавым (et scissa gaudens vadit Discordia paIIa, / quam cum sanguineo sequitur BeIIona flageIIo)». См. Smith 1976, 293f.

[702] *...бледность на лике* (paIIor in ore). — Клаузулу ср. Лукан, VII,129; Овидий, «Метаморфозы», VIII, 801 (о богине Голода).

[703] *Дерзкого дела печать* (conscius audacis facti). — Ср. «Энеида», XI, 812.

[711 слл.] *Большим и меньшим, простым бывает он и двойчатым...* — Параллель с еретическими мнениями, обсуждаемыми в *Apoth.* и *Ham.*: ср. *Apoth.* 255 слл. (о *большем* и *меньшем* Боге), Ham. 1-16 (о *двойном*), *Apoth.* 178 слл. (о *простом*), 952 слл. (о *призрачном, phantasma*); *присущая* (т. е. прирожденная) *душа* (*innata anima*), являющаяся частью Бога, — *Apoth.* 820 слл.

Подробный анализ эпизода с Распрей см. Malamud 1989, chap. 3 (в частности, сравнение ее

смерти с гибелью Руфина в инвективе Клавдиана); ср. Paxson 1994, 69f. Стилистический анализ ст. 719–725 см. также Roberts 1989, 28–30 (где, в частности, показано, как физическое расчленение находит параллель на синтаксическом уровне).

738 сл. *…стоят на превыспреннем холме, Видные всем* (consistunt aggere summo / conspicuae). — Ср. речь Гонория перед войсками у Клавдиана, «Гильдонова война», 424 сл.

754 *…огнь и железо мужей утесняли* (ferroque viros flammaque premebat). — Ср. «Энеида», X, 232.

756 сл. *Раздор домашний ввергает державу В бедствия…* — Мф. 12:25.

758 *Так блюдитесь, мужи, несогласных чтоб не было мнений…* — 1 Кор. 1:10.

769 *Мир — совершенный Доблести труд, забот увенчанье* (pax plenum virtutis opus, pax summa laborum)… — Ср. Лукан, IX, 381. Этот панегирик миру ср. с объемным пассажем у Августина («О граде Божием», XIX, 10–14); ср. также Тибулл, I, 10; Овидий. «Фасты», I, 285 слл., 709 слл. Клаузулу ср. Овидий, «Письма с Понта», II, 7, 29.

772 слл. *…если желаешь Дар к алтарю ты нести, Он не примет…* — Мф. 5:24.

775–781 *Если же ты пострадать во имя Христа в*

огнекудрый Пламень прянешь… — 1 Кор. 13:3–8.

794 *Фотин,* еп. Сирмийский, ученик Маркелла Анкирского, за свои христологические воззрения осужденный несколькими поместными соборами, в том числе Сирмийским 351 г. (подробнее Болотов IV, 131–134).

798 *…потрясенное случаем горьким* (casu concussus acerbo). — Ср. «Энеида», V, 700.

782 *Света закат предварить прощением он поспешает.* — Еф. 4:26.

788 слл. *Но, однако, сам Бог наставляет белых голубок…* — Мф. 10:16. *…и волк, с окровавленным зевом…* — Мф. 7:15; Деян. 20:29.

803 *…вновь обретя ее, скорбь избываю* (nihil hac mihi triste recepta). — Ср. «Энеида», IX, 262.

805 слл. *…миротворный преемник* (pacifer heres). — Намек на традиционный перевод имени Соломон как «миротворный» (pacificus). *…отца его, бурно дышаща* (genitoris anheli). — Т. е. Давида; эпитет *anhelus* относится здесь к человеку, только вернувшемуся с поля боя (ср. напр. Клавдиан. «Панегирик на III консульство Гонория», 30). О создании храма см. 3 Царств 5:3–5. *…с позлащенною кровлей.* — 3 Царств 6:22. *…остановился ковчег, водружен на мрамор алтарный.* — 3 Царств 8:6. Описание храма в 3 Царств 5–6 мрамора не упо-

минает. Пруденций изображает храм Соломона как христианскую церковь.

823 *Речь сию довершив* (haec ubi dicta dedit). — Ср. «Энеида», II, 790; VI, 628.

826 *Трость златая у них по всей пробегает равнине.* — Откр. 21:15 слл. Здесь и далее Пруденций привлекает разные детали из описания Нового Иерусалима.

830 слл. *Там, где Авроры предел, в убранстве трех врат распростерлась Светла страна…* — Откр. 21:13.

838 сл. *Поверху врат начертанные письменами на злате Дважды шесть имен…* — Откр. 21:14 слл.

840 сл. *Дух… зовёт…* — Образ восходит к Откр. 22:17: «И Дух и невеста говорят: приди».

842 сл. Речь идет о четырех возрастах человека; см. ниже, ст.845 слл., и *Symm.* II, 317 слл.

850 *…так Царь всё устроил.* — Христос, создавший и украсивший душу, символом которой является храм.

854 слл. *Злата природного там хризолит средь отливов огромный…* — Перечень камней восходит к Откр. 21:19–20.

868 *Тож и внутренний дом, на седьми столпах утвержденный* (at domus interior septem subnixa columnis). — Ср. Притч. 9:1. *Внутренний дом* — т. е.

Святая святых. Первое полустишие — «Энеида», I, 637; II, 486; клаузулу ср. Овидий. «Письма с Понта», III, 2, 49; Стаций. «Сильвы», I, 2, 152; IV, 2, 38.

873 сл. *Тысячу дав за него талантов…* — Ср. Мф. 13:46.

875 *Премудрость могущая.* — Отождествляемая со второй ипостасью Св. Троицы; ср. *Нат.* 164, 345.

881 слл. *…розы… с белизной оно кринов сплетает* (intertexta rosis candentia lilia miscet). — Ср. Овидий. «Метаморфозы», XII, 410 сл.

884 слл. *…скиптр Аарона Цветоносный…* — Числ. 17:8; Евр. 9:4.

М. Смит указывает на последнюю группу вергилиевских цитат (как и прежде, соединенных с библейской типологией) в ст. 866–887. В частности, *funalis machina*, возносящая огромные драгоценные камни (ст. 866 сл.), напоминает о троянском коне («Энеида», II, 237 сл.); эта аллюзия применительно к храму Премудрости, откуда изгнаны войны и оружие, подчеркивает удаленность и от Вергилия, и от первой части *Psych.* Полустишие *atdomusinterior* (ст. 868) отсылает к горящему дворцу Приама («Энеида», II, 486). Розы и лилии из Песни Песней (881 сл.), аллегорически отсылающие к крови Христа и таинству Евхари-

стии, одновременно относятся к скорби Лавинии о Турне («Энеида», XII, 64–69). «Все вергилиевские аллюзии в конце *Psych.* относятся к значимо патетическим моментам, когда языческий читатель (или сочувственный современный читатель) Вергилия ошеломлен стоимостью империи при виде человеческих мук, в которых она рождалась… Пруденций обращает трагическое видение Вергилия в своё и Церкви позитивное христианское видение». Наконец, скипетр Аарона отсылает к скипетру царя Латина, клянущегося на нем с помощью *adynaton*: мир и союз для италийцев неразрушим, и его воля не изменится, как и этот скипетр никогда не даст тени, после того как он был срублен в лесу, очищен железом и оправлен в медь рукой мастера («Энеида», XII, 202–211). «Могущественнейший мастер, говорит нам Пруденций, упразднил клятву царя Латина и таким образом упразднил верховенство римской цивилизации, дарованное Вергилием с помощью этой клятвы. Какое согласие царя Латина с Царем Христом? В этом раннехристианском контексте скипетр Латина кажется еще более медным, еще более бесплодным рядом с плодоносным жезлом Аарона в руке Премудрости» (Smith 1976, 296–300).

[892] *Опытам нас восхотел Ты наставить душевныя брани.* — Возвращение к призыву в ст. 5; Сам Христос устами поэта повествует о душевной борьбе.

[900] *…накалялась Богом* (incaluisse Deo)… — Ср. Овидий. «Метаморфозы», II, 641.

[902] *Кипят ужасные войны… кипят* (fervent beIIa hórrida, fervent). — Ср. «Энеида», VI, 86; Стаций. «Фиваида», IV, 601; VI, 457; Силий Италик, I, 630.

[903] *…от полчищ враждебных* (discordibus armis). — Клаузулу ср. Вергилий. «Георгики», II, 459; Стаций. «Фиваида», XI, 100.

[905 слл.] *Тело давит на дух…* — Гал. 5:17.

Перистефанон

I. Гимн в почесть святых мучеников Эметерия и Хелидония Калагурританских

Этот гимн — наиболее древнее свидетельство об Эметерии и Хелидонии. Уже ко времени Пруденция традиция не донесла сведений об их жизни и страстях, кроме скудных остатков; Пруденций объясняет это злокозненным уничтожением документов (ст. 73–78). Сообщается только, что они были солдатами, и о чуде, сопровождавшем их мученичество (ст. 83–92). Григорий Турский упоминает Эметерия и Хелидония («О славе мучеников», 93; PL 71, 786), резюмировав пруденциевский гимн и процитировав ст. 82–90. О чуде со взлетевшими платком и кольцом упоминает Исидор Севильский (PL 85, 732). В мартирологе Иеронима, наиболее древнем из дошедших до нас, кончина святых отнесена к 3 марта.

На анализе *Perist.* I в существенной части выстроена первая глава монографии М. Робертса — «Мученик во времени и месте» (Roberts 1993, 10–13, 19–21, 36f.).

Размер — трохаический септенарий.

[1] *Мучеников двух прозванья в небесах написаны.* — Ср. Лк. 10:20. *Кои буквами златыми тамо начертал Христос.* — Ср. Откр. 3:5; 13:8; 21:27; *Perist.* X, 1119 сл. «Несмотря на уверенную идентификацию святых в рукописных заглавиях стихотворения, имена Хелидония и Эметерия в тексте нигде не появляются. Вместо этого они записаны Христом золотыми буквами на небе» (Roberts 1993, 149f.); Робертс приводит в параллель *Perist.* XI, 15.

[7–9] *Он впитал горячи струи, чермен казнию двойной…* — «Кровавый текст, написанный на теле мучеников, может быть повторен на земле, которая часто уподобляется телу мученика в образной системе Пруденция… Мученики превратили Испанию в священный текст, буквы или меты которого — их кости. Верующий, который следит за священным текстом, посещая мартирии, присваивает себе страсти и жертву мучеников в паломничестве, аналогичном акту чтения» (Ross 1995, 344). Ср. прим. к *Perist.* III, 136.

[21] *…для Его свидетелей.* — Намек на этимологию слова martyr (греч. «свидетель»).

[22] Об образе *цепей* (catenae, vincula) в *Perist.* см. Roberts 1993, 59f.

[25] *Сей прекрасен род кончины, сей пристал му-*

жам честным (hoc genus mortis decorum, hoc probis dignum viris). — Ниже (ст. 51) смерть мучеников названа *сладкой* (dulce). Сочетание *dulce* и *decorum*, как показала А.-М. Палмер, отсылает к знаменитому горациевскому афоризму: *dulce et decorum est pro patria mori* («Оды», III, 2, 13). Аллюзией на вторую римскую оду Горация Пруденций дает христианскую реинтерпретацию воинской доблести, создавая образ мученика как воина Христова, *miles Christi* (метафорика, восходящая к Еф. 6:10–17; см. Smith 1976, 127–141). См. Palmer 1989, 144ff.; Roberts 1993, 49f.

29 *Знатные врата…* — Райские.

35 сл. *…полотнищу драконов, по ветрам вздеваему…* — *Драконы* — матерчатые знамена, использовавшиеся в римской армии во времена Пруденция. Цилиндрической формы, они изображали дракона с открытой пастью; ветер, наполняя его, заставлял змеиться по воздуху. Ср. *Cath.* V, 56; *Symm.* II, 713 и несколько описаний этих знамен: Аммиан Марцеллин, XVI, 10, 7; Клавдиан. «Панегирик на III консульство Гонория», 139 слл.; «Панегирик на VI консульство Гонория», 566 слл.; Сидоний Аполлинарий. «Панегирик Майориану», 402–407. *Славное предпочитают древо* (praeferunt insigne lignum)… — *Древо* (lignum) — частая мето-

нимия для «креста»; ср. напр. *Perist.* XII, 12. *…имже стерт дракон.* — Т. е. дьявол. Об этом пассаже см. Herzog 1966, 18f.

[40] *…для вторыя отрасли Израиля* (secundos Israhelis posteros). — Т. е. для христиан (первая отрасль Израиля — иудеи). *Вождь всемирного чертога* (ductor aulae mundialis). — Перифраз, обозначающий императора.

[46] *Пронизью жестокой шею бременит узилище* (carcer inligata duris coIIa bacis impedit). — *Васа* «ягода, жемчужина» у Пруденция имеет значение «звено цепи»(*praef. Psych.* 33); мы сделали попытку сохранить метафору.

[47] *Длани варварские ката* (barbaras… tortor exercet manus)… — Ср. *Perist.* IV, 121 и прим. *…по всем стогнам* (forum per omne). — Томсон переводит: at every assize; Лаваренн предлагает два варианта: dans tous les forums (то есть во всех городах; указание на всеобщее гонение) или dans tout le forum (Калагурры).

[50] *…упилася пламенем* (ore flammas sorbuit). — Как св. Евлалия, см. *Penst.* III, 159 сл.

[52] *В ону пору воспылали купно братьев двух сердца* (hic duorum cara fratrum concalescunt pectora). — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 215 сл.

[56] *…решеток огненных* (catastas igneas)… — На

такой решетке был мучим св. Лаврентий (*Perist.* II).

[58] *Нам ли, для Христа рожденным, стать мамоны в подданстве…* — Мф. 6:24.

[60] *Да не будет, чтоб смесился свет небесный с мраками!* — Ср. 2 Кор. 6:14.

[62 сл.] *Отдала свой долг жизнь наша, службу справив Цезарю…* — Мф. 22:21.

[75] *Ибо хартии служитель истребил злокозненный* (chartulas blasphemus olim nam sateIIes abstulit). — Об образе завистливого гонителя, пекущегося уничтожить письменные свидетельства о подвиге мучеников, см. Petruccione 1991. Напомнив содержание ст. 1–2 (Христос, записывающий имена мучеников в книгу жизни) и ст. 118–120 (коллективный гимн мученикам), Петруччоне говорит: «От образа пишущего Христа до образа поющих женщин гимн акцентирует, что слава мучеников распространилась во времени и пространстве, невзирая на махинации завистливого коварства. Ст. 73–78 функционируют как риторический контраст, выделяя логическую, но и неожиданную, связь между повествованием о страстях и празднеством в честь мучеников; несмотря на уничтожение официальных актов, смерть солдат дала начало их культу» (ibid., 330).

Ср. также Shaw 2003, 554f.

80 *Во остроге неисходном долго ль их росли власы.* — Ср. *Perist.* XI, 53.

94 *Васконы* — племя в Испании Тарраконской, в Пиренеях, предки басков; Калагурра находится в их области.

100 слл. *…своим врагом…* — Демоном. *От чужой вины имущий розыском очиститься* (expiandus quaestione non suorum criminum). — *Quaestio* в техническом смысле «допрос с пытками»; см. Браун 2004, 123 (вообще об экзорцизме как показателе силы святых: ibid., 121–128). *Вытянулся он, подвешен на незримых вервиях.* — Сходное описание экзорцизма см. *Apoth.* 400 слл., а также у Павлина Ноланского, *Carm.* 19, 272 слл. Пруденций намекает на пытку, о которой см. *Perist.* V, 109 слл.; X, 108 слл.

106 *…разбойника* (latronem)… — Т. е. демона. Ср. *Perist.* V, 544.

II. Гимн в почесть страстей блаженнейшего мученика Лаврентия

Самым ранним произведением, посвященным св. Лаврентию, одному из наиболее известных римских мучеников, является, вероятно, эпиграмма папы Дамаса (PL 13, 588), выдержанная в

самых общих словах:

Цепи, бичи, палачей, и пламя, и истязанья
Смог Лаврентий одной верою препобедить.
Эти даренья Дамас с мольбой к алтарю повергает,
Страстотерпца сего славной заслуге дивясь.

Первый содержательный рассказ о страстях св. Лаврентия принадлежит перу св. Амвросия Медиоланского («Об обязанностях священнослужителей», I, 41; II, 28). Возможно, это — основной источник сведений для Пруденция, лишь развивающего материал, доставленный миланским святителем, подобно тому, как в *Symm.* разрабатывается аргументация из посланий Амвросия императору. Немногим позже Пруденция, до середины V в., св. Лаврентию были посвящены гимн, атрибутировавшийся св. Амвросию (PL 17, 1216), четыре проповеди блаж. Августина (PL 38, 1385 sqq.), одна — Петра Хрисолога, архиепископа Равеннского (PL 52, 565), одна — св. Льва, папы Римского (PL 54, 435 sqq.), три — Максима Туринского (PL 57, 408 sqq.); в отношении подроб-

ностей эти тексты ничего к рассказу Пруденция не прибавляют, в отличие от «Деяний», датировка которых неясна и которые среди прочих живописных деталей сообщают, что воин, охранявший Лаврентия в тюрьме, был не кто иной как св. Ипполит, обращенный Лаврентием и вскоре принявший мученическую кончину.

Григорий Турский (VI в.) рассказывает, как клирик миланской церкви св. Лаврентия, уронивший хрустальную чашу, положил обломки перед алтарем и, воззвав к святому, увидел чашу в целости («О славе мучеников», гл.46; PL 71, 747). Эта же история изложена Флодоардом Реймсским (X в.) в поэме о Сиксте и Лаврентии (PL 135, 685 sqq.), а затем Иаковом Ворагинским в «Золотой легенде». Включенный в средневековые мартирологи, Лаврентий удостоился множества гимнов, в том числе написанных Ноткером (IX в.), Марбодом Реннским, Адамом Сен-Викторским (XII в.), и стал героем старофранцузских мистерий.

Размер гимна — ямбический диметр.

[10] *Для града тогоносного* (urbis togatae). — Аллюзия на «Энеиду», I, 282: «и народ тогоносный» (gentemque togatam). Ср. *Perist.* XII, 56.

[14] В римской истории V–IV вв. известны несколько Коссов (в частности, А. Корнелий *Косс*, консул

428 г.; участник битвы с вейянами: Тит Ливий, IV, 19–20); имя «Косс» часто попадает в перечни хрестоматийных римских героев (Вергилий. «Энеида», VI, 841; Ювенал, VIII, 21; Манилий. «Астрономика», I, 788; Сенека. «О милосердии», I, 11).

19 *Смерть разоряя смертию* (nam morte mortem diruit). — Ср. *Perist.* I, 27; X, 644.

21 слл. *Святитель.* — В оригинале *sacerdos*, обычно у христианских авторов обозначающее епископа (*Perist.* VI, 14; XI, 179, etc.). *Уж на кресте пропятый Сикст* (iam Xystus adfixus cruci). — Сикст II; в его понтификат (август 257 — август 258 г.) Валериан издал (летом 257) указ, которым предписывалось всем епископам исполнять государственные обряды и не устраивать собраний. Предшественник Сикста, Стефан I, а затем и сам Сикст стали жертвой гонений (обычно считается, что обезглавлен, вопреки рассказу Пруденция). Вскоре после него погибли архидиакон Лаврентий, диаконы Феликиссим и Агапит. М. Робертс (Roberts 1993, 110) замечает, что Сикст — типичный для *Perist.* образ епископа: он идет на мученичество, предваряя свою паству (в данном случае — своего диакона), и перед кончиной дает ей наставление.

37 слл. *…первый от седми мужей…* — См. Деян. 6:1–6. *Левит* — диакон; ср. *Perist.* V, 30.

45 *Богатств… алканием* (famem pecuniae). — Аллюзия на «Энеиду», III, 57: «Злата проклятый глад» (auri sacra fames).

73 слл. *Раченье братьев крайнее…* — Ср. Деян. 4:34–35.

76 В императорскую эпоху название *сестерция* прилагалось к медной монете в 4 асса (Плиний, XXXIV, 4); здесь — монета вообще.

77 слл. *…на торг постыдный* (foedis sub auctionibus)… — Продать наследственное имущество ради бедных, вместо того чтоб передать его детям, римскому магистрату представляется преступлением против семейного долга.

84 *Чад милых* (dulces liberos). — Ср. Гораций. «Эподы», II, 40.

94 слл. *«Своё воздайте каждому»* («Suum quibusque reddito»). — Мф. 22:20–21.

101 сл. *…червонцев… филипповых* (aureos… Philippos). — Золотых монет с изображением Филиппа Македонского (расширительно — золотые монеты вообще).

139 сл. *…поручившийся И за себя* (sponsor sui)… — Классическая тема: герой, поручившийся за свое возвращение и сдержавший обещание несмотря

на опасность со стороны обманутого в своих ожиданиях врага; см. поведение Регула в отношении карфагенян (Fux 2003, 172).

172 *Богатства во святых Своих* (praedives in sanctis habet). — Игра со словом *sanctis*, которое может значить «храмы» (см. напр. Персий, II, 69) и «христиане» (см. *Psych.* 608 и прим.); ее поддерживают слова ап. Павла: «Вы храм Божий» (1 Кор. 3:16; 5:19; 2 Кор. 6:16) — ср. *Perist.* X, 346 слл.

204 *Свет* (lux) — в метафорическом смысле о Боге (см. начало Евангелия от Иоанна) или гендиадис: «свет человеческого рода» (Conybeare 2002, 188).

264 *Недугом страждешь царственным* (morbo laboras regio). — «Царской болезнью» (morbus regius) на латыни называется желтуха (см. напр. Цельс 3, 24; Гораций. «Наука поэзии», 453); у Пруденция — игра словами *regius* «царский» и обращением к префекту qui Romam *regis* «ты, правящий Римом» (ст. 261). О метафорике болезней в ст. 229–264 см. Kudlien 1962; см. также Fux 2003, 184–188.

313–328 *Мы в смех ему* (Ridemur). — О семантике этой речи префекта (в частности, театральной) см. Conybeare 2002, 189f. *Фаски* и *бердыш* (securis) — признак ликторов, сопровождавших консула. «Префект снова притязает представ-

лять не себя самого, как индивидуальность, но аккумулированную символическую силу *отцов* (patres), обобщенную в древних *fasces* и *securis*» (ibid., 189).

350 *Мистериарх* (mysteriarches) — этот гапакс (и в латыни, и в греческом) представляет собой своего рода перевод в языческий термин архидиаконского сана Лаврентия.

356 *Что нет Вулкана моего!* — См. ниже, ст. 404, ответ Лаврентия. Этот обмен репликами мотивирован обычной для латинской литературы антономасией — употреблением имени бога вместо явления, над которым он властвует (ср. «Венера», «Марс», «Церера», «Вакх», «Мулькибер» etc.). Этот клишированный поэтизм префект превращает в издевательство над осужденным, предлагая в неоспоримой (мучительной) силе огня увидеть аргумент в споре о реальности языческого бога. Лаврентий (ст. 404) инвертирует вызов с помощью горациевской аллюзии («Оды», I, 4, 8): в его устах выражение «пламенный Вулкан» (Vulcanus ardens), которое у Горация ближайшим образом относится к богу («пламенный покамест / Вулкан к Циклопам в тяжки кузни входит»), характеризует только огонь. Префект стихию превращает в бога; мученик разрешает

бога в стихию. Ср. Conybeare 2002, 192, 194, где указывается, что ст. 353–356 заключают в себе феминизацию Лаврентия, сближая его с Венерой, ожидающей Вулкана на супружеском ложе (статья в целом представляет собой гендерный анализ ролей мученика и префекта), и Лаврентий ее иронически принимает. См. ниже, прим. к ст. 406–408.

363 слл. *Таким законодатель нес Свой зрак…* — Т. е. Моисей, сходящий с Синая (Исх.34:29–30).

371 сл. *Стефан, сквозь ливень каменный…* — Деян. 7:55 слл.

379 сл. *Лик, скрытый в черных пеленах, Не зрит…* — Ср. Исх. 34:35.

381 слл. *Се казни вид египетской…* — Девятая из казней египетских, тьма по всей земле (Исх. 10:21 слл.).

406–408 *Испеклось, глотай* (coctum est, devora). — Эта знаменитая острота известна отечественному читателю по диспуту о смехе в «Имени Розы» У. Эко (где к ней апеллирует Вильгельм). Специально о ней см. Conybeare 2002, 195. «Ниспровергающий смех есть оружие лишенного силы, носителя контркультуры. (Доминирующая культура, разумеется, обладает собственной формой товарищеского, порождающего едино-

душие смеха.) Смех как ниспровержение чаще присваивается женщинами — или же в некотором роде лишенными гендерного статуса — чем мужчинами. То, что Лаврентий основывает свое сопротивление на смехе, помещает его в контркультурное состояние, противоречащее императивам агрессивной, господствующей маскулинности» (ibid., 192f.). Вообще о сочетании серьезного и смешного в агиографии (и у Пруденция): Curtius 1953, 425–428; важная статья о столкновении эпических и комедийных моделей (на материале *Perist.* III) — Kubiak 1998. Острота Лаврентия — часть разработанной метафорики, уподобляющей преследователей диким зверям (см. Roberts 1993, 65–67); ср. напр. *Perist.* III, 86–90; VI, 17, etc. Аналогичная ситуация с раскаленной решеткой и той же остротой содержится у Сократа Схоластика («Церковная история», III, 15) в рассказе о фригийских мучениках Македонии, Феодуле и Тациане; возможно, Пруденций воспринял эту деталь из восточной легенды (Prudence IV, 30f.; ср. Fux 2003, 205f.).

413 *Едино имя, о Христе* (O Christe, nomen unicum)… — Ср. Пс. 8:2; Деян. 4:12; Флп. 2:9.

438 *…в общем символе.* — Т. е. в одном исповедании веры.

[440] *Глава будь кроткой вышняя* (mansuescat et summum caput). — Т. е. «Рим, прими христианство, как это сделали твои провинции».

[444] *И Нума сам уверовал* (et ipse iam credat Numa). — *Нума* Помпилий, давший римлянам религиозные институции, вкупе с *Ромулом*, создавшим политический строй Рима, метонимически означают римскую державу в целом. Об их значении у Пруденция см. Mastrangelo 2008, 75f.

[445 слл.] *…ложь троянская* (error Troicus). — Язычество, пришедшее с Энеем из Трои. *Катонов… курию.* — Т. е. сенат. *…огнем тайным* (occultis focis). — Т. е. неугасающим пламенем Весты.

[449] *Двучелый Ян* (Ianum bifrontem) — Янус, двуликое божество входов и выходов (ср. «Энеида», VII, 180; XII, 198); *Стеркул* (Sterculus; тж. Sterculius, Stercutus, Stercenius; от stercus «кал, навоз») — божество, ведающее удобрением полей (Тертуллиан. «Апологетик», 25; Макробий. «Сатурналии», I, 7; Сервий. Комментарии к «Георгикам», I, 21; к «Энеиде», XI, 850, etc.).

[451] *…чудовищ отческих* (monstra patrum). — Patres, возможно, не в смысле «сенаторы», а вообще «предки»; *чудовища* — языческие боги.

[456] *Иул* — сын Энея, родоначальник Юлиев; здесь — еще одна (как *Квиринова тога* в ст. 419

и *держава Рема* в ст. 425) метонимия римского народа.

461 слл. *…труба язычников* (vocator gentium). — Апостол Павел. Ср. 2 Тим. 1:11: «проповедник и апостол и наставник язычников (praedicator et apostolus et magister gentium)». *…первой кафедры Владетель…* — Апостол Петр.

472 *Неронов грех.* — Т. е. гонения на христиан, начало которым положил Нерон.

473 слл. *Владыку зрю грядущего…* — Возможно, намек на Феодосия; ср. *Symm.* I, 496 слл.

481 слл. *От всякой крови чистые, Тут залоснятся мраморы…* — Аналогичную мысль см. *Symm.* I, 501–505: «Мраморы, кои кровь орошала гнилая, омойте, О вельможи, и пусть изваянья чистыми станут, Славных художников труд: пусть прекраснейшим родины нашей Будут убранством они, и грязное употребленье Памятников не сквернит и искусства к пороку не клонит». По поводу этого пассажа исследователь замечает: «Поэт подчеркивает, что очищение языческих артефактов от их оскорбительного религиозного содержания путем ликвидации культовых практик позволяет снова принимать их как произведения искусства. Эстетическое восприятие языческих богов — давно на деле достигнутое образованными классами

— и отделение этих богов от религиозных верований теперь принимают определительную форму благодаря императорскому законодательству. Для Пруденция языческие религиозные артефакты воплощают художественное наследие римского мира; наконец секуляризованные, они равным образом выступают наследием *Romanitas Christiana*» (Roberts 1989a, 336). Под «императорским законодательством» понимается защита, оказанная в 382 г. Феодосием Великим эдесскому храму (*CTh.* XVI.10.8) как историческому памятнику и художественному музею (см. Matthews 1975, 141f.). В связи с отношением Пруденция к классическому искусству ср. Malamud 1989, 87–93 (далеко уводящий анализ *Symm.* II, 45–56).

514 *Братину Нумы почитать* (orare simpuvium Numae). — Ироническая реминисценция из Ювенала, VI, 343. *Simpuvium* — сосуд для жертвенных возлияний. Об образе Рима в ст. 513–520 см. Roberts 2001, 557f.

526 слл. *Уж идет к крестну знаменью* (adscitur in signum crucis). — Идет принять крещение. *Весталка входит Клавдия.* — По замечанию Томсона (Prudentius II, 139), имя, возможно, выбрано как репрезентативное для римской знати и с отсылкой к Клавдии Квинте, доказавшей свою

невинность с помощью Великой Матери (Symm.I, 187; Овидий. «Фасты», IV, 291 слл.).

529 сл. *О, три, четыре, о седмь крат Блажен* (o ter quaterque et septies / beatus)… — Ср. Вергилий. «Энеида», I, 94.

538 *Альпы… двойчатые* (binis… Alpibus). — Альпы названы метонимически, в смысле «высокие горы»; речь об Альпах и Пиренеях. Ср. «двойные Альпы» у Силия Италика, II, 333; «Пиренейские Альпы» у Венанция Фортуната, *Carm.* VI, 5, 209.

541 слл. *Молве внимаем лишь…* — Вероятно, Пруденций писал этот гимн до своей поездки в Рим.

553 слл. *Там, града несказанного Гражданству сопричисленный…* — Устойчивое описание небесного мира по образцу римского, см. напр. *Perist.* IV, 147 (в том числе образ сената на христианских небесах, см. Roberts 1993, 24f.; 2001a, 277; ср. Cameron 1970, 275); ср. Павлин Ноланский. «Послания», 13, 15: «Пророки, апостолы, мученики, то есть небесный сенат»; Венанций Фортунат, *Carm.* II, 14, 17 слл.; VI, 5, 357 слл.

556 *Венец гражданский вземлешь ты* (gestas coronam civicam). — *Corona civica* из дубовых листьев давалась солдату, спасшему в бою римского гражданина; Пруденций имеет в виду, что Лаврентий, своим примером обративший многих

римлян в христианство (ст. 489 слл.), спас их — если только *corona civica* не означает здесь «награду за мужество» вообще.

581 *Молящего Пруденция…* — Единственная сфрагида не только в *Perist.*, но и во всем корпусе Пруденция; об анаграмматической подписи Пруденция в *Ham.* 966 см. Malamud 1989, 44–46 (против этой гипотезы: Cameron 1995).

III. Гимн в почесть страстям блаженнейшей мученицы Евлалии

В случае с Евлалией, как и с героями *Perist.* I, Пруденций — наш древнейший источник. Он называет ее родину: Эмерита (нын. Мерида), город на юго-западе Испании, на р. Гвадиана (Anas античных авторов). Кроме Пруденциева гимна, произведений, рассказывающих о Евлалии, немного: одна гомилия блаж. Августина на ее празднество, одно упоминание у Венанция Фортуната (*Carm.* VIII, 3, 170, в пространном перечне святых и их городов, напоминающем *Perist.* IV: «Евлалия взносит главу от Эмеритского града»). Григорий Турский, не сообщающий ничего о страстях Евлалии, рассказывает о чуде, совершающемся каждый год у ее могилы: подле церкви растут три дерева, которые в день памя-

ти святой (10 декабря) покрываются цветами: по их виду предсказывают, каков будет год («О славе мучеников», 91; PL 71, 785). «Кантилена о св. Евлалии», один из древнейших памятников старофранцузской литературы, рассказывает, что огонь костра не сжег мученицу и судья велел отрубить ей голову.

Размер гимна — дактилический гиперкаталектический триметр.

[7] *Славу изрядну* (decus egregium)… — Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 473; *Perist.* XIII, 73. У Вергилия это выражение относится к Турну. Д. Кубяк, чьи взгляды на специфику «Virgilian *imitatio*» у Пруденция смыкаются с выраженными в Smith 1976, показывает, как Пруденций последовательно ассоциирует Евлалию с врагами Рима (Турн — Камилла — Мезенций — Дидона), прибегая к «тематической *Kontrastimitation* (термин, примененный к Пруденцию в Thraede 1965 — *Р.Ш.*), в которой побежденные Вергилиевой поэмы становятся победителями *Perist.* III» (Kubiak 1998, 310). См. ниже.

17 слл. *…к престолу Отца* (Patris ad solium). — Ср. «Энеида», XII, 849; *Perist.* VII, 55; X, 639. *Даже игрушки отвергла она, Девочкою стороняся забав.* — Не просто агиографический топос: заставляя Евла-

лию, устремляющуюся к престолу небесного Отца (*Pater*), ради которого она пренебрегает земными родителями (*parentes*), отвергать игрушки, Пруденций делает отсылку к старому римскому ритуалу: девушка, впервые выходящая замуж, оставляла своих кукол (pupae), посвящая их Венере и домашним богам, — дополнительная черта в образе Евлалии как Божьей невесты. Д. Кубяк, сделавший это наблюдение, указывает еще и на то, что «недетское детство» Евлалии сближает ее с вергилиевской девой-воительницей Камиллой (Kubiak 1998, 311f.).

24 сл. *И со младою повадкой своей Старческих образ являла седин.* — Топос «отрока-старика» (*puer senex*), см. Curtius 1953, 100.

26 *Чума* (lues), как и pestis в *Perist.* I, 43 (ср. IV, 70; X, 26; XI, 42), означает «гонения».

36 *Впрочем родительска тщится любовь* (Sed pia cura parentis agit). — *Parens* «родитель», могущее быть и мужского, и женского рода, обычно понимается здесь как относящееся к матери (в частности, и Томсоном, и Лаваренном); о том, что речь скорее об отце, в связи с важной для гимна темой римской *pietas*, см. Kubiak 1998, 314f.

39 *Чтобы не ринулась кровью платить…* — Т. е. чтобы она не устремилась к мученичеству ради

вечного блаженства.

[47] *В терном заглохших, пустынных местах* (per loca senta situ et vepribus). — Ср. «Энеида», VI, 462. Анализ этой вергилиевской аллюзии см. Roberts 1993, 92f. (вообще о *Perist.* III на фоне классических подтекстов: ibid., 92-100; Kubiak 1998).

[51 слл.] *Так благородна станица отцов…* — Исх. 14:20. *Станица отцов* — еврейский народ; ср. *Psych.* 371 слл. и прим.

[59] *…державы Канопской исшед.* — Т. е. египетской — в аллегорическом смысле. Основания для аллегорического понимания Египта (и исхода из него) даны уже в самом Ветхом завете — см. напр. Втор. 4:20, 7:8, Мих. 6:4, etc. (стоит вспомнить, что когда Данте в письме к Канграндe делла Скала берется изложить принципы аллегорезы, он не находит более удобного материала, чем Пс. 113:1–2). Филон Александрийский трактует Египет как «тело» или телесные влечения (см. Herzog 1966, 27; Филон 2000, 409 сл.). Ближайший источник Пруденция, Амвросий Медиоланский, говорит об Аврааме: «нисходит в Египет, то есть в уныние плоти» (*descendit in Aegyptum, hoc est inadflictionem carnis*, «Об Аврааме», II, 14; ср. ниже: «то есть к злым и варварским нравам»: II, 15). Блаж. Иероним толкует название Египта как

терзание утесняющее, tribulatio coangustans (моралистическую трактовку см. у Рабана Мавра, «О вселенной», кн. XII, — PL 111, 342A), связывая его с гонениями (PL 24, 783D), с идолопоклонством (напр. PL 24, 112A), пользуясь выражением «Египет мира сего» (PL 24, 250 C, 253C, 255C, ср. 689A, 821A) и т. д. О трех видах библейских *exempla* у Пруденция см. Roberts 1993, 104–107 (библейские мученики, чудесная покорность природы и еврейский народ, выходящий из Египта в Землю обетованную).

[65] *…фасков в среде…* — Т. е. среди ликторов.

[69] *Перед лощеным… валуном…* — Т. е. перед идолом.

[71] *…о злосчастнейший сонм* (miseranda manus)… — Ср. «Энеида», XI, 259.

[76] *И Аполлон, и Венера — ничто.* — В оригинале названа еще Исида.

[77] М. Аврелий Валерий *Максимиан* Геркулий, Август (286–305 г.), соправитель Диоклетиана, энергично проводивший в жизнь его эдикт против христиан; Испания, Африка и Италия были под его властью. «Присуще было этой твари природное варварство, одичалость, римской крови чуждая; не дивно это, если мать его была задунайского происхождения, от угрозы со стороны

карпов бежавшая в Дакию Новую, через реку переправясь. Было и тело его под стать нраву: осанка надменная, плоть безмерная и до ужасной величины растекшаяся и набухшая. Одним словом, и речами, и делами, и взором ужас всем внушал он и трепет», — говорит о нем Лактанций («О смертях преследователей», 16). См. PLRE I, 573f.

82 *Но валунов неотступный клеврет* (et tamen ipse cliens lapidum). — Т. е. почитатель идолов (ср. ст. 69). Ст. 81–82 построены на антитезе *dominus — cliens*.

92 слл. *Члены скудельные* (membra coacta luto)… — Намек на библейскую историю творения человека (Быт. 2:7). *Только во внутренний духа предел Всё не проникнет язвительна боль.* — Об этом акценте на внутренней целостности, противопоставляемой телесному распаду, см. Браун 2004, 97 сл.

96 сл. *От таковых в исступленье речей, Претор глаголет…* — О римском чиновнике, замещающем в сюжете отца Евлалии, как отражении комедийной (теренциевской и плавтовской) фигуры отца см. Kubiak 1998, 318f.

136 *Господи, се Ты написан на мне!* — Тема «мученика как написанного (кровью) текста»,

развернутая детально в *Perist.* IX (ср. также *Perist.* I, 3; X, 1119 etc.); см. Curtius 1953, 312–314; специально на эту тему: Ross 1995 (с обзором литературы); Viscardi 1997, 374f., Kässer 2002, 170f. «В обычном дискурсе надпись на теле была знаком более низкого статуса. Имя, написанное на теле, было знаком рабства — зримой меткой господства одного над другим. Но язык любви способен перевернуть значения» (Shaw 1996, 306). Петруччоне (Petruccione 1990, 98) отмечает в этих словах Евлалии аллюзию на Откр. 14:1.

171 *Подручник* (sateIIes). — Лавареннн замечает, что это странное название для судьи (в смысле «подручник императора»?), и приводит в параллель *Perist.* V, 13; Томсон переводит: executioner.

176 *…ледяная… зима* (glacialis hiems). — Ср. «Энеида», III, 285.

187 *Выселок славный веттонских краев* (clara colonia Vettoniae). — *Веттония* — область веттонов (вектонов), племени, населявшего Лузитанию (Цезарь. «Записки о гражданской войне», I, 38; Ливий, XXXV, 7, 8; 22, 7; Лукан, IV, 9; Силий Италик, III, 378; XVI, 365; Плиний, III, 19; IV, 112, etc.).

193 *И самородный, и дальный пришлец.* — Т. е. блеск и местного мрамора, и привозного.

203 *…плодоносной… зимы* (genialis hiems). — Ср.

Вергилий. «Георгики», I, 302.

[213]*Дева, у Божьих сидящая стоп…* — Ср. Откр. 6:9.

IV. Гимн в почесть восемнадцати святым мученикам Цезаравгустанским

Взявшись резюмировать свои знания о культе святых в родной Испании, Пруденций перечисляет множество городов и имен, прежде чем доходит до Сарагосы (Цезаравгусты) и перечисляет 18 её святых: Оптат, Луперк, Сукцесс, Марциал, Урбан, Юлий, Квинтилиан, Публий, Фронтон, Феликс, Цецилиан, Эвоций, Примитив, Аподем и четыре Сатурнина. К ним прибавляются исповедники Энкратида, Гай и Кременций, а также Винценций, принявший мученичество в Валенсии, но рожденный в Сарагосе. Гимн принимает форму каталога, отступлением от которой становится развернутый рассказ об Энкратиде (ст. 110–144).

И в этом случае свидетельство Пруденция об упоминаемых мучениках — древнейшее; среди более поздних — «Песнь о базилике восемнадцати святых мучеников» Евгения, епископа Толедского (середина VII в.), у которого вместо четырех Сатурнинов названы Кассиан, Януарий,

Матутин, Фавст, и мосарабская служба св. Энграции (вариант имени Энкратиды) и восемнадцати мученикам сарагосским. Предполагается, что они были жертвами Великого гонения в 303 г.

Дж. Петруччоне (Petruccione 1995) отмечает, что сотериологическое значение смерти мучеников, подчеркиваемое в *Perist.* IV, очень редко встречается у западных авторов и наиболее отчетливо выражено на Востоке Оригеном («Толкование на Евангелие от Иоанна», I, 29 и VI, 54, от которого *Perist.* IV находится, по его мнению, в прямой или косвенной зависимости). См. комм. к ст. 67 сл.

О специфической форме, какую в *Perist.* IV принимает жанр «похвалы городу» (*laus urbis*), см. Roberts 1993, 28ff.

Гимн написан сапфической строфой.

9 слл. *В день, как дланью Бог пламеносной зыбля* (cum Deus dextram quatiens coruscam)… — Мф. 24:30; ср. Вергилий. «Георгики», I, 328 сл.; Сенека. «Федра», 155 сл. (Witke 1970, 132f.). О параллели с Горацием («Оды», III, 3, 1–8) см. Roberts 1993, 32f.

14 слл. *В сретенье Христу скоротечно прянет Всякий град…* — Об этих персонифицированных городах, протягивающих дары вернувшемуся Господу, см. Бойцов 2009, 26 сл.

20 *И трехвенечье* (tresque coronas). — Вероятно,

речь о Фавсте, Януарии и Марциале, пострадавших в Кордубе.

23 сл. *Тарракон, кому Фруктуозом эта Соткана повязь.* — Т. е. «святость Фруктуоза дала диадему Тарракону». Ср. *Perist.* VI, 1–3. *Тарракон* — нын. Таррагона (в северо-восточной Испании).

30 слл. *Герунда* — город в Каталонии. *И возденет двух Калагурра наша…* — Эметерия и Хелидония (*Perist.* I). *Баркинон* — нын. Барселона. *Нарбон* и *Арелат* — города южной Галлии. *Глава твердынь лузитанских* — Мерида; *досточтимыя девственницы* — Евлалии (*Perist.* III). *Комплют* — нын. Алькала-де-Энарес. *Кассиана* из *Тинге* в Мавритании (нын. Танжер) не смешивать с Кассианом из Корнелиева Форума, героем *Perist.* IX.

61 *И пунийских стран многолюдна матерь…* — Карфаген.

63 *…наша слава* (decus nostrum). — Ср. «Энеида», VI, 546.

67 сл. *…пелену прочь из чиста града Черную гонит* (et nigras pepulit tenebras / urbe piata). — Ту же мысль — мученическая смерть изгоняет из города силы тьмы (как смерть Христа избавила все человечество от рабства дьяволу) — см. в *Perist.* II, 465–472. «*Urbs* [град], я полагаю, лучше понимать как метонимию народа Цезаравгу-

сты; ландшафт у Пруденция здесь, как обычно, внешнее проявление духовного состояния человека», — замечает Петруччоне (Petruccione 1995, 247). В параллель он приводит обращение Киприана: Христос *discutit et tenebras de pectore, peIIit et furorem* (*Perist.* XIII, 26). «Как внезапное вмешательство Христа разогнало мрак и безумие, в котором Киприан занимался магией, и приготовило его к приятию нового жизненного пути, так смерть мучеников рассеивает грязную тень идолопоклонства и освобождает их сограждан для приятия Христа в крещении» (ibid.).

79 сл. *Дом Валериев здесь жрецов, священной Навязью омкнут* (hic sacerdotum domus infulata / Valeriorum). — Инфула — повязка языческих жрецов, затем метафорически — атрибут епископской одежды.

91 *Крови скудною возвестил росою Близкую гибель?* — Евгений Толедский (VII в.) в эпиграмме, посвященной Винценцию, говорит, что перед отъездом из Сарагосы у него шла кровь носом («Hic iacet iIIe cruor, quem das pro corpore pignus, / nare fluente tuus hic iacet iIIe cruor»: PL 87, 361).

97 слл. *...во граде Он незнаемом пострадал...* — В Валенсии.

101 слл. *...в нашей он отроком палестре.* — В этой

строфе разворачивается традиционное в раннем христианстве и восходящее к Новому Завету (1 Кор. 9:24–27) уподобление мученика атлету (в частности, умащение перед борьбой у Пруденция сравнивается с крещением). *…врага… ужасна…* — Дьявола.

105 *В храме этом…* — Вероятно, так названа Сарагоса.

121 *…истязатель-варвар* (barbarus tortor). — Ср. Гораций. «Оды», III, 5, 49; *Perist.* I, 47.

123 *Печень* (iecur) принимается в расширительном смысле (внутренности вообще); ср. *Perist.* X, 13 и прим.

133 сл. *…завистливый… Меч гонителя* (invidus… persecutoris gladius). — См. Petruccione 1991, 336ff. Ср. выше, прим. к *Perist.* I, 75. Энкратида сама стала книгой, в которой записаны ее страдания (ст. 117 слл.; ср. прим. к *Perist.* III, 136); завистливый гонитель, удержавшийся ее казнить, тщетно пытался воспрепятствовать почитанию ее как мученицы (ст. 141 слл.).

143 сл. *Страстотерпице да явит живущей Дом нареченный* (iuge viventis domus ut dicata / martyris esset). — Выражение темно; невозможно, чтобы церковь была посвящена Энкратиде еще при жизни; вероятно, dicata «посвященный» значит

просто «святой» (ср. в ст. 105 «храм» вместо «город»).

162 *…хоть размер преградой…* — В слове Saturninus долгий а, между тем как второй слог сапфического 11-сложника должен быть кратким. Насилие над метром Пруденций извиняет благочестивым желанием «ввести в песнь имя» (ср. отказ Венанция Фортуната упоминать в сапфической строфе имена лирических поэтов по метрическим причинам: *Carm.* IX, 7, 45 слл.).

178 *Пережившая истязанье дева.* — Энкратида.

179 сл. *И Винценций, чья здесь и кровь, и с нею — Славы источник.* — См. прим. к ст. 91.

183 сл. *…во втором… славы стязанье* (ex secundo / laudis agone). — Темное выражение; видимо, так названо *исповедничество* (confessio) в отличие от *мученичества* (martyrium).

189 *Присновечного алтаря в подножье…* — Христиане возводили алтари над могилами мучеников (ср. *Perist.* III, 211 сл.); кроме того, здесь аллюзия на Откр. 6:9.

194 слл. *…под покровом коих — Упование, что моих неволя Пут разрешится.* — Т. е. «эти гробницы заключают тела святых, чьим покровительством я надеюсь освободиться от рабства демону (или греху)».

V. Страсти святого мученика Винценция

Испанский мученик Винценций, диакон сарагосского епископа Валерия (ср. *Perist.* IV, 79 сл.), пострадал, как предполагается, в пору Великого гонения, 22 января 304 г., и был погребен в Сагунте. Гимн в его честь составляет пару к гимну о св. Лаврентии (*Perist.* II): они написаны одним размером и имеют почти одинаковый объем (576 и 584 стиха), резко отличающийся от объема всех остальных гимнов. Сохранилось прозаическое описание страстей Винценция, неопределенной датировки; возможно, оно предшествует Пруденцию и было для него источником; в нем мало исторических подробностей, но много агиографических общих мест, доставшихся в наследство Пруденцию (речь против язычества, ярость судьи, чудесная нечувствительность святого к многочисленным истязаниям, отправка в тюрьму, обращение палача и солдат, пораженных стойкостью мученика, небесное видение в тюремном застенке, брошенное без погребения тело, чудесно защищаемое от хищных птиц). «В отличие от *Perist.* II, Бог здесь проявляется не столько как Провидение, управляющее историей, сколько как совершитель конкретных чудес в

ожидании эсхатологической развязки (ср. *Perist.* V, 186–200, 569–576) и всегда в личном отношении к мученику» (Fux 2003, 233).

Винценцию посвящены четыре проповеди блаж. Августина (PL 38, 1253 sqq.); он вписан в средневековые мартирологи (22 января), Евгений Толедский (ок. 650 г.) посвящает ему эпиграмму (см. *Perist.* IV, 91 и прим.); Хильдеберт Лаварденский пишет о нем объемную поэму (PL 171, 1301), а Петр Дамиани и Адам Сен-Викторский — гимны (PL 145, 947; 196, 1475 sqq.). Иаков Ворагинский отвел ему главу в «Золотой легенде».

Размер — ямбический диметр.

2 сл. *…к дню победному* (diem triumphalem tuum). — Ср. Гораций. «Эподы», VIII, 12; *Perist.* XII, 3. *…тебе, Винценций* (tibi… Vincenti)… — Двусмысленность: *Vincenti* можно понять не только как вокатив, но и как датив от причастия *vincens*: «тебе, побеждающему». Пруденций, как и в *Perist.* XI, XIII, XIV, отправляется в своем рассказе от этимологии имени мученика.

10 слл. *Лучишься ризой знатною…* — Ср. Откр. 6:11; 3:5.

13 *…подручник идольский* (sateIIes idoli). — Применительно к судье слово *sateIIes* ср. в *Perist.* III, 171.

[19] *Волк* как метафора для опасного врага восходит к Библии (Иез. 22:27; Мф. 7:15; Деян. 20:29); ср. *Perist.* I, 984 XI, 241.

[23] *Постановил, да служит всё* (servire sanxit omnia)… — Выступая против абсолютизма, благосклонного язычеству, Пруденций прославляет в сходных выражениях провиденциальный характер римского империализма; ср. *Perist.* II, 418–420 (Fux 2003, 240).

[32] *Столп от седмицы млечныя* (septem ex columnis lacteis). — Перифраза, означающая «один из семи диаконов» (о избрании семи диаконов см. Деян. 6:3). Пруденций часто называет диаконов *левитами: Perist.* II, 39; V, 145; VI, 3, 15. Lacteus, собств. «млечный», здесь значит «белый» и относится как к цвету одежды, так и к чистоте сердца. Образ *столпа* мотивирован Библией: Притч. 9:1; 1 Тим. 3:15; Откр. 3:11–12.

[37 сл.] *…Отца, сотворша свет, И Сына с ним Христа Его* (lucis auctorem Patrem / eiusque Christum filium). — Ср. 1 Ин. 1:5, 7.

[40]*Дациан* — презид Лузитании (?) в 286/293 г. и Испании Ближней (?) ок. 305 г.; упоминается и как судья св. Евлалии (PLRE I, 244; см. также Fux 2003, 242).

[50] *…ладаном и дерном* (ture et caespite)… — Пру-

денций упоминает дёрн в контексте языческих жертв неоднократно (*Apoth.* 187; *Perist.* X, 187). Нигде не сообщается, что древние приносили богам дёрн; предполагается, что выражение Пруденция, связавшего caespes «дерн» и tus «фимиам», спровоцировано двумя горациевскими контекстами («Оды», I, 19, 13 сл.; III, 8, 2–4), где *caespes* и *tus* стоят рядом друг с другом (речь о жертвенниках из дёрна).

62 *Пластин шипенье пламенных* (stridensque flammis lammina). — Речь о пытке раскаленными пластинами, прижимаемыми к коже (Пруденций упоминает ее неоднократно, см. напр. *Perist.* X, 760).

64 *Смерть, — христианам прение* (mors Christianis ludus est). — Томсон: are aII mere sport to Christians; Лаваренн: tout cela pour les chrétiens n'est qu'un jeu. О том, что *ludus* следует понимать как «состязание», см. Fux 2003, 245f.

69 слл. *Иссекла их художна длань…* — Ср. Ис. 44:9-10; *Apoth.* 455 слл.; *Perist.* X, 266–300.

75 сл. Принесение в жертву *быков* — наиболее внушительное и дорогостоящее. Ср. *Perist.* X, 1007–1050 (тавроболия); *Symm.* II, 1124; *Apoth.* 462.

78–92 Отождествление богов с демонами (ср. *Perist.* II, 263; III, 73; VI, 36; X, 101) имеет библей-

скую основу: см. Пс. 95:5; 1 Кор. 10:19 сл. *Вопят уж, признаваясь…* — Ср. Мф. 8:29 сл. *Из чревных нор изгнанные.* — Т. е. из тел одержимых. Об экзорцизме ср. *Perist.* I, 97 слл.; *Apoth.* 412 слл.

99 сл. *Плутонов сих преступному, Что жатвой плоти кормятся* (iIIos reorum Plutones / pastos resectis carnibus)/ — Текст сомнителен; большинство рукописей дает чтение: iIIos reorum carnibus / pastos manuque exercitos «тех, кто насыщается плотью виновных и у кого рука натренирована». Выбираем чтение вслед за Лаваренном (Prudence IV, 77). «Плутоны виновных» означает, что палач истязает обвиненных, как Плутон преступников в Тартаре. Ср. Fux 2003, 250f.

106 *Святыни… тарпейские* (Tarpeia… sacra). — Т. е. капитолийские; иначе говоря — официальные римские культы.

109 слл. Речь, видимо, о пытке, при которой обвиняемого растягивали с помощью веревок и блоков.

157 слл. *Другой живет внутри меня* (est alter, est intrinsecus). — Ср. 2 Кор. 4:16.

179 *…наших одр богов* (pulvinar nostrum). — Pulvinar — ложе из подушек, на котором устанавливалось изваяние бога во время праздничной трапезы (Гораций. «Оды», I, 37, 3; Ливий, V, 52,

6; Овидий. «Метаморфозы», XIV, 827; Светоний. «Август», 45; «Клавдий», 4, etc.).

214 *Надежда со свирепостью* (spes certat et crudelitas). — Битва *надежды* (богословская добродетель) со *свирепостью* (этимологически сопряженной с идеей кровопролития; ср. *Perist.* X, 100) напоминает о поединках в *Psych.*

233 *…недвижен он* (immotus manet). — Ср. Вергилий. «Георгики», II, 294; «Энеида», IV, 449; VII, 314.

235 *И очи простирает ввысь, В цепях бо пясти скованы* (tenditque in altum lumina, / nam vincla palmas presserant). — Образец — Вергилий, «Энеида», II, 405 сл. (плененная Кассандра). Ср. *Perist.* VI, 106 слл.

237 слл. *Оттоле взявши смелого, В угрюмый грот влекут его.* — Анализ тюремного эпизода см. Roberts 1993, 83–91. «Заключение в тюрьму — модель подверженности души испытаниям в этой жизни. Освобождение Винценция и Киприана из темницы тела в смерти есть только особый случай духовной свободы, которой все христиане могут достичь в своей повседневной жизни, противостоя бедствиям и соблазнам» (ibid., 91).

245 *Вечная… ночь* (aeterna nox). — Ср. «Энеида», X, 746; *Нат.* 176.

295 сл. *Свирепым и немилостным Ты страшен*

истязаниям. — М. Робертс, показывая, с какой регулярностью в *Perist.* V *палачи* метонимически подменяются упоминанием *рук*, напоминает, что в эпиграмме Дамаса о св. Лаврентии (цитированной нами выше) палачи (*carnifices*) стоят в одном ряду с инструментами пыток, и прибавляет: «Оборотная сторона этого уподобления человека вещи — приписывание эмоций самим орудиям пыток (*tormenta*)… В этой ритуализованной битве мученичества различия между человеческим и нечеловеческим ниспровергнуты; преследователь и его подручные становятся деперсонализованными орудиями, мученик, превосходя свое тело, достигает сферы божественного» (Roberts 1993, 65). Ср. *Perist.* VI, 33, 101 сл.

301 слл. *Сей утлый отложи сосуд…* — Ср. ст. 163. Образ тела как сосуда, восходящий к ап. Павлу (2 Кор. 4:7; 1 Фесс. 4:4), осложнен отсылкой к сотворению человека из глины. Подробнее см. Fux 2003, 259, 279.

341 сл. *Напитывает большинство Холстину кровью каплющей.* — Ср. Откр. 7:14. Эта кровь имплицитно сравнивается с кровью Христа (ст. 339 сл.); в ст. 343 сл. — аллюзия на защиту, даваемую кровью пасхального агнца (Исх. 12:13). См. Fux 2003, 284.

375 *…своего соузника* (parique missum carcere)… — Т. е. претерпевшего сходную кончину; Иоанн Креститель был обезглавлен в темнице (Мф. 14:10).

381 сл. *Свирепствует здесь, мнится, змей…* — «Гомеровское» сравнение, имеющее символическую значимость: змей — эмблема демона (ср. ст. 176, 191, 197; *Perist.* VI, 23; X, 23 слл., etc.), которого побеждает мученик (ср. ст. 542 слл.). Ср. *Cath.* III, 153 сл. *С зубами раздробленными* (fractis… dentibus). — Ср. Пс. 3:8; 57:7; Прем. 16:10.

387 сл. *Зверям извергнуть труп его…* — Ср. Овидий. «Метаморфозы», I, 249, а с другой стороны — 3 Царств 14:11.

393 слл. Участь Винценция, чье тело не трогают звери и защищают птицы, — инверсия участи Ереси (*Psych.* 719–725).

405 сл. *…ворон, древле Илии На яств ношенье приданный…* — 3 Царств 17:6.

421 сл. *Что, Дациан, ты чувствовал, Внимая таковым вестям* (quis audenti talia, / Datiane, tunc sensus tibi)… — Вергилиевская модель — апострофа к Дидоне, «Энеида», IV, 408.

475 сл. *…море дмящееся Христу постлала под ноги…* — Ср. *Ditt.* 137 слл. и прим.

477 *Да, попирая волн хребет* (ut terga calcans

aequoris)… — Ср. Сенека. «Геркулес в безумье», 535.

482 *Раздаться чермным омутам…* — Ср. *Ditt.* 33 слл. и прим.

509 *…святых…* — Т. е. христиан (они же «праведные» в ст. 514).

523 сл. *Со Маккавеев сонмищем…* — См. 2 Макк. 7; *Perist.* X, 776 слл. *Исайи близ претренного* (sectoque Esaiae proximum). — Иудейская традиция, воспринятая церковными писателями (Тертуллиан. «О терпении», 14; Иероним, «Комментарий на Исаию», PL 24, 546D — 547A), сообщает о кончине пророка Исайи, что он был распилен напополам деревянной пилой. Далее (ст. 525–544) Пруденций разрабатывает топос «побежденной древности» (Curtius 1953, 162ff.): кончина Винценция превосходит кончину ветхозаветных мучеников.

534 *Тиран* — Антиох IV Эпифан, царь Сирии (174–164 до Р.Х.), гонитель иудеев, при котором семь братьев Маккавеев претерпели свою кончину.

544 *Разбойника* (latronem) — речь или о Дациане, или, скорее, о наущавшем его демоне.

547 сл. *Вины заступник нашея Перед престолом Отческим* (nostri reatus efficax / orator ad thronum patris)! — Это один из тех пассажей, где видно, как мученик осмысляется в привычных терминах

патронатно-клиентельных отношений (см. напр. Браун 2004, 72–82). Патрон по отношению к клиенту исполнял две функции, *advocatus* и *defensor*; и, как замечает М. Робертс, когда Августин описывает мучеников как *orantes et impetrantes*, он держит в уме прежнюю функцию. «Мученик есть *orator*, в христианском смысле, который повторяет просьбы молящих перед Богом; но он также и оратор в традиционном римском смысле, представляющий интересы клиента в судах. Римские социальные институции воспроизводятся на небе, но таким образом, что небо и земля объединяются в цельном социальном образовании благодаря посредству мученика» (Roberts 1993, 22). Ср. *Perist.* X, 1031–1040.

[575] *…славы сонаследницей* (coheres gloriae). — Ср. Римл. 8:17.

VI. Гимн в почесть блаженнейших мучеников Фруктуоза, епископа Тарраконской церкви, и диаконов Авгурия и Евлогия

Perist. VI повествует о еще трех испанских святых, менее известных, чем Винценций. Существуют их «Деяния» — как представляется, древние, поскольку ими, видимо, воспользовался блаж. Августин в своей проповеди (PL 38, 1247

544.); они указывают дату мученичества: «*При императоре Валериане и Галлиене, в консульство Эмилиана и Басса* (259 г.), *в 17 день до февральских календ* (16 января), *в воскресенье, схвачены епископ Фруктуоз и диаконы Авгурий и Евлогий*». Возможно, эти «Деяния» были источником и для Пруденция, поскольку все их эпизоды обнаруживаются в гимне. Мартиролог Иеронима указывает датой их кончины 21 января, что совпадает со ст.31 гимна (шестидневное заключение после ареста).

Размер — фалеков стих.

1 слл. *Лик подъемлет огнем блестящий вашим…* — Ср. *Perist.* IV, 21–24.

25 *Христолюбцам к венцу ступень — темница…* — О двух путях, на которых образ темницы (кроме этого гимна, см. в особенности *Perist.* V и XIII) мог получать аллегорическое значение, см. Roberts 1993, 80–83 (первое — земной мир как темница; второе — аналогия между заключением мученика и схождением Христа в преисподнюю).

28 *…к вертепу обвиненных* (specum reorum). — Т. е. к тюрьме, называемой так из-за ее темноты; ср. *Perist.* V, 237 слл.

34 *Эмилиан* известен только по Пруденцию и

«Деяниям св. Фруктуоза» (PLRE I, 22).

41 П. Лициний Эгнаций *Галлиен*, сын и соправитель императора Валериана (*Perist.* XIII, 35), убитый в 268 г.; в отличие от своего отца, он отнесся к христианам благосклонно (см. напр. Евсевий Кесарийский. «Церковная история», VII, 23; ср. Болотов II, 131–137). Здесь, однако, он изображен единственным подстрекателем гонений.

48 *…тот речет: «Ты был им»* (ait iIIe: «iam fuisti»). — В такой форме судья по существу произнес смертный приговор; ср. Болотов II, 130.

55 *День не отперт еще девятым часом.* — Пост продолжался до девятого часа (около трех часов пополудни). Ср. *Cath.* VIII, 9 слл.

58 слл. *Так Христос, жаждой в крестный час томимый…* — Мк. 15:23.

61 слл. *…урочище… круговыми Обомкнуто грядами…* — Перифрастическое описание амфитеатра. *…где частый гость безумье* (quem furor frequentat). — Ср. *Нат.* 361 сл. *Где грохочут позорища кровавы…* — Жестокость гладиаторских сражений Пруденций порицает также в Symm.II, 1091 слл. О раннехристианском восприятии цирка в терминах безумия, неистовства, шума см. Van Slyke 2005.

67 *…служитель черный* (niger minister). — Этим

эпитетом обозначается либо смуглая кожа (ср. Вергилий. «Буколики», II, 16), либо злобная натура (Гораций. «Сатиры», I, 4, 85).

85 *Так промолвив* (vix haec ediderat). — Ср. Вергилий. «Энеида», V, 693.

86 сл. *Моисею в том подобен.* — Исх. 3:2, 5.

107 *Коим должно крестом к Отцу воздеться.* — Молитвенная поза Моисея во время битвы с амаликитянами (Исх. 17:8 слл.); ср. *Cath.* XII, 170 слл.

109 слл. *…образ троих мужей старинных.* — Т. е. трех отроков в пещи огненной (Дан. 3:23 сл.). Ср. *Apoth.* 129 слл.

126 *Форум* — т. е. суд магистрата.

130 сл. *Тут священных телес золу и чистым Залитые вином сбирают кости…* — Ср. «Энеида», VI, 227 слл.

VII. Гимн в почесть мученика Квирина, епископа сисцийской церкви

Пруденций мог видеть в Риме реликвии св. Квирина (увезенные туда паннонскими христианами в конце IV в., перед лицом варварского вторжения) и потому посвятил гимн этому святому, не испанскому и не римскому. Существующие «Деяния» святого, видимо, созданы позже пруден-

циевской поэмы. Блаж. Иероним кратко говорит о Квирине в «Продолжении хроники Евсевия»; рассказы Григория Турского («История франков», I, 35), Беды Достопочтенного (PL 94, 935), Адона Вьеннского (PL 123, 279), Узуарда (PL 124, 119) основаны на Пруденции. Иероним относит мученичество Квирина к 310 г., что соответствует указанию в гимне на императора Галерия (*sub Galerio duce*, ст. 6; Пруденций часто называет императоров *dux* — *Symm.* I, 36, 618; II, 18; *Perist.* III, 86, etc.). Небольшой по объему, гимн насыщен жанровой топикой: истязания, чудо, ободрение верных, молитва с упоминанием библейских эпизодов.

Размер — гликоней κατα στίχον (обычно гликоней не использовался в чистом виде; напр., у Катулла, 34 и 61, — в сочетании с ферекратеем); Пруденций прибегает к нему также в *praef. Symm.* II.

[2] *Мужа, Богу любезного.* — В оригинале он назван по имени: Quirinum placitum Deo.

[3] Паннонский город *Сисция* (Веллей Патеркул, II, 113; Плиний, III, 147, 148), нын. Сисак в Хорватии.

[6] *Г. Галерий* Валерий Максимиан, Цезарь в 293–305, Август в 305–311 гг. (PLRE I, 574f.), активный участник гонений на христиан, поднятых при

Диоклетиане (Болотов II, 144–163).

14 *…струями текущими* (lymphis fluvialibus)… — Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 635.

16 слл. Мученичество часто называлось кровавым крещением: кровь, пролитая во исповедание веры, смывает все грехи так же, как вода крещения. Пруденций говорит: неважно, что мученичество Квирина не было кровавым, оно так же дало ему небесную славу.

21 *С возвышенна моста…* — Акцент в описании Квирина на возвышенном положении, равно как на удаленности от паствы, к которой он обращается (см. ст.31 сл.), возможно, призвано воспроизвести положение епископа в церкви, отделенного и поднятого над собранием на его кафедре в апсиде. В самый момент мученичества в епископе подчеркнута его учительная роль (Roberts 1993, 112).

61 слл. *Знаем мы, ученик Твой Петр…* — Мф. 14:29–31.

66 слл. *Иордан небезвестен нам В развороте скитальческом…* — Нав. 3:13–17.

VIII. О месте, где пострадали мученики, а ныне баптистерий Калагурры

Это не гимн, а, возможно, надпись, предназначенная для баптистерия. В большей части рукописей в названиях фигурирует Калагурра, но абсолютной достоверности эта локализация не имеет (не все рукописи упоминают этот город, к тому же название может не принадлежать самому Пруденцию). Надписей в эту эпоху сочинялось много (папа Дамас — лишь один из примеров); надпись для баптистерия есть у Эннодия, три — у Павлина Ноланского; у самого Пруденция есть целый цикл надписей к картинам (*Ditt.*). Стихотворение разрабатывает популярную параллель: крещение водой и крещение кровью (ср. *Perist.* VII, 16 слл. и прим.).

Структурному анализу *Perist.* VIII посвящена статья В. Шеттера (Schetter 1982), где показано, что это не единая эпиграмма, а цикл из трех (v.1–6, 7-12, 13–18); «две христоцентрически ориентированные эпиграммы обрамляют среднюю, посвященную деяниям Святого Духа, и завершение цикла едва ли случайно образует эпиграмма, в которой мученичество и крещение приведены в связь с образцом страстей Христовых». В. Шет-

тер напоминает, что вариация одной и той же темы в нескольких стихотворениях относится к принципам организации античного искусства эпиграммы (семь эпиграмм о львах в I книге Марциала, восемь эпиграмм Авсония о корове Мирона, эпиграммы в 32-м послании Павлина Ноланского), и считает, что первоначальная маркировка трех отдельных эпиграмм была утеряна в рукописной традиции (аналогичные случаи известны с эпиграммами Авсония и Клавдиана).

Размер — элегический дистих.

[4] *В смерти… честной* (pulchra morte)… — Ср. Пс. 115:6; *Perist.* X, 839.

[15 сл.] *…чей бок сугубою раной…* — Ин. 19:34.

IX. Страсти святого Кассиана из Корнелиева Форума

Perist. IX — древнейшее свидетельство о св. Кассиане. Поэт передает речь ризничего, объясняющего картину в церкви Имолы, причем ризничий ссылается на то, что эта история «передана в книгах» (ст. 19): возможно, были «Деяния» Кассиана, впоследствии утерянные. Однако вся история под сомнением, поскольку ее происхождение слишком литературно (легенда о фалерийском учителе у Тита Ливия, V, 27). Невозможно

определить время кончины Кассиана; попытка отнести ее ко временам Юлиана Отступника, поднявшего гонения на преподавателей-христиан, наталкивается на слова Пруденция о «древности» (*vetusti temporis*, ст. 20) этих событий. Гимн был переложен в прозаические «Страсти» Кассиана, авторство которых неизвестно; эти два текста стали источниками для Григория Турского («О славе мучеников», 43) и авторов мартирологов. Флодоард в своей поэме о Кассиане прямо ссылается на Пруденция (PL 135, 857 sq.).

Анализ гимна как pilgrimage poem (одной из трех в *Perist.*, наряду с XI и XII) см. Roberts 1993, 132–148. О соотношении картины и ее истолкования (экфрасиса и эксегесиса) см. Kässer 2002.

Герой гимна был преподавателем стенографии. При открывшихся гонениях на христиан его, пренебрегавшего языческими алтарями, привлекли к суду, а судья выдал на расправу ненавидевшим его ученикам, которые до смерти закололи Кассиана стилями для письма. Разумеется, римская пенальная система такой кары не предусматривала. Зато наказание гомеопатического плана, при котором преступление символически отражается в характере кары, присуще представлениям о загробной справед-

ливости (хронологически ближайший пример — финал клавдиановской инвективы «Против Руфина», где Минос «приводит в равенство казнь и заслуги», вгоняя обманщиков в лисье обличье, сластолюбцев — в свиное и т. д.). Человек, распорядившийся покарать Кассиана таким образом, не назван ни *iudex*, ни *praetor*, ни *praefectus*, как другие гонители у Пруденция, но *мастер* (*искусник*) *наказаний* (*poenarum artifici*, v. 33) — выражение, которое удаляет этого персонажа от реальной римской номенклатуры и приближает к инфернальному судопроизводству. Однако Кассиан карается сообразно не греху, а профессии (в ст.32 это акцентировано повторением слова *ars*: poenarum *artifici* quaerenti quod genus *artis* / vir nosset). Иначе говоря, хоть Кассиана и привлекли к суду как христианина, но карается в нем отнюдь не то, что отличает его от язычников, но то, что сближает, — способность к письму и преподаванию, то есть близость к вещам, создающим механизмы передачи культурной памяти. Едва ли, кроме несправедливости, Пруденций не намеревался указать здесь и редкостное безумие: цивилизация, преследующая христиан ради сохранения своей идентичности, этим приговором бестрепетно от нее отказывается.

Травестия правосудия подчеркнута тем, что происходящее осмысляется как *выходные*, feriae, — праздничные дни (*manusque… feriatas* в речи судьи, v. 39; *scholarum ferias* в речи ученика, v. 76), и совершающееся в эти вакации умерщвление учителя трактуется, видимо, как аналог карнавальному «миру навыворот», наподобие Сатурналий (ср. употребление двусмысленного *ludus*, «игра, насмешка; школа»: Fux 2003, 332).

Языческая трактовка дела распределена в двух речах: судья (v. 37–42) открывает тему пропорционального воздаяния, а ученик (v. 69–82) ее амплифицирует, издевательски трактуя наносимые Кассиану удары как письмо. В его речи повторяется и варьируется основная лексика, связанная в *Perist.* IX с письмом: nota «знак, отметина» (v. 23, 71; notare: v. 36, 82), punctum «укол, точка» (v. 24, 77), sulcus «борозда» (v. 52, 77). На этом поругании Пруденций наращивает свою интерпретацию событий. Язычники, думая проклясть и опозорить, благословляют и славят, как Валаам (Числ. 22) и Каиафа (Ин. 11:50): их понимание событий поддается христианскому перетолкованию в духе 2 Кор. 3:2–3. Кассиан оказывается «Христовым посланием» par excellence, иллюстрируя своей смертью и образ «плотяной

скрижали», и неистощимые символические потенции письменности вообще. Единственная аллегорическая трактовка, даваемая письму язычниками, связывает его с квалифицированной смертной казнью; Пруденций, принимая письмо из рук язычников, не ведающих, что творят, выявляет в нем символ славы и вечной памяти. Это можно было бы назвать конфликтом интерпретаций, если бы одна из них хотя бы подозревала о существовании другой.

Размер — дистих, образованный из дактилического гекзаметра и ямбического триметра.

[1] *Корнелиев Форум* — город в Циспаданской Галлии (Цицерон. «Письма к друзьям», 12, 5, 2); нын. Имола в северной Италии.

[3] *…вселенной владычица, Рома* (rerum maxima Roma)… — То же окончание стиха: Манилий. «Астрономика», IV, 694. Ср. Вергилий. «Энеида», VII, 602; Проперций, IV, 1, 1; Овидий. «Метаморфозы», XIII, 508; Силий Италик, III, 584; Клавдиан. «Панегирик Пробину и Олибрию», 130.

[9] *Поднял к небу лицо* (erexi ad caelum faciem). — Ср. *Perist.* II, 548; *Apoth.* 501 сл.

[11] *…во всех истерзан суставах* (totos lacerata per artus)… — Ср. Овидий. «Метаморфозы», VI, 387 (о Марсии).

[13] *Неисчислимые вкруг него дети* (*сколь жалостно видеть!*) [innumeri circum pueri (miserabile visu)]. — Ср. Овидий. «Фасты», III, 360: «Неисчислимы стоят вкруг, немотствуя, мужи (innumeri circa stantque silentque viri); парентеза *miserabile visu* — Вергилий, „Энеида“, I, 111; Овидий. „Метаморфозы“, XIII, 422; Силий Италик, I, 672; XIV, 329, etc.

[23 сл.] *В кратких знаках слова заключать любые искусный И речи вслед по точкам беглым шествовать.* — Это означает, видимо, что Кассиан преподавал какую-то разновидность стенографии, возможно, аналогичную „тироновым знакам“ (notae tironianae).

[29] *…вихрь свирепый* (tempestas saeva)… — Ср. Лукреций, VI, 458.

[35] *…стад незрелых* (agmen… puerile). — Ср. „Энеида“, V, 548 сл.

[38] *…бичеватель* (verberator)… — Характеристика не Кассиана (о котором судья ничего не знает), а школьных обыкновений античности; напр., Гораций. „Послания“, II, 1, 70; Авсоний в „Протрептике“ пишет внуку: Так не тревожься и ты, свистящие слыша удары В школе и над собой седины свирепые видя. <…> Пусть не смущают тебя ни всхлесты, ни вскрики, ни страхи, Ни потрясаемый жезл тростяной, ни открытые

розгам Спины, ни бич, до поры притаившийся в кожаных ножнах». (пер. М.Л. Гаспарова).

[43] *Длани вяжут ему за спиной* (vincitur post terga manus). — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 81; Проперций, III, 24, 14.

[52] *Которо пашет воск браздою письменной* (qua parte aratis cerae sulcis scribitur). — Об этой метафоре пахоты (ср. *resulcans* в *Perist.* V, 144, *sulcus* в *Perist.* X, 1127) в связи с представлением о плодоносном теле мучеников см. Ross 1995, 337f.

[76] *Учитель алчный* (avare doctor). — Корыстолюбие преподавателя, не допускающего вакаций, чтоб не лишиться своей оплаты, напоминает Горация, «Сатиры», I, 6, 75; ср. Марциал, X, 62 (Fux 2003, 338).

[81] *Власть твою употреби* (exerce imperium). — Ср. Вергилий. «Георгики», II, 370.

[85–88] *Сжалясь впоследок над бранью его Христос от эфира…* — Вергилиевская модель для этого пассажа — Юнона, прекращающая страдания Дидоны («Энеида», IV, 693–695). Уподобление мученичества битве обычно для Пруденция (*Perist.* II, 16, 501, etc.), как и для апологетов.

X. Святого мученика Романа глаголы противу язычников

Самый длинный гимн посвящен единственному в *Perist.* восточному мученику — св. Роману, диакону антиохийскому. Очевидных внешних причин для этого выбора нет, и можно гадать о причинах содержательных (вплоть до метапоэтических).

О страстях Романа повествовал Евсевий Кесарийский («О воскресении Господнем», кн. 2; «О палестинских мучениках», 2), современник, хотя и не очевидец его кончины. Согласно его рассказу, Роман, диакон кесарийской церкви, прибывший в Антиохию, чтобы увещевать христиан не приносить жертвы идолам, арестован и приговорен к сожжению; затем судья заменяет эту кару на отсечение языка и тюремное заключение. На юбилей императора, когда принято было давать помилование осужденным, Роман не был включен в амнистию; он подвергнут новым мучениям, а затем удавлен в тюрьме.

Впоследствии Иоанн Златоуст в двух гомилиях, посвященных святому (PG 50, 610 sqq.), рассказывает эпизод, отсутствующий у Евсевия: мученик предлагает решить спор между ним и судьей

ребенку, и тот утверждает истину христианской веры; разъяренный судья приговаривает ребенка к смерти и приказывает отсечь Роману язык, однако силою благодати мученик сохраняет речь. Вопрос, были ли гомилии константинопольского святителя непосредственным материалом для Пруденция или у них был общий источник, связан с двумя другими: осведомленность Пруденция в греческом языке (дискуссионная) и датировки *Perist.* и гомилий Иоанна Златоуста (неточные).

Флодоард написал поэму в честь св. Романа, в первом стихе которой вспоминает пруденциевский гимн: «О Романовой брани златыми Пруденций устами Уж прогремел…» (PL 135, 565).

Размер гимна — ямбический триметр.

[6] *…нёба и гортани плектр* (plectrum palati er faucium). — Т. е. язык. Ср. Цицерон. «О природе богов», II, 149: «…наши обыкновенно говорят, что язык подобен плектру, зубы — струнам, ноздри — „рогам“ струнного инструмента, которые во время игры усиливают звучание струн» (пер. М.И. Рижского).

[13] *Печень* у древних считалась обиталищем аффектов (ср. Гораций. «Послания», I, 18, 72; «Оды», I, 13, 4; Ювенал, I, 45; VI, 648, etc.). Ср. *Cath.* III, 180.

16 слл. *Евангелистом заповедь записана…* — Мф. 10:19.

23 слл. *…в крайности надмения, Воздвигнул смуту демон, чтобы рухнуть в ней…* — Речь о том, что гонение на христиан, в котором погиб Роман, было последним (Великое гонение 303–311 гг.).

37 слл. *…мертвых из гробницы вышедши, Вопит…* — Мф. 8:29–31; Мк. 5:1-13. Эта евангельская цитата кажется здесь не очень уместной (разве что Пруденций хотел противопоставить одержимых, устами которых говорит демон, Роману, говорящему без языка благодатью Божией).

41 *Асклепиад* — префект (претория?) на Востоке в 303 г., известный по Пруденцию и «Деяниям св. Агафоника» (PLRE I, 114, Asclepiades 2).

71 слл. *К венцу стремленье* (amor coronae)… — Проявленное мучеником, поспешившим к месту пыток. *К высоку прагу* (altum limen). — Т. е. к трибуналу. Описание ареста Романа (ст. 61–75) М. Хоффманн (Hoffmann 2001, 539ff.) сопоставляет со стациевским описанием судьбы Аргии и Антигоны («Фиваида», XII, 456–463, 677–681); статья в целом направлена на то, чтобы откорректировать вывод А.-М. Палмер о слабом влиянии Стация на Пруденция.

110 *Растягивая вервием и крючьями.* — Пытка

кобылой (*equuleus*; ср. Сенека. «Послания», 67; Аммиан Марцеллин, XIV, 5, 9), фигурирующая еще в *Perist.* V, 109 слл.

117 *Свинцом исхлестан, пусть хребет раздуется.* — Речь о бичах, оснащенных свинцовыми шариками на концах.

124 *По крови предков* (sanguis parentum). — Ср. Гораций. «Оды», II, 20, 6. Об этом акценте на *знатности* (nobilitas) Романа см. Salzman 2001, 368, 376f.

143 *Секиры, фаски, кресла, тоги пышные* (fasces, secures, seIIa, praetextae togae). — Ср. Ювенал, X, 35.

147 *Цыплят — промолвить стыдно — полбой кормите.* — Один из способов ауспиций: священным цыплятам предлагали зерно; если цыплята с жадностью кидались на него, ауспиции считались благоприятными.

148 сл. *Орлом слоновой кости напыщается Его носитель.* — Жезл слоновой кости, увенчанный изображением орла, который несли триумфаторы (Ювенал, X, 43; *Symm.* I, 349).

156 слл. *На колеснице камень чернообразный…* — Пессинунтский камень Кибелы (*Идейской матери*), доставленный из Фригии в Рим в 205 г. до Р.Х. (Ливий, XXIX, 10, 11, 14; Овидий. «Фасты», IV,

247–372). Ср. *Symm.* I, 187. Об церемониальном омовении Кибелы в *Альмоне* 27 марта: Овидий. «Фасты», IV, 339 сл.; Лукан, I, 600; Марциал, III, 47, 2; Силий Италик, VIII, 363; Стаций. «Сильвы», V, 1, 223; Аммиан Марцеллин, XXIII, 3, 7; Клавдиан. «Гильдонова война», 119.

162 слл. *Луперки*, жрецы Фавна (Пруденций упоминает их еще в *Perist.* II, 518), во время Луперкалий (15 февраля) обегали город в одном поясе из козлиной кожи, хлеща бичом всех встречных; женщины, желавшие забеременеть, норовили подставить под их удар руки или спину (Овидий. «Фасты», II, 267–452).

181 слл. *В брак входят девы…* — Например, Юнона выходит замуж за Юпитера (ср. *Perist.* II, 465 сл.), Венера — за Вулкана, Прозерпина — за Плутона, Геба — за Геркулеса… *часто их коварство тлит.* — Например, многочисленные мифы о любовных похождениях Юпитера (соблазнившего Европу в образе быка, Леду — в образе лебедя и т. д.; см. ниже, ст. 221 сл.). *…супругу гнев палит к совместнице.* — Ревность Юноны к Ио, Семеле, Каллисто и т. д.; сам Пруденций (*Symm.* I, 69 слл.) напоминает еще и о Ганимеде. *Распутны боги цепью уловляются.* — Намек на Марса и Венеру, застигнутых Вулканом.

188 слл. *Пойду ли в Дельфы? Но претит об отроке Молвь совращенном...* — Т. е. идти к знаменитому храму Аполлона не дает миф о Гиацинте, возлюбленном дельфийского бога, убитом случайным ударом диска (Овидий. «Метаморфозы», X, 162–219) *вольностью гимнасия.* — Поскольку упражнялись в гимнасии нагими; это давало апологетам повод клеймить его (см. напр. *Нат.* 358), как это до них сделал Тацит: *«упражняясь в гимнасиях, праздности и срамной любви»* (gymnasia et otia et turpis amores exercendo: «Анналы», XIV, 20).

193 слл. *Наёмный пастырь ставши стада чуждого...* — Намек на мифы о том, как Юпитер заставил Аполлона пасти стада Адмета и как Меркурий украл его скот и его колчан (см. напр. Гораций. «Оды», I, 10, 9-12).

196 слл. *Сосна* посвящена Матери богов (см. Вергилий. «Энеида», IX, 85; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», I, 203 сл. 1). *Младой... галл* (puer... gaIIus). — Аттис («галл» здесь означает не племенную принадлежность, а жреца Кибелы, ср. Гораций. «Сатиры», I, 2, 121; Овидий. «Фасты», IV, 361 сл.; Ювенал, VIII, 176, etc.); Кибела, любившая его, заставила пообещать сохранить чистоту, но Аттис влюбился в нимфу, и Кибела вызвала у него приступ безумия, в котором он себя оскопил (см.

Овидий. «Фасты», IV, 223 слл.). *...во празднствах Матери.* — Т. е. Идейской матери (см. ст. 155).

203 сл. *Юлиев* закон, *lex Iulia de adulteriis*, обнародованный Августом в 18 г. до Р.Х., наказывал прелюбодеяние; *Скантиниев* закон (149 г. до Р.Х.) — педерастию. Оба упомянуты Ювеналом (II, 37, 44).

206 *...златого века созидателя...* — Сатурна, изгнанного с неба Юпитером и вынужденного скрываться на земле.

211 слл. *Марс* негодует, если чтят Вулкана (*Лемносца*), опозорившего его перед богами (см. ст.185), *Юнона* питает неприязнь к *Геркулесу*, рожденному Алкменой от Юпитера (ср. ст. 184, 227).

223 *Сидишь, понтифик вышний, ты средь зрителей* (spectator horum pontifex summus sedes)... — Пруденций забывает, что речь Романа обращена к префекту, и делает апострофу к императору.

227 *Коль бог заемлет мужа вид Алкменина?* — Юпитер, овладевший Алкменой в образе ее мужа Амфитриона (тема комедии Плавта).

234 сл. *...быстрый сей оружничий Царю был сводник, что примчал любовника.* — Орел (*оружничий* Юпитера, поскольку носит его молнии), доставивший на Олимп Ганимеда.

236 слл. *Церера, в ризе распущенной* (recincta veste...

Ceres). — В знак траура. С *факелом* она отправилась на поиски похищенной дочери (см. финал клавдиановского «Похищения Прозерпины»).

239 *Тиринфий* — Геркулес (имеется в виду его пребывание у Омфалы). *Неэра* — имя возлюбленной, появляющееся у Лигдама (Тибулл, III, 1, 6, 23; 2, 12, 29; 3, 1 etc.), Горация («Оды», III, 14, 21; «Эподы», XV, 11), Вергилия («Буколики», III, 3); ср. *Symm.* I, 139.

242 *…флейт изобретателей…* — Намек на Пана (Вергилий. «Буколики», II, 32; Овидий. «Метаморфозы», I, 689–712).

255 *Канопа* — город в дельте Нила, обычная синекдоха вместо «Египет» (Проперций, III, 11, 39; Лукан, X, 64; ср. *Perist.* III, 59).

258 слл. *Так что же ибис, пес и крокодил не люб?* — Апологеты часто высмеивают суеверия египтян (Тертуллиан. «Апологетик», 24, 7; Минуций Феликс, 28, 8; Августин. «О граде Божием», II, 22); ср. еще у Цицерона, «О природе богов», III, 47. О заимствованиях из Ювенала здесь и в аналогичных пассажах *Symm.* см. SteIIa Marie 1962, 49f.

261 *Задабривают дымны лары ладаном* (fuliginosi ture placantur lares). — Ср. Гораций. «Оды», III, 23, 3 сл. *Дымные* они от близкого соседства их изображений с домашним очагом.

[269] *Мирон, Поликлет*, и ниже, ст. 291 сл., *Ментор, Фидий.* — Соединение этих четырех имен прославленных художников восходит к Ювеналу, VIII, 102–104. *Ментор* — скульптор-чеканщик IV в. до Р.Х. (Цицерон. «Против Верреса», 2, 4, 38; Плиний, XXXIII, 147; Марциал, III, 40, 1; XI, 11, 5).

[275] *…Минервы грудь топорщит змеями.* — Речь об эгиде, щите Минервы, украшенном змееволосой головой Медузы Горгоны.

[283 сл.] *Коль Геркулеса лик окажет пасмурней Растопленная глыба зыбкой жидкости…* — Т. е. «если отлитая статуя покажется слишком грозной».

[302] *Кто пестрой шерсти на стволе пугается* (quos lana terret discolora in stipite). — *Шерсть* метонимически, вместо «священные повязки»; *ствол* (stips) — возможно, «священное дерево» или «деревянная статуя божества».

[314] *И неохватный нашему узрению.* — Ср. 1 Тим. 6:16.

[320] *Его рожденный Светом блеск есть Сын Его.* — Ср. *Apoth.* 278 слл.; см. в Никео-Константинопольском Символе веры: «Света от Света» (lumen de lumine).

[329] *Септемтрионы* (Septemtriones) — созвездия Большой и Малой Медведиц.

346 *В людской Себе Он храм постановил душе.* — Ср. прим. к *Perist.* II, 172.

379 сл. *Стихии мира олтарями чествовать...* — Ср. *Symm.* I, 297 слл. *То, что созданно, почитать Создателем.* — Ср. Римл. 1:25.

384 сл. *Лизать гробовы урны с лиходеями?* — Возможно, намек на апофеоз императоров.

391 слл. *Пока глаголал мученик...* — Лавареннь замечает, что префект проявил редкостное терпение, поскольку речь Романа занимает 268 стихов.

408 слл. *...умолчим о Несторах* (ne retexam Nestoras) — т. е. о временах гомеровских героев. *Пирра* и её супруг Девкалион, единственные выжившие после потопа, возродили человеческий род из камней (Овидий. «Метаморфозы», I, 260 слл.).

412 *Маворсов отрок* (puer Mavortius). — Ромул, ср. «Энеида», VI, 777.

415 *Статор* — культовый эпитет Юпитера, останавливающего бегущих с поля боя (Ливий I, 12, 3–6).

468 *Христос, сиянье славы отчей...* — Ср. 2 Кор. 4:4; Кол. 1:15.

511 слл. Нагнетение в этой строфе слова caro «плоть» (4 раза) находит аналог у апостола Павла

(Римл.8:1-13, 15 раз) и у самого Пруденция в *Apoth.* 368–371. *По всем злодействам реет похоть плотская* (carnis voluptas omne per nefas ruit). — Ср. Гораций. «Оды», I, 3, 26: «Род стремится людской на заповедный грех (gens humana ruit per vetitum nefas)».

536 *Когда-то небо, словно свиток, скрутится* (quandoque caelum ceu liber plicabitur). — Ср. Откр. 6:14; Ис. 34:4. Томсон замечает, что античная книга в форме свитка (*volumen*), предполагаемая этим библейским сравнением, во времена Пруденция выходила из употребления, заменяясь современной формой кодекса (а для христианских книг эта последняя преобладала).

557 *Буравит обе он когтьми чертящими Ланиты* (charaxat ambas ungulis scribentibus / genas)… — О редком грецизме charaxare «процарапывать, вырезать» в этом контексте см. Ross 1995, 332f.

588 слл. *Вместить, я знаю, ты бессилен таинство.* — Ср. 1 Кор. 2:14. *…ночь не примет дневного.* — Ин. 1:5.

609 сл. *Безумье мира выспренний Отец избрал…* — Ср. Мф. 11:25; 1 Кор. 1:20–25.

611 слл. *Маворсову волчицу.* — Вскормившую Ромула и Рема. … *приметy коршунов* (omen vulturum). -12 коршунов, бывшие знаменьем

царства для Ромула (Ливий, I, 7) и считавшиеся символом 12 столетий, отведенных Римскому государству. См. Клавдиан 2008, 618 сл. *…фастов тысячу.* — Т. е. тысячу лет. Каждый год обозначался именами консулов, которые вписывались в Фасты — официальные списки высших должностных лиц.

619 сл. *Кносская* (т. е. критская) *коза* — Амалтея, вскормившая младенца *Юпитера* на Крите (Каллимах. «Гимн Зевсу», 49; Аполлодор, I, 1, 7; Арат. «Явления», 162 слл.; Гигин. «Астрономия», II, 13).

641 *Сей крест наш; всходим мы на древо оное.* — Ср. Гал. 2:19.

648 сл. *…рассевати бисер нам Христов запретно скверных посреди свиней.* — Мф. 7:6.

673 *Должно единым быти и единственным* (unum esse oportet, et quod uni, est unicum). — Буквально: «[Ему] следует быть единым, а что принадлежит единому, то является единственным». Ср. *Нат.* 37–39. Лавареннн замечает, что этот младенец положительно смущает нас своей изощренностью.

675 *…и дитя не верует* (nec pueri putant). — Ср. Ювенал, II, 152.

700 *Отколь скорее млеко, нежель кровь, течет* (plus inde lactis quam cruoris defluat). — Ср. Юве-

нал, XI, 68.

715 *И укрепляя чувство кроткой нежности.* — То есть в душе матери благочестие укрепляет родительскую нежность.

727 слл. *Живой тот кладезь…* — Ин. 4:14.

736 сл. *Сию-то, сыне, чашу днесь испить тебе…* — Мф. 20:22. *Что в Вифлееме многим детям подана.* — Речь о невинноубиенных младенцах (Мф. 2:16).

739 сл. *…крови мёд пригубила.* — Мученическая смерть изображается (по евангельскому образцу) как питье из чаши; недолгая *горечь* муки (*кровь*) сменяется вечным блаженством (*мёд*).

748 слл. *Едино чадо Исаак отцово был…* — Быт.22:6-10. *Свою подставил старцу шею волею.* — В Библии об этом не говорится.

751 слл. *…об оном славнейшем Сраженье…* — О мученической кончине семи братьев Маккавеев (см. *Perist.* V, 523 слл.). *Certamen* «сражение» часто применяется у Пруденция к мученическому подвигу. *Власы и кожу содрал одному из них С чела терзатель…* — 2 Макк. 7:7. *Язык тираном велено единому Из них отрезать…* — 2 Макк. 7:4.

764 слл. *Она кричала: «Потерпи…»* — Эту речь иудейской матери (ст. 764–775) внутри речи римской матери (ст.721–790) можно привести в

пример *mise-en-abîme.* Ср. Fux 2003, 18 о том же явлении в *Perist.* III, 136–140.

771 *Истолкователь духа* (interpres animi). — Ср. Лукреций, VI, 1149; Гораций. «Наука поэзии», 111.

786 сл. *Как восприял ты жизнь во глубине моей, Не вем — и тело выникло отколь, не вем.* — 2 Макк. 7:22.

828 слл. *Так первородный, мнилося, приплод несет…* — Быт. 4:4.

839 сл. *Честна святого смерть пред взором Божиим…* — Пс. 115:6–7.

846 сл. *В другой же части поля… Костер огромный* (at parte campi ex altera immanem pyram)… — Ср. Вергилий. «Энеида», XI, 203 сл.

851 *И с загнутыми на рогатку дланями…* — Эта *рогатка* (furca) — кусок дерева в виде перевернутой буквы V, которую помещали на спину и привязывали к ней руки некоторых осужденных (Ливий, I, 26, 10; Светоний. «Нерон», 49; Валерий Максим, I, 7, 4, etc.).

869 *…песнью фессалийскою* (Thessalorum carmine). — Фессалийским заклинанием (ср. Сенека. «Федра», 791). О репутации фессалийских колдуний (упомянем Эрихто в VI книге «Фарсалии» и Фессалию как место действия «Золотого осла») см. Петров 2003, 124–128.

884 *…тут и Геркулес у нас…* — Иронически говорится о палаче.

920 *На них он дует* (insufflat)… — «Жест одновременно и презрения, и экзорцизма», отмечает Лавареннн.

947 *Текучей зыби стрежь Он попирал стопой…* — Ср. *Ditt.* 137 слл. и прим.

953 *Глагол безмолвным, шаг хромым нетягостный…* — Мф. 11:5.

1000 слл. Крайне неожиданный переход к развернутому рассказу о ритуале тавроболии, являющийся, однако, нашим важнейшим источником в этом вопросе (см. Богатова 1998, 177 слл.; Rohmann 2003, 251ff.). *Верховный жрец* (summus sacerdos) — архигалл (Богатова 1998, 170 слл.).

1015 *Стянув шелкову тогу на габийский лад* (cinctu Gabino sericam fultus togam). — Способ подвязывать тогу, названный в честь жителей г. Габии и употреблявшийся при религиозных церемониях; см. Клавдиан 2008, 395 сл.

1042 *Фламины* здесь означают «жрецов» вообще, как и *авгуры* ниже, ст. 1054.

1075 *…нежной бритвою* (lenibus novaculis). -Лавареннн считает странным эпитет к бритве lenis «нежная» (Томсон, исходящий из чтения *levibus*, переводит: a weII-ground razor); на наш взгляд,

у *lenis* здесь каузативный смысл — «делающая нежными», effeminans, оскопленных ею жрецов.

1085 *Металл скрывает выжженное пламенем.* — Непонятно, на что намекает Пруденций в этой строфе; С. Эльм (Elm 1996, 422ff.) указывает на параллель ст. 1076–1090 с описаниями монтанистских ритуалов (у Епифания Саламинского, Августина).

1114 сл. *Тиран* — император. *В скрижаль… вносит* (in fasces refert)… — Не очень понятно, в каком смысле тут говорится о *fasces*; Лавареннн переводит: dans ses dossiers; Томсон: in packets of records.

1131 слл. *В ведомостях есть книга та превыспренних…* — Ср. Откр. 20:13.

1136 *Хотел бы, козлищ посреди, ошуюю…* — Мф. 25:33.

XI. К Валериану епископу о страстях блаженнейшего мученика Ипполита

Биографические сведения о св. Ипполите крайне запутанны (подробности и библиографию см. Prudence IV, 159–163; Malamud 1989, 80f.). Как замечает М. Маламуд, невозможно установить с точностью, кто и откуда он был и является ли он одной личностью или смешением двух и более

— но мы можем установить несколько твердых пунктов: 1) Ипполит, живший в начале III в., был автором ряда дошедших до нас богословских произведений; 2) Ипполит, которого считают священником, был сослан вместе с римским папой Понцианом (понтификат 230–235 г.) на Сардинию в 235 г. и, как считается, умер там; 3) епископ Ипполит упомянут как мученик Иеронимом, который, к сожалению, не называет его епархии и не уточняет род смерти; 4) мартирий Ипполита был раскопан за пределами Рима на Via Tiburtina, во времена Ренессанса; на обнаруженной сидящей статуе вырезаны названия произведений Ипполита; статуя, однако, изображала не мученика, но некую женщину (возможно, философа-эпикурейца), а титулы, возможно, вырезаны в III в. христианами, воспринимавшими изваяние как изображение Мудрости; 5) рака содержит эпиграмму папы Дамаса (понтификат 366–384 г.), которая говорит об Ипполите как священнике, державшемся новацианской схизмы, но вернувшемся в кафолическую Церковь и мученически скончавшемся:

> *Молвят, что Ипполит, в пору гнета приказов тиранских,*

Саном пресвитер, всё держался в Новатовой схизме,

Меч когда посекал благочестные Матери недра.

Предан Христу, той порой, как пускался он в край благочестных

И вопрошала толпа, какой ступать им стезею,

Он отвечал, да следуют все кафолической вере.

Сим исповеданьем быть он средь наших снискал страстотерпцев.

Молвь так Дамас передал. Христос всему судиею.

Поэма Пруденция — один из важнейших ранних источников об Ипполите, «но наиболее поразительная черта в его описании мученичества остается незасвидетельствованной в более ранних рассказах — утверждение, что святой принял смерть, будучи привязан к упряжке лошадей, погнанных в противоположные стороны» (Malamud 1989, 81). Эта смерть коррелирует с этимологией имени Ипполит от hippos «лошадь» и lyo «развязывать, распускать» (distractus equis, *«растерзан конями»*, говорит Вергилий о мифологическом

Ипполите, играя с его именем: «Энеида», VII, 767). Пруденций смешивает христианского мученика Ипполита (или биографические данные нескольких) с мифологическим, выказывая то внимание к символическим потенциям имени, которое столь характерно для его эпохи. Кроме рода смерти, св. Ипполит соотносится с Тесеевым сыном в нескольких аспектах: он священник — следовательно, блюдет сексуальную чистоту; как Ипполит-Вирбий, он, фигурально говоря, воскрес из ереси в ортодоксию; Пруденций помещает его смерть на морском берегу и дает картину собирания и соединения его останков (как в «Федре» Сенеки). Пруденциевский образ Ипполита тесно связан с Распрей (Discordia, она же Ересь) из *Psych.* — и родом смерти, и вообще семантикой связывания / распадения; кроме того, параллелью к нему является легендарный Меттий Фуфетий (у Вергилия и Тита Ливия), нарушивший верность (*fides*) и наказанный тем же способом (Malamud 1989, 80-104; ср. Fux 2003, 367f.; Клавдиан 2008, 513; в связи с Сенекой о *Perist.* XI см. Palmer 1989, 188ff., о рецепции Сенеки в *Perist.* вообще — Deproost 1999; ср. Deproost 2008, 367ff.).

«В целом стихотворение, с его эпистолярным вступлением и заключением, может рассмат-

риваться как призыв к епископу Калагурры почитать римского мученика, Ипполита. Создавая такую рамку для своего нарратива, Пруденций берет на себя роль, аналогичную роли безымянного ризничего в *Perist.* IX, излагающего страсти и побуждающего к почитанию мученика» (Roberts 1993, 149; его анализ этого гимна: ibid., 148–167).

«*Perist.* XI — наиболее „александрийское“ из произведений Пруденция; здесь дается этиология культа — связанного с „мифом“ — и его описание» (Fux 2003, 347).

Размер — элегический дистих.

[5] *…злочестивая ярь* (furor impius)… — В той же позиции: Вергилий. «Энеида», I, 294.

[6] *Рим троянский…* — Ср. *Perist.* II, 445.

[8] *Эпиграмма* в первом значении — «надпись» (Цицерон. «Против Верреса», II, 4, 127), в частности, «эпитафия» (Петроний, 115, 20).

[13] *Тамо шестидесяти человек под глыбой единой* (sexaginta iIIic defossas mole sub una). — Ср. Стаций. «Фиваида», II, 568: «Четверо здесь мужей, сокрушенных под глыбой единой, Совосстенали (quattuor hic adeo disiecti mole sub una / congemuere)».

[29] *Несчастные, прочь* (fugite, o miseri). — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 639: «Но бегите, несчастные,

прочь и от брега канаты Рвите (sed fugite, o miseri, fugite atque ab litore funem / rumpite)».

35 сл. *…отвратил он от левыя паству дороги…* — Распространенный мотив двух путей, символизирующих моральный выбор (ср. пифагорейский символ Y или известный «выбор Геракла»); противопоставление правого и левого см. Мф.25:31–46 (ср. *Perist.* X, 1136 слл.), а с языческой стороны — «Энеида», VI, 540 слл. (под влиянием Платона, «Горгий» 524a). Подробнее см. Fux 2003, 356.

39 *…устья Тибрского* (ostia… Tiberina)… — Ср. «Энеида», I, 13.

43 *…в стенах высокого Рима* (celsae intra moenia Romae). — Ср. «Энеида», I, 7.

45 *Яникул топким когда и форум, Субуру и ростры…* — *Яникул* (на правом берегу Тибра), вне городских стен, упомянут в противоречие с *intra moenia* в ст. 43. *Субура* (район с дурной славой, ср. Ливий, III, 13, 2; Персий, V, 32) между Эсквилином, Квириналом и Виминалом — на левом берегу. Форум — место судебных процессов (ср. *Perist.* VI, 18) и казней (*Perist.* I, 177; VI, 128); на *рострах* между *Forum Romanum* и комицием выставляли головы и руки знаменитых казненных (Fux 2003, 358).

[48] *В те места, что лежат гавани подле морской.* — Речь об Остии или Порто, см. Fux 2003, 357, 359.

[65] *…подымет на воздух* (tollat in auras)… — Та же клаузула: Овидий. «Фасты», III, 239; ср. Вергилий. «Энеида», XI, 455.

[69] *…на ладье… щелистой* (rimosae… cumbae)… — Ср. описание загробного челна в «Энеиде», VI, 413 сл.

[74] *Челнокрушенья… изопьют* (bibant… naufragium). — Ср. *Perist.* I, 50; III, 160; X, 630. Этот образ допускает бурлескную насмешку над кораблекрушением мучеников — в своем роде инверсию остроты св. Лаврентия в *Perist.* II, 406 (Fux 2003, 364).

[93] *…в табуне… изловлен* (e grege captum). — Ср. Овидий. «Героиды», IV, 22: «Еле сносит узду в стаде изловленный конь (frenaque vix patitur de grege captus equus)».

[107] *Тут побуждают коней незапным кликом и плетью* (instigant subitis clamoribus atque flagellis). — Ср. Вергилий. «Энеида», V, 227 сл.

[115] *Реют по дебрям они, по скалам, их речной не замедлит Берег* (per silvas, per saxa ruunt, non ripa retardat / fluminis)… — Ср. Клавдиан. «Гильдонова война», 472 сл. (эта параллель позволяет датиро-

вать *Perist.* XI после 399 г., когда написана поэма Клавдиана).

119–122 *Плоти разбитой куски…* — Образец — «Федра» Сенеки, ст. 1093 сл., 1102 слл.; ср. *Perist.* V, 445 слл.

123–144 *Образ злодейства сего на стене начертан…* — «Пруденциевский экфрасис интригует, поскольку он разрушает свою собственную раму, стирая грань между описываемой картиной и описывающей ее поэмой. Пруденций создает впечатление, что картина обнимает весь остаток поэмы, включая могилу святого и даже самого поэта, который позже появляется как персонаж, созерцающий зеркальную гробницу в центре захоронения. Картина, описываемая Пруденцием, есть средство, позволяющее ему шагнуть от мира христианской истории к миру классического мифа, ибо произведение искусства образует пространство, где два мира встречаются» (Malamud 1989, 86). Ср. Viscardi 1997; MiIIer 2000, 223ff. См. также прим. к *Perist.* II, 481 слл.

127 *…папа благий* (optime papa)… — В древности титул «папа» мог применяться не только к римскому епископу, но ко всем.

128 *Знаки пурпуровые* (purpureasque notas)… — То же полустишие: Овидий. «Метаморфозы», VI, 577

(о тканье Филомелы).

131 *Зрелося там* (cernere erat). — Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 596; VIII, 676.

136 *Полня складки одежд плотью раздранной его* (implebantque sinus visceribus laceris). — Ср. «Энеида», X, 819.

151 *Остию бросив* (Ostia linquunt)… — *Остию* можно понимать и как топоним, и нарицательно, «устье Тибра».

155 слл. *Снити по степеням нисходящим…* — Анализ пруденциевского описания катакомб см. Malamud 1989, 104–110 (модификации общего для *Perist.* XI мотива блуждания, связанного с темой ереси, и мифологические импликации лабиринта). Этот пассаж сравнивают со впечатлениями блаж. Иеронима: «Когда я был мальчиком в Риме и занимался свободными науками. Я привык по воскресеньям обходить гробницы апостолов и мучеников; и часто входил я в крипты, выкопанные глубоко в земле, где по обеим сторонам вдоль стен тела погребенных и до того всё во мраке, что чуть ли не исполняется оное пророческое слово: *Снидут в преисподняя вживе* (Пс. 55:15): и редко нисходящий свет — кажется, не окном, но скважнею пропущенный — умеряет ужас мрака, но начни снова двигаться шаг за шагом, и обступает

слепая ночь, и приходит этот Вергилиев стих: *Страх отовсюду душе, и само молчанье ужасно* (Энеида, II, 755)» («Комментарий на Иезекииля», 40; PL 25, 375). Сходство не только в игре тьмы и света, но и в изображении амбивалентного места, где накладываются друг на друга классические и христианские образы. Ср. еще Roberts 1993, 158ff.

165 *…горы… чрево* (viscera montis). — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 575; Клавдиан. «Похищение Прозерпины», I, 176.

174 *Брашном питает святым…* — Речь о Евхаристии.

183–186 *Оную сбрую души в своей хранящая глуби…* — Об этой раке с зеркальными стенками, стоящей в центре могилы, см. Malamud 1989, 110–113.

184 *Киворий* (aedicula) употребляем здесь в смысле «ковчежец», как относительный синоним раки.

187 *…камнем паросским* (Pariis. saxis)… — Паросский мрамор был наиболее прославленным; эпитет *Parius* означает высшую роскошь (ср. Вергилий. «Георгики», III, 34; Гораций. «Оды», I, 19, 5; *Perist.* XII, 51; ср. *Symm.* II, 246).

189 *Утром текут для приветствий* (mane salutatum concurritur). — Ср. Марциал, II, 18, 3;

Вергилий, «Георгики», II, 462 (ср. ниже, комм. к ст. 227).

194 *…лица слезами росят* (fletibus ora rigant). — Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 699; Овидий. «Метаморфозы», II, 419; XI, 419; Венанций Фортунат, *Carm.* VI, 5, 203.

196 *…рождения день…* — Смерть мученика рассматривается как его рождение для небесной жизни.

199–212 *Град высочайший своих лиет и вержет квиритов…* — Образец — Павлин Ноланский (*Carm.* XIV, 55–78), с его каталогом паломников, приходящих в Нолу на праздник св. Феликса. См. Fux 2003, 398ff. *Град высочайший* (urbs augusta). — Ср. Авсоний. «Мозелла», 421.

215–226 *Есть вблизи и другой…* — Анализ экфразиса в аспекте тектоники см. Таруашвили 1998, 284–286.

219 Клаузула *laquearla tecti* — Вергилий. «Энеида», VIII, 25; Валерий Флакк, V, 243.

225 *У противной страны* (fronte sub adversa). — Т. е. у противоположного фасада (с точки зрения прибывающих паломников). Ср. Вергилий. «Энеида», I, 166.

227 *Дом сей полный едва помещает теснящиеся волны* (plena laborantes aegre domus accipit

undas). — Ср. Вергилий. «Георгики», II, 460 сл.

231 *…прекраснейший Рим* (pulcherrima Roma). — Та же клаузула: Вергилий. «Георгики», II, 534; ср. Марциал, X, 103, 9.

232 *Августа в иды.* — Т. е. 13 августа. День памяти св. Ипполита, а также св. Кассиана (*Perist.* IX).

239 слл. Анафора *sic te… sic tibi… sic me… sic* (v. 239, 241, 243, 245) оформляет торжественную мольбу; см. Клавдиан 2008, 318. *…чья жизнь в твои предана руки* (cuius tibi credita vita est). — Ср. Овидий. «Героиды», VI, 30.

240 *…внемлет всемощный* (audiat omnipotens). — Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 220.

241 *Так у тебя от полныя волк отженется овчарни* (sic tibi de pleno lupus excludatur ovili)… — Ср. Ин. 10:11–12; сравнение Турна с волком («Энеида», IX, 59), а также Венанций Фортунат, Carm.III, 13, 25.

XII. Страсти апостолов Петра и Павла

Самый короткий гимн *Perist.*, посвященный величайшим апостолам, основателям римской Церкви, содержит быстрый и обобщенный рассказ об их мученичестве, дополненный экфрасисом посвященных им церквей. Кроме пруденциевского, существует гимн о страстях

обоих апостолов, атрибутируемый Амвросию Медиоланскому (PL 17, 1215), а средневековая гимнография представлена произведениями Флодоарда, Ноткера, Адама Сен-Викторского и др.

Анализ воплощенной в гимне модели христианского *согласия* (concordia) см. Roberts 1993, 167–187; см. также Roberts 2001, 558–560 (о метонимическом образе Рима).

Размер — дистих, образованный из большого архилохова стиха и ямбического каталектического триметра (ср. Гораций. «Оды», I, 4).

[5] *День обоих один* (unus utrumque dies)… — С темами этого гимна ср. Овидий «Фасты», I, 290–294. Пруденций считает, что апостолы скончались в один и тот же день с разницей в год; то же мнение высказывает Августин (PL 39, 1683), Аратор («О деяниях апостолов», II, 1247 слл.; PL 68, 246) и Григорий Турский («О славе мучеников», 29; PL 71, 729); обычно считается, что они приняли кончину в один день одного года. Эта деталь «привлекает внимание к провиденциальному согласию между исторически раздельными актами, настаивая на исходной двойственности, из которой сотворено единство» (Roberts 1993, 169).

[7-10] *Ведает Тибрская топь*… — «Священная география христианского Рима представлена в

схематической и символической форме: гробницы Петра и Павла иератически размещены на правом и левом берегах Тибра (ст. 31, 45–46, 62). Тибр не только сводит вместе могилы святых географически здесь и сейчас, он также является диахронической связью с минувшей историей страстей… Тибр играет роль аутентичного свидетеля мученичества» (Roberts 1993, 170). Это христианская модификация образа реки-свидетеля, широко задействованного, например, в клавдиановских панегириках (Шмараков 2006, 82 слл.). *Тибрская топь* (Tiberina palus) — намек на заболоченные берега Тибра. *…чьи катятся струи недалече…* — Тибр течет близ базилики Сан-Паоло-фуори-ле-Мура.

[8] *Трофей* (tropaeum) часто обозначает у Пруденция «победу»; ср. *Perist.* III, 138; IV, 154; *Cath.* VI, 104; IX, 83, etc.

[10] Согласно традиции, апостол Петр был распят на правом берегу Тибра, а апостол Павел обезглавлен на левом; *в тех же травах* (easdem… per herbas) значит «в травах тибрской долины».

[14] *Учитель* — Христос.

[19] *…в небеса со смирением вход торится скорый…* — Ср. Иов 22:29; Притч. 29:23; Лк. 18:13–14; *Psych.* 290.

[20] *Отдать готовясь дух, лицом склонился.* — Ср. Ин. 19:30.

[24] *… учителяязыков* (gentium magistrum). — Ср. *Perist.* II, 461 и прим.

[26] *«К Христу грясти мне должно, разрешаюсь»* («Ad Christum eundum est, iam resolvor», inquit). — Ср. Фил. 1:23; 2 Тим. 4:6.

[33 сл.] *Ибо, от бровки скалы воздымаяся, породила влага Бессмертный ключ…* — Аллюзия на чудо, совершенное Моисеем (Исх. 17:6); см. Fux 2003, 423.

[37] *Погребение* (tumulus) — церковь, в которой находилась гробница.

[43 сл.] *Пастырь сам поит овец от прохладности кладезя студена…* — Ср. Откр. 21:6. Метафора должна означать, что епископ пользуется водой этого бассейна для таинства крещения (ср. ст. 34).

[47] *…владыкою храм воздвигнут добрым…* — Первая базилика была воздвигнута Константином; Пруденций видел новую, которую начал перестраивать и расширять Феодосий (386 г.) и закончил Гонорий (базилика существовала до пожара 1823 г.). Об аллегорическом смысле экфрасиса см. Smith 1976, 49.

[49–54] *Крыты червонным листом все мати-*

цы… — Этот пассаж М. Робертс (Roberts 1989, 75f.) приводит в пример того, как в позднеантичной поэзии «параллелизм между мозаикой и литературой простирается даже до описательной терминологии»: сравнение с лугом, испещренным цветами, применяется и в экфрасисах, как здесь (ст. 54), и применительно к поэтическим произведениям.

58 *В двух празднествах день блещется единый* (lux in duobus fervet una festis). — Ср. Стаций. «Сильвы», 1,2,230: «Оба кипят уж праздничной пышностью дома (iam festa fervet domus utraque pompa)».

61 сл. *Поприщем пойдем моста Адрианова на противный берег.* — Т. е. к Ватикану, где находится церковь св. Петра. *Затем на леву сторону потока* (laevam deinde fluminis petemus). — Где находится церковь св. Павла. Ср. Вергилий. «Энеида», III, 563.

64 *…мольбы сугубит* (duplicatque vota). — Ср. Вергилий. «Энеида», VIII, 556.

XIII. Страсти Киприана

Св. Киприан, ставший епископом Карфагенским в 248/249 гг. и претерпевший мученическую кончину в сентябре 258 г., — один из извест-

нейших и плодовитых церковных писателей доникейского периода (см. напр. Фокин 2005, гл. III) и лицо, чья жизнь, деятельность и кончина засвидетельствованы детально (в частности, его мученичество отражено в сохранившихся *Acta proconsularia*); но, кроме того, это, вероятно, самый разительный пример деформации, совершенной Пруденцием с его историческим материалом. Сознательно или следуя уже сложившейся традиции (аналогичная ошибка сделана в 24-й гомилии св. Григория Богослова, 379 г.), но Пруденций смешивает Киприана Карфагенского с романическим персонажем, Киприаном Антиохийским, чародеем, обратившимся ко Христу (одним из важнейших предшественников Фауста в европейской литературе). Кроме того, с мученичеством Киприана Пруденций соединяет первоначально самостоятельную историю о трехстах мучениках, отказавшихся принести жертву идолам и прыгнувших в ров с негашеной известью. Эта легенда о мучениках, известных под общим именем *Candida Massa*, «белая масса», связывалась не с Карфагеном, а с Утикой.

Марта Маламуд указывает, что соединение двух Киприанов, «респектабельного епископа» и мага-соблазнителя, позволило Пруденцию разра-

ботать этимологические ассоциации: *Cyprianus* выводится из *Cypris* «Киприда», одного из имен Венеры; важность эротических ассоциаций сигнализируется введением слова *amor* в строке, следующей за первым упоминанием имени Киприана (*amore et orenostrum*, ст. 3).

Облик Киприана до обращения (длинные волосы, нежная кожа, прекрасное юное лицо) сближает его с типом прекрасного, но обреченного юноши, воплощенным в горациевском Лигурине («Оды», IV, 10), стациевском Эарине («Сильвы», III, 4) и в мифологических Аттисе, Нарциссе и пр., обобщаемых формулой *sterilis amor*, «бесплодная любовь». Чары Киприана давали ему неоспоримую силу в любовной сфере, но это сила не порождения, но обольщения, ведущего к разрушению социального порядка (см. ст. 24); Пруденций изображает Киприана as an Adonis-like sterile seducer. После внезапного обращения, характеризующегося моментальным переходом из молодости в старость, Киприан, сохраняя все символические потенции своего не изменившегося имени, остается носителем обольщающей силы, хотя перенаправленной: он воодушевляет своих последователей силою речи.

Африка в дни Пруденция была ареной донатист-

ского раскола, причем обе стороны апеллировали к авторитету Киприана; таким образом, схизма оказалась спроецирована на его фигуру, делая ее амбивалентной. В изображении Карфагена Пруденций прибегает к ресурсам классической поэзии, именно к Вергилию (IV книга «Энеиды») и Силию Италику. «Сила Киприана — сила *любви*, и Карфаген связан, и в „Энеиде“, и в „Пунике“, с любовным безумием». Инфернальные мотивы в описании карфагенских узилищ (ст. 51 сл.) напоминают описание храма Дидоны у Силия (I, 81–98); Карфаген Вергилия и Силия — «центр мира эротической магии, роковой любви, некромантии и человеческих жертвоприношений». Пруденций показывает, что страсть, одушевляющая святого и его последователей, — вид безумия, ведущего не к единению с Богом, но к саморазрушению и бесплодию. Эпизод с *Candida Massa* ориентирован на начальную сцену овидиевских «Метаморфоз», но если у Овидия хаос расчленяется и оформляются отдельные стихии и вещи со своими несмешивающимися свойствами и твердым местом в мироздании, то у Пруденция, наоборот, стихии меняются характеристиками (ст. 78, 84) и отдельные вещи погружаются в нерасчлененное состояние.

«Эта поэма, более чем любая другая в „Перистефаноне“, есть рефлексия на само мученичество… Мы вынуждены, кажется мне, заключить, что Пруденций был сильно — даже резко — настроен против некоторых форм мученичества, именно такого, которое мотивировано побуждением к самоуничтожению или неверно направленной страстью». Хотя он не упоминает донатистов, но Африка как место действия и выбор Киприана, излюбленного донатистами мученика, указывает на то, что африканская схизма и хорошо известная склонность донатистов к мученичеству (ср. особенно экстремизм циркумцеллионов) вдохновляли это произведение Пруденция (Malamud 1989, 115–148).

Размер — большой архилохов стих.

2–4 Три стиха, связанных детально проведенным параллелизмом (см. Fux 2003, 437), построены на антитезе частной локализации и всемирного влияния.

5–8 *Жить из тела один оставшися…* — Анализ этого гротескного образа «выжившего языка» см. Malamud 1989, 117–121 (ср., в частности, *Perist.* X, 896–910: эти два пассажа являются инверсиями друг друга). Ср. Roberts 1993, 123f. *…он один не сгибнет, Роду людскому доколь и мирови быть*

Христос дозволил. — О связи этого пассажа с темами горациевского «Памятника» («Оды», III, 30) см. Roberts 1993, 122.

[9] *Оный Божий Дух, преизлившийся древле на пророки…* — Ср. Евр. 1:1 и Никео-Константинопольский Символ веры.

[11] *…снеговбелейшие* (nive candidius). — Ср. *Perist.* III, 162. Семантика разворачивается далее: «белейшее снега» красноречие Киприана побуждает мучеников броситься в известь (сравниваемую со снегом, ст.78) и обрести белизну (*candor,* ст.86). Белизна — признак ангельских полков (*Perist.* V, 373 сл.), вещей, возносящихся на небо (*Perist.* I, 89) и пути, которым всходит ввысь св. Агнесса (*Perist.* XIV, 93); см. Fux 2003, 440.

[14] *Так он нам Бога дает почувствовать…* — Т. е. Киприан своим красноречием.

[20] *…страха дела* (timoris opus). — Выражение допускает разные понимания: «Ветхий Завет» (где действует страх перед Богом, в противоположность Новому Завету как царству любви) или же это намек на библейскую фразу «Начало мудрости — страх Господень» (Пс. 110:10; Притч. 1:7).

[25–27] *Вдруг Христос обуздал сладострастия оную яризну…* — Обращение Киприана описывается перечислением: 6 действий Христа,

связанных асиндетоном; три отрицательные (cohibet, discutit, peIIit), три положительные (implet, dat, dat); это оттенено вариацией (вторжение символического мотива в ст. 26; двойная, а не тройная, анафора dat); Пруденций избегает монотонности: в ст.27 любовь, вера и раскаяние — не три богословских добродетели (Fux 2003, 443f.). *Мрак… разреявши* (discutit et tenebras). — Ср. Сенека. «Фиест», 899 сл.; Валерий Флакк, IV, 662.

[35] *Валериан в те лета государствовал купно с Галлиеном.* — П. Лициний *Валериан*, император в 253–259; при его вступлении на престол сенат провозгласил *Галлиена* Цезарем сенат, а вскоре отец — Августом. Об антихристианских эдиктах Валериана и вызванных ими гонениях (когда, в частности, погибли Киприан Карфагенский, Фруктуоз Тарраконский, Сикст II и Лаврентий) см. напр. Болотов II, 126–131.

[37] *Мерзостных тысячи чтить повелено земнородных тварей.* — Идолов, сделанных из камня, дерева, металла.

[41–45] *Сколь мученья легки…* — Ср. Римл. 8:18; *Perist.* VI, 94 слл.

[46] *…путеводцем крови* (ducem cruoris). — Пролитие мученической крови произойдет по увещанию Киприана, названного *dux* «вождь»

(обозначение императора в *Perist.* II, 47), подобно епископу Фруктуозу (VI, 10), диакону Роману (X, 62) и пресвитеру Ипполиту (XI, 37). Ср. однако, прим. к ст.88.

50 сл. *Проконсула* — Галерия Максима. *…тирийского… Карфагена…* — Поскольку он основан Дидоной, пришедшей из Тира.

54 *…призывает имя* (nomen… invocat). — Библеизм; см. Быт. 12:8; Пс. 104:1; Деян. 2:21.

55 слл. *О всемогущий… родителю* (Omnipotens genitor). — Ср. «Энеида», X, 668. *…возлюбивший их, гибнуть не дающий!* — Иез. 18:23; 1 Тим. 2:4; ср. *Cath.* VII, 103 сл. *…змеиною… отравой* (vipereis. venenis). — Ср. Лукан, IX, 635. Намек на первородный грех, сатану (ср. *Perist.* II, 239 сл.), возможно, на магические зелья. *…омыл Ты* (abluisti). — Ср. Пс. 50:4, 9; Деян. 22:16. Мотив крещения (ср. *Perist.* VIII, 6). *Новый из ветхого став…* — Ср. Кол. 3:9-10.

75 *К славе любовью влещись* (laudis amore rapi). — Ср. *Psych.* 279. О классической традиции *любви к славе* (laudis amor) см. Malamud 1989, 139f. (на примере вергилиевского эпизода с Нисом и Эвриалом); Маламуд усматривает авторскую иронию в том, что, вдохновляясь такой героической ценностью, как любовь к славе, имеющей принципиально индивидуальный характер,

последователи Киприана и при жизни описаны совершенно недифференцированно, и по смерти делаются *praeceps globus* («headlong mass»). М. Робертс, однако, иронию в изображении *Candida Massa* оспаривает (Roberts 1993, 114f.). О преимущественной связи пруденциевской юнктуры *laudis amore* с Горацием («Послания», I, 1, 36) см. Fux 2003, 455.

[78] *Огнем камни дышат каленые, снежный прах пылает.* — «Пруденций дает фантастическое описание рва — нечто вроде вулкана (ср. Лукреций, I, 724) или входа в преисподнюю» (Fux 2003, 456).

[81] *…соль крупицею.* — Ср. *Perist.* III, 122–124.

[86] *…белизна влечет души их на небо* (candor vehit ad superna mentes). — Т. е. святость.

[88] *Фасций* (Thascius) — Киприан, чье имя было Фасций Цецилий Киприан. *О кончине своих ликовствующий.* — М. Робертс обращает внимание на то, что Киприан, этот образцовый епископ «Перистефанона», единственный принимает смерть не *до* своей паствы (ср. прим. к *Perist.* II, 21 слл.), а *после* (в противоречие, заметим, его обещанию в ст. 46). Робертс объясняет это тем, что «епископ ведёт прежде всего не примером и действием, а словом», и напоминает об акценте, поставленном на учительстве Киприана (Roberts 1993, 117f.).

[90] *Единочтитель* (unicultor). — Т. е. почитатель единого Бога; неологизм Пруденция.

[93] *Перун Юпитеров* (Iovis fulmen) может быть метафорой светской власти, служащей язычеству. См. Fux 2003, 459.

XIV. Страсти Агнессы

Римская дева-мученица Агнесса составляет в *Perist.* пару испанской деве-мученице Евлалии (см. Roberts 1993, 101f.). Смерть Агнессы, одной из самых знаменитых римских мучеников, обычно относят к 304 г.; свидетельства о ней, предшествующие гимну Пруденция, — трактат Амвросия Медиоланского «О девственницах, к сестре Марцеллине» (ок. 377 г.) и эпиграмма папы Дамаса (PL 13, 402), дающая мало деталей:

> *Молвь таковую гласит святых родителей повесть:*
>
> *В час, как зловещую песнь труба возгремела, Агнесса*
>
> *Дева внезапно своей оставила матери лоно;*
>
> *Волей мрачного ярь и угрозы тирана попрала.*

Огнем когда восхотел он спалить благородное тело,

Силою малой она одолела страх неизмерный,

Плоть разлиявшимися одела нагую власами,

Дабы смертно лицо не зрело храма Господня.

Ясная слава стыда, благодательница досточтима,

Склонна к Дамаса мольбам будь, молю, знаменитая дева.

У Дамаса Агнесса осуждена к костру (у Пруденция — к обезглавливанию); эпизода с волосами, прикрывшими ее наготу, нет у Пруденция, но он есть в позднейших повествованиях. Амвросий рассказывает, как Агнесса была обезглавлена, и говорит, что множество людей желало взять ее в жены, а упоминая Агнессу в другом произведении («Об обязанностях священнослужителей», I, 41), говорит, что Агнесса, угрожаемая опасностью потерять две величайшие ценности, целомудрие и жизнь, целомудрие сохранила, а жизнь обменяла на бессмертие. На что он намекает, неясно. Гимн Агнессе, приписываемый св. Амвросию (PL 17,

1210), ограничивается прославлением ее отваги и скромности. Если Пруденций и знал эти тексты Амвросия и Дамаса (сопоставлению трактовок посвящена статья Burrus 1995; относительно Амвросия, в связи с возможным пребыванием Пруденция в Медиолане, см. Palmer 1989, 24ff., 250ff.), то мало опирался на них. М. Маламуд, посвятившая этому гимну главу монографии (Malamud 1989, chap. 6), указывает, что эпизод с девой, отданной судьей в публичный дом, но сохранившей девство благодаря божественному вмешательству, есть у младшего современника Пруденция, Палладия («Лавсаик», 65), но Пруденций первый связал эту историю с именем Агнессы (см. ниже, прим. к ст. 1). М. Лавареннн (Prudence IV, 193) приводит свидетельство Тертуллиана («Апологетик», 50: *nam et proxime ad lenonem damnando Christianam potius quam ad leonem*) в подтверждение того, что эта ситуация не совсем неправдоподобна (хотя напоминает скорее «Контроверсии» Сенеки Старшего); ср. Fux 2003, 472, 474.

О жанровой природе *Perist.* XIV см. статью Gosserez 2002, где анализируется соединение в этом тексте гимна, проповеди и экфрасиса; в отношении последнего заметим, что если гимн

и строится как «последовательность 6 сцен или симметрических медальонов (процесс, вынесение приговора, чудо со слепым юношей, вызов [le défi], обезглавливание, взлёт) и седьмой картины (tableau): сцены увенчания, которая может соответствовать центральному изображению (иконы — *Р.Ш.*)» (ibid., 194), это не дает оснований говорить о жанровой специфике. Аналогичные *tableaux* Алан Кэмерон находил у Клавдиана (Cameron 1970, 269–273); о позднеримской поэзии вообще см. Roberts 1989.

Размер — алкеев одиннадцатисложник κατα στίχον, до Пруденция примененный Клавдианом в первой из четырех фесценнин на брак Гонория (см. Клавдиан 2008, 472). В этой отсылке к Клавдиану усматривают скрытое противопоставление двух 12-летних дев, выдаваемых замуж: Мария, дочь Стилихона, невеста Гонория — и Агнесса, Христова невеста (Fux 2003, 465).

[1] *…в Ромуловом дому.* — В Риме. В первом же стихе Агнесса связывается с именем Ромула; сцена с борделем, введенная в легенду об Агнессе Пруденцием, имеет подтекстом миф о волчице, воспитавшей Ромула и Рема. Ливий (I, 4, 2–8) приводит рационализирующую версию этого мифа, связанную с тем, что лат. *lupa* значит и

«волчица», и «проститутка» (в параллель приводят обычно русское «шкура»). «То же удвоение совершается у Пруденция, ибо Агнесса, нетронутая дева, вынуждена принять роль проститутки, делающую ее этимологически вместе и девственной блудницей, и овцой (*agnus*) в волчьей шкуре» (Malamud 1989, 156). Маламуд подчеркивает, что сюжет гимна (как и в случаях с Ипполитом и Киприаном) определен игрой с именем Агнессы, которое Пруденций ассоциирует с греч. hagne «чистая», и лат. agna «агница». «Кажется, для Пруденция язык перегружен значениями. Слова для него являются сущностями: не простое совпадение, что он стал изобретателем аллегории с персонификациями. Его поэзия оперирует своеобразным семантическим детерминизмом: его героям, кажется, предопределено реализовать весь потенциал их имен» (ibid., 152, 180).

[3] *Градских пред взором башен схоронена…* — Могила Агнессы на Номентанской дороге, в 2 км от Porta Pia.

[7] *Венец сугубый* (duplex corona). — Этот лейтмотив (см. ст. 34–37, 81–84, 119–123) навеян Амвросием («Об обязанностях», I, 41, 203; «О девственницах», 1, 2, 5, 9).

[9] *Засим и слава смерти свободныя* (mortis deinde

gloria liberae). — Ср. Гораций. «Оды», IV, 14, 18.

[12] *Христом пылая* (Christo calentem). — Ср. *Perist.* VI, 21; X, 732 сл.; XIII, 49. Смелое выражение: calere *cum Abl.* имело эротический смысл (Fux 2003, 470).

[15] сл. *На разный прежде лад искушаема — То речью льстивой вкрадчивого судьи…* — М. Робертс замечает: «Преследователь Агнессы играет роль Киприана до его обращения… *Perist.* XIII и XIV дополняют друг друга; последний трактует полнее и с точки зрения женщины — объекта вожделения, вопрос о мужской сексуальности и о способности христианской девственницы противостоять обольщению, имплицитно поставленный, но не решенный, в *Perist.* XIII» (Roberts 1993, 120f.).

[24] *…посвященна девства* (dicatae virginitatis). — В 12 лет (возраст легального брака) можно было посвятить свою жизнь Богу; ср. Амвросий. «О девственницах», 1, 10, 58.

[27] слл. *Искать Минервы милость не примется…* — О мифологических импликациях, связанных с этим неожиданным обвинением в преимущественном оскорблении Минервы, см. Malamud 1989, 159ff. Как девственница, противопоставленная Минерве, Агнесса соотносится, в частности, с Медузой Горгоной (миф рассматривается в ови-

диевском изложении): мотивы изнасилования, обезглавливания и смертельно опасного взгляда. Ф. Цейтлин (Zeitlin 1982, 147) квалифицирует суть Горгоны как «„genitalized“ head», указывает на ее апотропеическую функцию в военной магии и сравнивает с поведением женщин осажденного города, которое Плутарх («О доблести женской», ликиянки и Беллерофонт) описывает под названием *anasyrma* (они поднимали подолы, показывая врагу гениталии, — действие с тем же парализующим эффектом, что и взгляд в лицо Медузе). Агнесса отправлена в лупанар, Медуза изнасилована Посейдоном, и в результате обе наделяются парализующей силой: публичная обнаженность Агнессы действует как *anasyrma*. При этом Агнесса наделяется атрибутами мужской силы: сцена с парализованным юношей — инверсия мифа о Семеле, где Агнесса играет роль Зевса (ст. 46, *en ales ignis fulminis in modum*, содержит аллюзию на Горация, «Оды», IV, 4, 1 sq., укрепляя подтекстуальную связь с Зевсом отсылкой к другому его любовному приключению).

Специально о мотиве «похотливого взгляда» в мартирологических повествованиях см. Frankfurter 2009.

[28] *Днесь, дева, ею — девой — гнушаяся* (quam virgo

pergit temnere virginem). — Полиптотон *virgo… virginem* напоминает Овидия, «Метаморфозы» XIV, 468: a virgine virgine rapta. Речь идет о Кассандре, отторгнутой Аяксом Оилидом от алтаря Афины (*Минервы*) и изнасилованной (Аполлодор, «Эпитома», V, 22; Вергилий. «Энеида», II, 403 слл.; Проперций, IV, I, 117 сл.). Кассандра, таким образом (боговдохновенная дева, вынужденная прибегнуть к покровительству Минервы, чтобы избежать насилия), должна считаться одним из мифологических образцов для пруденциевской Агнессы.

55 *…чистым блудилище* (castum lupanar). — Оксюморон, варьируемый в ст. 129 (castum. fornicem).

69–84 Тирада Агнессы, «досадным образом лишенная простодушия» (qui manque fâcheusement de simplicité), как говорит Лаваренн, — вершина сексуальной образности, наполняющей гимн; ее анализ см. Malamud 1989, 153f., 169f. (среди прочего — параллели с «Федрой» Сенеки). Гимн в целом представляет собой разыгрывание определенной модели девства; маргинальность Агнессы, «колеблющейся между двумя сексуальными крайностями», чистотой и проституцией, замкнутостью и агрессией, связана с тем, что

Пруденций прикладывает античную парадигму сексуальности как основы для воспроизводства (в рамках которой и чрезмерное воздержание, и внебрачный секс представляли угрозу для гражданской жизни) к новой концепции девства как высшей добродетели (ibid., 166–169; возражения на трактовку, предложенную М. Маламуд, см. напр. Gosserez 2002, 191f.).

79 сл. *…перепряну я Небес все мраки, выше эфира став* (transiliam poli / omnes tenebras aethere celsior). — «Более радикальный, чем стоический катастеризм, этот „апофеоз“ даст мученице перейти на ту сторону небесного свода (*aethere celsior*), рассматриваемого как мрачный (*poli… tenebras*, едва ли не оксюморон: *polus* — это ясное небо, озаряемое светилами). Ср. *Ham.* 849–853» (Fux 2003, 483).

94 слл. *Дивится, узрев мир, под стопой простерт…* — Ср. Вергилий. «Буколики», V, 56 сл. и вознесение души Помпея и его взгляд сверху на земной мир у Лукана, IX, 2 слл. Об этом видении Агнессы в композиции гимна см. Gosserez 2002, 193. О параллели между ст.94–95 и Данте («Рай», XXII, 128 сл.) см. Fux 2003, 487f.

96 *…солнца… круг* (solis…rota). — Букв. «колесо солнца»; ср. Лукреций, V, 432, 564.

[98] *Вещей… в черном вихре* (rerum. atro turbine). — *Ater turbo* у Вергилия, «Энеида», I, 511; X, 603; XII, 923; *rerum turbo* — у Овидия, «Метаморфозы», VII, 164, и Сенеки, «Агамемнон», 197.

[113] *И попирает змию пятой главу.* — Т. е. дьяволу. «Как в *Perist.* II, 501–508, мученичество предстает апокалиптическим сражением; экзегеза Быт.3 и Откр.12 сообразно моральному смыслу позволяет отождествить св. Агнессу с новой Евой (ср. Быт. 3:14–15)» (Fux 2003, 491).

[119 слл.] *…сугубым лик страстотерпицы Венцом объемлет Бог…* — Первый венец — награда девства, второй — мученичества. *Шесть крат в одном есть десятеричная Награда…* — 60-кратный и 100-кратный плод — аллюзия на Мф. 13:8. Ср. Киприан Карфагенский, «Об одеянии девственниц», 21: «Первый плод, сторичный, — мучеников; второй, шестидесятеричный, — ваш».

[124] *Блаженна дева* (o virgo felix). — Ср. апострофу вергилиевской Андромахи к Поликсене («Энеида», III, 321): O felix una ante alias Priameia virgo. Как реинтерпретация классического (Вергилий, Овидий, Еврипид, Сенека) образа Поликсены пруденциевская Агнесса рассматривается в ст.: Burrus 1995, 39ff.

[133] *…стопою тронувши* (pede tangere)… — *Pede*

в той же позиции стоит в ст. 112; «с жестокостью победоносного жеста, направленного против демона, коррелирует кротость очистительного жеста для верного христианина» (Fux 2003, 496).

Диттохеон

1 слл. Быт.3:6, 21. *Фиговый вскоре покров нагим дал змий-победитель.* — В Быт. 3:7 об участии змия (Сатаны) в этом эпизоде не говорится. Надо полагать, это было деталью картины; сам Пруденций не упоминает змия, излагая тот же эпизод в *Cath.* III, 119–120.

5 слл. Быт. 4:3–5. Тот же сюжет детально разработан в Ham.1-31. *Братьев… приношения Бог* (fratrum sacra Deus)… — Ср. Стаций. «Фиваида», XI, 243. *…в Авеле образ Нашей души, а плоть воплощается в Каине наша* (in Abel / forma animae exprimitur, caro nostra in munere Caïn). — Это аллегорическое толкование поддержано аллитерацией: Abel — anima, Caïn — caro.

9 слл. Быт. 8:6-11. *…ветку… маслины зеленой* (ramum viridantis olivae). — Ср. Овидий. «Героиды», XI, 67; «Метаморфозы», VIII, 295; Силий Италик, XIII, 69; Стаций. «Фиваида», II, 478.

13 слл. Быт. 17:1-15. *Гостеприимство Господь здесь вкушал.* — Т. е. Бог-Сын; ср. *Apoth.* 28–30.

17 слл. Быт. 22:1-16 *…погрести… Кости* (conderet ossa). — Клаузулу ср. Силий Италик, IV, 77. *…за тысячи многи Он приобрел* (milibus emptum)… —

Клаузула: Гораций. «Послания», II, 2, 165.

21 слл. Быт. 40. *Патриарх* — Иосиф.

25 слл. Быт. 36:26 слл., 43:1 слл., 44:4 слл.

29 слл. Исх. 3:2, 5; 4:3, 20; 7:9. Ср. *Cath.* V, 31 слл.; *Apoth.* 55 слл.; *Perist.* VI, 86 слл.

33 слл. Исх. 14:16 слл. Ср. *Cath.* V, 45 слл.; *Perist.* V, 481 слл. …*в море великом* (per mare magnum). — Ср. Лукреций, III, 1029; Вергилий. «Энеида», V, 628.

37 слл. Исх. 19:18; 32:1 слл. Ср. *Cath.* XII, 155 слл.

41 слл. Исх. 16:13 сл. *Праотцев* (patrum) — ср. *Psych.* 372. *Подлинно дело* (certa fides facti). — То же полустишие: Овидий. «Фасты», VI, 609.

45 слл. Числ. 21:6–9. *Черными змиями путь кипел сухой средь пустыни* (fervebat via sicca eremi serpentibus atris). — Клаузула *serpentibus atris*: Вергилий. «Энеида», IV, 472; Овидий. «Метаморфозы», XIV, 410; Ювенал, V, 91.

49 слл. Исх. 15:23–25.

53 слл. Исх. 15:27 *число апостолов…* — Эта строфа — характерный пример склонности Пруденция (и латинских поэтов вообще) указывать числа перифрастически; ср. *Perist.* III, 11; IV, 1 и пр. 12 — число апостолов, 70 (в некоторых рукописях Италы, 72 в Вульгате) — число учеников (Лк. 10:1).

57 слл. Нав. 3:13 слл.; 4:8. *Идет к истокам своим Иордан…* — Ср. *Perist.* VII, 66 слл.

61 слл. Нав. 2. *...блестящую червлень* (spectabile coccum). — Т. е. червленую веревку, спущенную ею из окна. *...во знаменье крови* (in signum sanguinis). — Томсон: a token of blood; Лаваренн: en signe d'aIIiance (замечая, что выражение темное и что он трактует *sanguis* в смысле parenté, «родство»). Возможно, Пруденций хотел акцентировать аллегорический смысл (принадлежность Раав к родословию Христа или то, что ее красное вервие было прообразом жертвенной крови Христа) и ради него деформировал буквальный смысл, сделав его темным.

65 слл. Суд. 14:5–8; 15:19. *Медлиется* (meIIa fluunt). — Ср. Вергилий. «Буколики», III, 89.

69 слл. Суд. 15:4.

73 слл. 1 Царств 16:17 слл.; 17:4 слл. Ср. *Psych.* 291 слл. *...ужасные брани* (horrida beIIa). — См. *Psych.* 902 и прим.

77 слл. *Рог* (cornu) — елеем из которого Самуил помазал Давида (1 Царств 16:13). *Рог креста* (cornu crucis) — т. е. его ветви (ср. напр. Тертуллиан. «Против Маркиона», III, 18).

81 слл. 3 Царств 6 и 10. *Зиждет Премудрость храм...* — Ср. *Psych.* 804 слл. *Храм, честимый от грек, одаряемый щедро от варвар.* — Как царица Савская, не принадлежа к еврейскому народу,

пришла оказать почтение храму Соломона, так и язычники вместе с иудеями образуют Христову церковь.

85 слл. 4 Царств 6:5–7.

89 слл. Пс. 136:1–3. Ср. *Hам.* 445 слл. *Горькия вербы* (salicis… amarae). — Ср. Вергилий. «Буколики», I, 78.

93 слл. 4 Царств 20:1-11. *День, что предписан ему, отдалить* (praescriptum proferre diem). — Ср. Сенека. «Геркулес в безумье», 190.

97 слл. Лк. 1:26–33. Ср. *Apoth.* 577 слл. *Божья пришествия близ* (adventante deo). — Ср. Вергилий. «Энеида», VI, 258.

101 слл. Мф. 2:6. Ср. *Cath.* XII, 77 слл. *Светоносец* (Lucifer) — т. е. утренняя звезда.

105 слл. Мф. 2:11. Ср. *Cath.* XII; *Apoth.* 608 слл. Принимая во внимание хронологическую последовательность картин, взаимное расположение этого и следующего четверостиший следует считать случайной перестановкой либо в тексте Пруденция, либо в череде описываемых им картин.

109 слл. Лк. 2:8-20. *…чествуют Бога* (numen adorant). — Та же клаузула: Овидий. «Метаморфозы», XI, 540; Ювенал, XIV, 97; Силий Италик, XVII, 183.

113 слл. Мф. 2:16. Ср. *Cath.* XII.

117 слл. Мф. 3:13–17. *…от эфира посланный* (aethere missus). — Ср. Вергилий. «Энеида», IV, 574.

121 слл. Мф. 21:42; Пс. 117:22. Невозможно угадать, к какой картине относится это четверостишие; возможно, изображается искушение Христа демоном на кровле храма (Мф.4:5–7); подробнее см. Prudence IV, 211.

125 слл. Ин. 2:1-10. Ср. *Cath.* IX, 28–30.

129 слл. Ин. 9:7. Пруденций смешивает здесь (как и в *Apoth.* 680)Силоамскую купель и Вифезду (Ин. 5:2–5). Ср. *Cath.* IX, 34–36.

133 слл. Мф. 14:6-11.

137 слл. Мф. 14:25–32. Ср. *Cath.* IX, 49–51; *Perist.* V, 475 сл.; *Apoth.* 653 слл. *Идет моря среди* (it mare per medium). — То же полустишие: Вергилий. «Энеида», XII, 452. *…длань Он правит, стопы утверждает* (manum regit et vestigia firmat). — Ср. Вергилий. «Энеида», III, 659. «Как будто Пруденций выставляет напоказ свое неуважение к вергилиевскому содержанию, словно говоря: „Я могу использовать тебя в любых целях“» (Smith 1976, 288).

141 слл. Мк. 5:1-13; Лк. 8:27–34. Ср. *Cath.* IX, 52–54; *Apoth.* 414 слл.; *Perist.* X, 37 слл. *Демон* — т. е. человек, одержимый демоном (у Матфея говорится о

двоих одержимых).

145 слл. Мф. 14:15–21. Ср. *Cath.* IX, 58–60; *Apoth.* 706–720.

149 слл. Ин. 11:1-44. Ср. *Cath.* IX, 46–48; *Apoth.* 741 слл.

153 слл. Мф. 27:5 слл.

157 слл. Мк. 14:64. *…без конца простертою будет* (sine fine iacebit). — Ср. Овидий. «Метаморфозы», XII, 316. Смысл ст.159 сл. тёмен (грешники не воскреснут при общем восстании из мертвых?..).

161 слл. Мк. 15:15. *Цел поднесь досточтимый сей столп и святилище держит.* — Согласно блаж. Иерониму («Послания», 108, 9), в Иерусалиме показывали поддерживающую церковный портик колонну, слывшую той самой, к которой был привязан Иисус. *В память нам, что живем мы от всякия плети свободны.* — Т. е. чтобы мы помнили, что Иисус Своими страстями освободил человека от рабства демону.

165 слл. Ин. 19:34; Лк. 23:39 слл. *…кровь есть победа…* — Т. е. мученичество дает избранным пальму на небесах. Ср. *Cath.* IX, 86 сл.; *Perist.* VIII, 15 слл.

169 слл. Мф. 28; 27:52 сл.

173 слл. Деян. 1:9. *…след мира напечатлевши.* — Отпечаток ноги Христа (иногда изображаемый на иконах Вознесения) по сию пору сохраняется на

плите, хранимой в одном из храмов на Елеонской горе (часовня, принадлежащая мусульманам). …*дар помазанья*… — Т. е. крещения.

177 слл. Деян. 7:57 слл. Ср. *Perist.* II, 369 слл. …*воздаянье за кровь* (mercedem sanguinis). -Т. е. награду за мученичество… *венца начальна* (primae… coronae)… — Игра слов (Стефан по-гречески значит «венец»).

181 слл. Деян. 3:2–7.

185 слл. Деян. 10:9-15. …*от высока эфира* (alto ex aethere)… — Ср. Стаций. «Фиваида», X, 73.

189 слл. Деян. 9:3–5. *Сосуд избрания* (vas electionis) — Деян. 9:15. … *очей лишась* (adempto lumine)… — См. *Psych.* 482 и прим.

193 слл. Откр. 4:4; 5:1–5.

Эпилог

Epil., симметричный *Praef.* в пруденциевском корпусе, написан дистихом из трохаического каталектического диметра и ямбического каталектического триметра.

[12] *И пешей песни* (pedestre carmen)… — *Pedester* применительно к стилю значит «не поднимающийся над землей, не возвышенный»; в формальном смысле — «написанный в прозе». Лавареннн: vers prosaïques, Томсон: the uninspired song. Мы решились на буквализм (хотя бы ради связи с горациевской «пешей Музой» — «Сатиры», II, 6, 17). См. Witke 1970, 142f. «Здесь прилагательное *pedester* больше не относится к риторическим *genera dicendi* — высокому, среднему и низкому. Оно относится к самому поэту, который в такой степени заедино со своим стихом, что его скромность (lowliness) как Божьего творения становится скромностью самого стихотворения в Божьем мире».

[13] *Премного скарба по углам различным.* — Образы, заимствованные у апостола Павла: ср. 2 Тим.2:20; Римл.9:21.

[35] [*Чьим правленьем живы мы.*] — Стих, видимо,

добавленный переписчиком.

Именной указатель[57]

Аарон — *Psych.* 548, 884.

Августий, мч. — *Perist.* VI, 7, 151.

Август (императорский титул) — *Perist.* II, 119.

Авель — *Perist.* V, 372; X, 829; *Ditt.* 7.

Аверн — *Psych.* 92.

Авраам (*Аврам*) — *praef. Psych.* 2, 4, 19, 34; *Ditt.* 17.

Аврора — *Psych.* 830.

Агнесса, мц. — *Perist.* XIV, 1, 31, 63, 67, 112.

Адам — *Psych.* 226; *Ditt.* 3.

Адонис — *Perist.* X, 228.

Адрианов мост — *Perist.* XII, 61.

Аквилон — *Psych.* 833.

Акелдама — *Ditt.* 153.

Алкмена — *Perist.* X, 227.

Алчность (Avaritia) — *Psych.* 454, 469, 481, 508, 585.

Альбанский — *Perist.* XI, 203.

Альмон — *Perist.* X, 160.

---

[57] Примечания: 57

Имена в названиях произведений не учитывались; напомним, что герои *Perist.* I, Эметерий и Хелидоний, не названы по имени в самом гимне, а Эметерий — и во всем «Перистефаноне».

Альпы — *Perist.* II, 538.
Амор — *Psych.* 436.
Ана (Гвадиана), р. — *Perist.* III, 189.
Аподем, мч. — *Perist.* IV, 159.
Аполлон — *Perist.* III, 76; X, 189 («ваш бог»).
Арелат (Арль), г. — *Perist.* IV, 35.
Арий — *Psych.* 794.
Аристон — *Perist.* X, 896, 1001.
Асклепиад, префект — *Perist.* X, 41, 108, 392, 547, 686, 921.
Ассирия — *Psych.* 60.
Аттис — *Perist.* X, 197 («младой галл»).
Африка — *Perist.* XIII, 96.
Ахар — *Psych.* 537.
Ацискл, мч. — *Perist.* IV, 19.

Баркинон (Барселона), г. — *Perist.* IV, 33.
Беллона — *Psych.* 236, 557.
Бережливость (Frugi) — *Psych.* 554.
Бессонница (Insomnia) — *Psych.* 464.
Бесстыдность (Petulantia) — *Psych.* 433.
Благочестие (Pietas) — *Psych.* 239.
Бледность (PaIIor) — *Psych.* 464.
Борей — *Psych.* 847.
Британны — *Perist.* XIII, 103.

Вавилон — *Perist.* VI, 110; *Ditt.* 90.

Валериан — 1) епископ Калагурры — *Perist.* XI, 2; 2) император — *Perist.* XIII, 35.
Валерии — *Perist.* IV, 79.
Васконы — *Perist.* I, 94; II, 537.
Велиал — *Psych.* 714.
Вельзевул — *Perist.* V, 267.
Венера — *Perist.* III, 76; X, 256.
Вера (Fides) — *Psych.* 22, 29, 37, 365, 716, 734, 748, 799, 801, 802, 874; *Perist.* II, 17; X, 352.
Вероломства (Periuria) — *Psych.* 464.
Веста — *Perist.* II, 511.
Веттония — *Perist.* III, 187.
Винценций, мч. — *Perist.* IV, 77, 89, 179; V, 3, 29, 273.
Вифания — *Ditt.* 149.
Вифлеем — *Perist.* X, 737; *Ditt.* 101.
Воздержность (leiunia) — *Psych.* 244.
Вулкан — *Perist.* II, 356, 404. См. *Лемносец.*

Габийский — *Perist.* X, 1015.
Гавриил, архангел — *Perist.* II, 454; *Ditt.* 98.
Гай, мч. — *Perist.* IV, 181.
Галерий, имп. — *Perist.* VII, 6; X, 31.
Галилеяне — *Ditt.* 126.
Галлиен, имп. — *Perist.* VI, 41, 45; XIII, 35.
Галлы — *Perist.* XIII, 103.
Генесий, мч. — *Perist.* IV, 35.

Геркулес — *Perist.* X, 215, 283, 884. См. *Тиринфий*.
Герунда (Герона), г. — *Perist.* IV, 30.
Геспер — *Perist.* X, 329.
Гесперия — *Perist.* XIII, 104.
Гиацинт — *Perist.* X, 188 («отрок совращенный»).
Гиппократ — *Perist.* X, 498.
Глад (Fames) — *Psych.* 464.
Голиаф — *Psych.* 291; *Ditt.* 76.
Гоморра, г. — *praef. Psych.* 17; *Perist.* V, 194.
Горгона — *Perist.* X, 278.
Гордыня (Superbia) — *Psych.* 178, 203.

Давид — *Psych.* 386; *Perist.* X, 838; *Ditt.* 73, 77.
Дациан, префект — *Perist.* V, 40, 130, 421.
Дельфы — *Perist.* X, 188.
Диана — *Perist.* X, 281.
Доблесть (Virtus) — *Psych.* 19, 125, 174, 176, 177, 274, 307, 344, 500, 553, 558, 566, 569, 584, 589, 664, 689, 694, 699, 706, 716, 748, 769, 798.
Дума Смиренная (Mens humilis) — *Psych.* 199, 203, 248.

Ева — *Ditt.* 1.
Евлалия, мц. — *Perist.* III, 1, 31, 135, 164, 178; IV, 38 («досточтимая девственница»); XI, 238.
Евлогий, мч. — *Perist.* VI, 8, 152.

Евморфион — *Perist.* V, 466.
Евреи — *Perist.* II, 383; *Ditt.* 89.
Египет — *Perist.* II, 381; X, 254.
Езекия — *Ditt.* 93.
Елим — *Ditt.* 55.
Ересь — *Psych.* 710, 725.

Забота (Cura) — *Psych.* 464.
Злодеянье (Scelus) — *Psych.* 630.
Злоумышленья (Commenta) — *Psych.* 465.
Зоил, мч. — *Perist.* IV, 19.

Ибер (Эбро), р. — *Perist.* II, 537.
Иберы — *Perist.* XIII, 104.
Иберия — *Perist.* I, 4, 117; VI, 5, 144.
Идейская мать — *Perist.* X, 155, 200, 1062, 1074. См. *Кибеба.*
Иерихон — *Psych.* 536; *Ditt.* 61.
Иерусалим — *Psych.* 811.
Иессей — *Ditt.* 74.
Изнуренность (Labor) — *Psych.* 629.
Израиль — *Psych.* 650; *Perist.* I, 40.
Илия, пророк — *Perist.* V, 405.
Иллирия — *Perist.* VII, 8.
Индия — *Perist.* X, 279.
Иоанн Креститель — *Perist.* V, 376; *Ditt.* 117, 134.
Иов — *Psych.* 164.

Ионафан — *Psych.* 397.
Иордан, р. — *Psych.* 99; *Perist.* VII, 66; *Ditt.* 57.
Ипполит, мч. — *Perist.* XI, 19, 86, 87, 169, 181, 246.
Ирод — *Ditt.* 114.
Исаак — *Perist.* X, 748.
Исайя, пророк — *Perist.* V, 524.
Исида — *Perist.* III, 76.
Искариот — см. *Иуда*.
Испанцы — *Perist.* VI, 4.
Италийцы — *Perist.* IX, 1.
Иуда — 1) патриарх — *Psych.* 383, 543, 547; 2) Иуда Искариот — *Psych.* 529; *Ditt.* 155.
Иудеи — *Perist.* II, 365,
Иул (Юл) — *Perist.* II, 456.

Каин — *Ditt.* 8.
Каифа — *Ditt.* 157.
Калагурра (Калахорра), г. — *Perist.* IV, 31.
Камилл (М. Фурий Камилл) — *Perist.* II, 14.
Кампания — *Perist.* XI, 207.
Канопа, г. — *Perist.* III, 59; X, 255.
Капуя, г. — *Perist.* XI, 208.
Карфаген, г. — *Perist.* IV, 17, 61 («пунийских стран... матерь»); XIII, 51, 71. *Кассиан* — 1) из Корнелиева Форума, мч. — *Perist.* IX, 6, 94, 106; 2) из *Тинге*, мч. — *Perist.* IV, 45.

Катон — *Perist.* II, 446

Квинтилиан, мч. — *Perist.* IV, 152.

Квирин — 1) еп. Сисцийский — *Perist.* VII, 2, 37; 2) культовое имя Ромула — *Perist.* II, 419.

Кибеба (Кибела) — *Perist.* X, 196.

Киприан, еп. Карфагенский — *Perist.* IV, 18; XI, 237; XIII, 2, 8, 38, 53, 59. См. *Фасций*.

Киприда — *Perist.* X, 230.

Клавдия — *Perist.* II, 528.

Кносс — *Perist.* X, 619.

Комплют (Алькала), г. — *Perist.* IV, 43.

Кордуба (Кордова), г. — *Perist.* IV, 19.

Корнелий — см. *Сулла*.

Косс — *Perist.* II, 14.

Коттиев хребет (Коттиевы Альпы) — *Perist.* II, 539.

Кременций, мч. — *Perist.* IV, 182.

Кукуфат, мч. — *Perist.* IV, 33.

Лаврентий, мч. — *Perist.* II, 3, 15, 23, 53, 109, 139, 183, 501, 527, 549.

Лазарь — *Ditt.* 150.

Латинский — *Perist.* X, 254.

Лацийский — *Perist.* XI, 191.

Лемносец (*Вулкан*) — *Perist.* X, 213.

Лерна — *Perist.* X, 881.

Либер — *Perist.* X, 274.

Ливия — *Perist.* XIII, 4, 102.
Ложь (Fraus) — *Psych.* 258, 259, 268, 630.
Лот — *praef. Psych.* 16, 32.
Лузитания — *Perist.* IV, 37.
Луперк, мч. — *Perist.* IV, 146.

Маворс — *Psych.* 240; *Perist.* X, 411, 611.
Маккавеи — *Perist.* V, 523, 533; X, 776.
Максимиан, имп. — *Perist.* III, 77, 81.
Мамврийский дуб — *Ditt.* 13.
Мария — *Psych.* 70 («непорочная девица»), 88, 384; *Ditt.* 100.
Марс — *Psych.* 118, 215, 549; *Perist.* X, 212, 619. См. *Маворс*.
Марциал, мч. — *Perist.* IV, 149.
Масличная (Елеонская) *гора* — *Ditt.* 173.
Массилы — *Perist.* IV, 46.
Мелхиседек — *praef. Psych.* 43.
Ментор — *Perist.* X, 291.
Минерва — *Perist.* X, 275; XIV, 27.
Мир (Pax) — *Psych.* 632, 668.
Мирон — *Perist.* X, 269.
Моисей — *Perist.* II, 363 («законодатель»); VI, 86; *Ditt.* 36, 38, 51, 53.

Надежда (Spes) — *Psych.* 201, 278, 284.
Нарбон (Нарбонна), г. — *Perist.* IV, 34.

Насильство (Vis) — *Psych.* 629.
Нерон, имп. — *Perist.* II, 472; XII, 11, 23.
Нестор — *Perist.* X, 408.
Неэра — *Perist.* X, 240.
Нил — *Psych.* 655.
Новат — *Perist.* XI, 19, 29.
Нола, г. — *Perist.* XI, 208.
Нума Помпилий — *Perist.* II, 444, 514; X, 402.

Обман (Dolus) — *Psych.* 464.
Олоферн — *Psych.* 60.
Оптат, мч. — *Perist.* IV, 146.
Остия — *Perist.* XI, 151; XII, 45.

Павел — 1) апостол — *Perist.* II, 461 («труба язычников»), 469; XI, 32; XII, 4, 23, 45; XIII, 18; *Ditt.* 190; 2) мученик — *Perist.* IV, 34.
Паллада — *Perist.* II, 511
Параклит — *Perist.* X, 430.
Парос — *Perist.* XI, 187; XII, 51.
Пастор, мч. — *Perist.* IV, 41.
Персский (персидский) — *Perist.* X, 363.
Петр, ап. — *Perist.* II, 462 («первой кафедры владетель»), 470; VII, 61; XI, 32; XII, 4, 11, 31; *Ditt.* 184, 185.
Пирены (*Пиренеи*) — *Perist.* II, 540; VI, 147.
Пирра — *Perist.* X, 410.

Пицены, г. — *Perist.* XI, 206.
Плутон — *Perist.* V, 99.
Поликлет — *Perist.* X, 269.
Порча (Corruptela) — *Psych.* 464.
Посмех (Iocus) — *Psych.* 433.
Похоть (Libido) — *Psych.* 42, 87, 98.
Праведность (Iustitia) — *Psych.* 243.
Премудрость (Sapientia) — *Psych.* 875, 915; *Ditt.* 81.
Преступленья (Crimina) — *Psych.* 468.
Приап — *Perist.* X, 242.
Приверженность древним богам (veterum Cultura deorum) — *Psych.* 29.
Примитив, мч. — *Perist.* IV, 158.
Простота (Simplicitas) — *Psych.* 246.
Пруденций — *Perist.* II, 581.
Публий, мч. — *Perist.* IV, 153.
Пунийцы — *Perist.* IV, 61; XIII, 1.
Пышность (Luxus) — *Psych.* 455.

Раав — *Ditt.* 61.
Распря (Discordia) — *Psych.* 442, 683, 709. См. *Ересь*.
Рассудительность (Ratio) — *Psych.* 502, 505.
Рем — *Perist.* II, 425.
Рим (*Рома*) — *Praef.* 41; *Perist.* II, 2, 261, 417, 467, 476, 542, 559; IV, 62; V, 108; IX, 3; X, 31, 167, 255, 414;

XI, 6, 41, 43, 82, 152, 231; XII, 2, 65.

Роман, мч. — *Perist.* X, 1, 52, 62, 66, 458, 587, 666, 795, 852, 926, 1006, 1139.

Ромул — *Perist.* II, 310, 412, 443; X, 413, 611; XI, 1; XII, 57; XIV, 1.

Роскошь (Pompa) — *Psych.* 439.

Савл — *Ditt.* 190.

Сагунт — *Perist.* IV, 100.

Салия (Флавий Салия) — *Praef.* 24.

Самниты — *Perist.* XI, 207.

Самсон — *Ditt.* 65, 69.

Самуил — *Psych.* 388.

Сарра — *praef. Psych.* 47; *Ditt.* 15.

Сатурн — *Perist.* II, 452; X, 206 («златого века созидатель»).

Сатурнины, мчч. — *Perist.* IV, 163.

Септемтрионы — *Perist.* X, 329.

Сикст, еп. Римский — *Perist.* II, 22.

Силоам — *Ditt.* 131.

Сисция (Сисак), г. — *Perist.* VII, 3.

Скантиниев закон — *Perist.* X, 204.

Скаредность (Sordes) — *Psych.* 464.

Сладострастность (Luxuria) — *Psych.* 311, 342, 378.

Согласность (Concordia) — *Psych.* 644, 670, 690, 734, 747, 749, 800, 801, 824.

Содом, г. — *praef. Psych.* 17; *Psych.* 42; *Perist.* V, 195.

Соломон — *Psych.* 807; *Ditt.* 81, 182.

Статор — см. *Юпитер*.

Стеркул — *Perist.* II, 449.

Стефан, мч. — *Perist.* II, 371; *Ditt.* 177.

Стикс — *Psych.* 520.

Страх (Metus) — *Psych.* 464, 629.

Стыд (Pudor) — *Psych.* 245.

Стыдливость (Pudicitia) — *Psych.* 41, 99, 238.

Субура — *Perist.* XI, 45.

Сукцесс, мч. — *Perist.* IV, 149.

Сулла (*Л. Корнелий Сулла* Феликс) — *Perist.* IX, 1.

Тарпейский — *Perist.* V, 106.

Тарракон (Таррагона), г. — *Perist.* IV, 23; VI, 2, 159.

Тартар — *Psych.* 90, 521; *Perist.* II, 288; V, 200; X, 475; XIII, 52.

Терпеливость (Patientia) — *Psych.* 109, 128, 155, 175, 177.

Тибр — *Perist.* XI, 40, 174; XII, 7, 29, 63.

Тинге (Танжер), г. — *Perist.* IV, 45.

Тир, г. — *Perist.* XIII,51.

Тиринфий — *Perist.* X, 239.

Тирренское море — *Perist.* XI, 47.

Тревога (Anxietas) — *Psych.* 464.
Трезвость (Sobrietas) — *Psych.* 244, 345, 403, 417, 450.
Троя — *Perist.* II, 445; XI, 6

Умильность (Venustas) — *Psych.* 440.
Урбан, мч. — *Perist.* IV, 150.
Услада (Voluptas) — *Psych.* 444.

Фавн — *Perist.* X, 242.
Фалерн — *Psych.* 368.
Фасций (Цецилий *Фасций Киприан*) — *Perist.* XIII, 88, 93.
Феликс, мч. — *Perist.* IV, 29, 155.
Фессалия — *Perist.* X, 869.
Фидий — *Perist.* X, 292.
Фотин, еп. Сирмийский — *Psych.* 794.
Фригия — *Perist.* II, 448.
Фронтон, мч. — *Perist.* IV, 154.
Фруктуоз, еп. Тарраконский — *Perist.* IV, 23; VI, 2, 12, 18, 76, 150, 158.

Хелидоний, мч. — XI, 237.
Христос — *praef. Psych. 59; Psych.* 1, 4, 57, 74, 289, 378, 381, 406, 543, 622, 642, 735, 751, 764, 775, 777, 785, 810, 889, 910; *Perist.* I, 2, 21, 32, 42, 45, 58, 67; II, 2, 124, 130, 298, 307, 376, 394, 413, 433, 453, 468, 492, 500, 515, 573, 578, 582; III, 138; IV, 7, 14, 22, 39, 48, 50,

54, 71, 72, 142, 170; V, 8, 38, 58, 86, 91, 128, 268, 276, 297, 348, 364, 476, 558, 566; VI, 9, 21, 46, 58, 84, 114, 137, 161; VII, 33, 56, 85; VIII, 1, 17; IX, 4, 55, 85; X, 1, 22, 35, 125, 176, 354, 429, 468, 474, 475, 535, 563, 569, 600, 621, 638, 642, 643, 649, 669, 674, 685, 714, 733, 818, 834, 928, 952, 1119; XI, 2, 15, 61, 110, 182, 240; XII, 26, 44; XIII, 6, 8, 20, 25, 32, 48, 49, 55, 56, 75, 91, 104; XIV, 12, 32, 53, 58, 79, 84, 85; *Ditt.* 24, 79, 83, 100, 101, 103, 105, 110, 114, 119, 127, 142, 155, 158, 165, 169, 173, 178, 183; *Epil.* 27, 34.

Цезаравгуста (Сарагоса), г. — *Perist.* IV, 3, 54, 142.

Цезарь — 1) Г. Юлий Цезарь — *Perist.* II, 14; 2) в значении «император» — *Perist.* I, 34, 62; II, 95, 97; V, 66, 108; VI, 41.

Церера — *Perist.* X, 236.

Цецилиан, мч. — *Perist.* IV, 156.

Честность (Honestas) — *Psych.* 243.

Щедрота (Operatio) — *Psych.* 573.

Эвмениды — *Psych.* 466.

Эвоций, мч. — *Perist.* IV, 157.

Эмерита (Мерида), г. — *Perist.* III, 3, 186; IV, 37 («глава твердынь лузитанских»).

Эмилиан — *Perist.* VI, 34.

Энкратида, мц. — *Perist.* IV, 109, 178.
Эриния — *Psych.* 566.
Эскулап — *Perist.* X, 257.
Этруски — *Perist.* XI, 206.

Юдифь — *Psych.* 62.
Юлиев закон — *Perist.* X, 203.
Юлия, мц. — *Perist.* IV, 151.
Юнона — *Perist.* II, 466 («сестра»); X, 214, 287.
Юпитер — *Perist.* II, 12, 465; VI, 39; X, 201, 209, 233, 272, 295, 396, 618; XIII, 93.
Юпитер Статор — *Perist.* X, 415.
Юст, мч. — *Perist.* IV, 41.

Ян (Янус) — *Perist.* II, 449.
Яникул — *Perist.* XI, 45.
Ярость (Ira) — *Psych.* 113, 131, 145, 161, 379.

Литература

Альбрехт 2005 — Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. Т. III. М., 2005.

Богатова 1998 — Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности: К проблеме религиозного синкретизма в античности. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 1998.

Бойцов 2009 — Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

Болотов I–IV — Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. I–IV. М., 1994.

Браун 2004 — Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004.

Буасье 1892 — Буасье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке / Пер. с франц. под ред. и с предисл. М.С. Корелина. М., 1892.

Вяземский 1984 — Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984.

Гаспаров 2003 — Гаспаров М.Л. Очерк истории

европейского стиха. М., 2003.

Гаспаров, Рузина 1978 — Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские центоны. (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. М., 1978. с. 190–211.

Голенищев-Кутузов 1972 — Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.

Казаков 1995 — Казаков М.М. Рим на пути от язычества к христианству: алтарь Победы // ВДИ. 1995. № 4. с. 161–174.

Клавдиан 2008 — Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений / Перевод, вступ. ст., комм. и указатели Р.Л. Шмаракова. СПб., 2008.

Памятники средневековой латинской литературы 1972 — Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1972.

Пареди 1991 — Пареди А. Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан, 1991.

Петров 2003 — Петров А.В. Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб., 2003.

Ранович 1990 — Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.

Таруашвили 1998 — Таруашвили Л.И. Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках ордерного зодчества. М., 1998.

Уколова 1992 — Уколова В.И. Поздний Рим: Пять портретов. М., 1992.

Филон 2000 — Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М., 2000.

Фокин 2005 — Фокин А.Р. Латинская патрология. Т. I. М., 2005.

Цветков 1890 — Цветков П.И. Аврелий Пруденций Клемент. М., 1890.

Шмараков 2006 — Шмараков Р.Л. Поэзия Клавдиана в русской литературе: эпоха классицизма. М., 2006.

Barnes 1976 — Barnes T.D. The historical setting of Prudentius Contra Symmachum // AJPh 97:4 (1976). P. 373–386.

Brugisser 2002 — Brugisser Ph. Rarissimes païens. L'art du persiflage dans le «Contre Symmaque» de Prudence // Historia: Zeitschrift für alte Geschichte 51:2 (2002). P. 238–253.

Bureau 2003 — Bureau B. L'utilisation de la Bible dans la Psychomachie de Prudence // Vita Latina 168 (2003). P. 94–124.

Burrus 1995 — Burrus V. Reading Agnes: the rhetoric of gender in Ambrose and Prudentius // Journal of early Christian studies 3:1 (1995). P. 25–46.

Cambridge history 1982 — The Cambridge history of classical literature. II. Latin literature. Ed. by E.J. Kennedy. Cambridge, 1982.

Cameron 1970 — Cameron A. Claudian. Poetry and propaganda at the court of Honorius. Oxford, 1970.

Cameron 1995 — Cameron A. Ancient anagrams // AJPh 116 (1995). P. 477–483.

Cambronne 2002 — Cambronne P. Metamorphoses de la Terre Promise. Le Temple de l'Âme dans la *Psychomachia* de Prudence // Revue des Études Anciennes. 104 (2002). P. 445–474.

Charlet 1988 — Charlet J.-L. Aesthetic trends in late Latin poetry (325–410) // Philologus 132:1 (1988). P. 74–85.

Charlet 2003 — Charlet J.-L. Signification de la préface à la *Psychomachia* de Prudence // Revue des Études Latines 81 (2003). P. 232–251.

Conybeare 2002 — Conybeare C. The ambiguous laughter of saint Laurence // Journal of early Christian studies 10:2 (2002). P. 175–202.

Coçkun 2008 — Coçkun A. Zur Biographie des Prudentius // Philologus 152 (2008). P. 294–319.

Curtius 1953 — Curtius E.R. European literature

and the Latin Middle Ages / Transl. WiIIard R. Trask. New York, 1953.

Deproost 1999 — Deproost P.-A. Le martyre chez Prudence: sagesse et tragédie. La réception de Sénèque dans le *Peristephanon Liber* // Philologus 143 (1999). P. 161–180.

Deproost 2008 — Deproost P.-A. Mémoire et dévotion dans la célébration poétique des martyrs chez Prudence // Mémoire et identité, parcours dans l'imaginaire occidental. Louvain, 2008. P. 357–375.

Elm 1996 — Elm S. «Pierced by bronze needles»: anti-Montanist charges of ritual stigmatization in their fourth-century context // Journal of early Christian studies 4:4 (1996). P. 409–439.

Frankfurter 2009 — Frankfurter D. Martyrology and the prurient gaze // Journal of early Christian studies 17:2 (2009). P. 215–245.

Fux 2003 — Fux P.-Y. Les sept passions de Prudence (Peristephanon 2. 5. 9. 11–14). Introduction générale et commentaire. Freiburg, 2003.

Gnilka 1990 — Gnilka C. Zur Rede der Roma bei Symmachus Rel. 3 // Hermes 118:4 (1990). P. 464–470.

Gosserez 2002 — Gosserez L. Imago Agnetis (Prudence *Pe.* XIV) // Revue des Études Latines 80 (2002). P. 189–205.

Harries 1984 — Harries J. Prudentius and

Theodosius // Latomus 43 (1984). P. 69–84.

Haworth 1980 — Haworth K. Deified virtues, demonic vices and descriptive aIIegory in Prudentius Psychomachia. Amsterdam, 1980.

Herzog 1966 — Herzog R. Die aIIegorische DiAtkunst des Prudentius. München, 1966 (Zetemata 42).

Hoffmann 2001 — Hoffmann M. Statianische Szenen im «Peristephanon» des Prudentius // Hermes 129:4 (2001). P. 533–541.

Kasser 2002 — Kasser Ch. The body is not painted on: ekphrasis and exegesis in Prudentius Peristephanon 9 // Ramus 31 (2002). P. 158–174.

Kubiak 1998 — Kubiak D.P. Epic and comedy in Prudentius Hymn to St. Eulalia. *Peristephanon* 3 // Philologus 142 (1998). P. 308–325.

Kudlien 1962 — Kudlien F. Krankheitsmetaphorik im Laurentiushymnus des Prudentius // Hermes 90:1 (1962). P. 104–115.

Lamberton 1989 — Lamberton R. Homer the Theologian: neoplatonist aIIegorical reading and the growth of the epic tradition. Berkeley, 1989.

Lana 1962 — Lana I. Due capitoli prudenziani: la biografia, la cronologia deIIe opere, la poetica. Roma, 1962.

Lewis 1936 — Lewis C.S. The AIIegory of Love: a study in medieval tradition. Oxford, 1936.

Malamud 1989 — Malamud M. A poetics of transformation: Prudentius and classical mythology. Ithaca, 1989.

Malamud 2002 — Malamud M. Writing original sin // Journal of early Christian studies 10:3 (2002). P. 329–360.

Mastrangelo 2008 — Mastrangelo M. The Roman self in late antiquity: Prudentius and the poetics of the soul. Baltimore, 2008.

Matthews 1975 — Matthews J. Western aristocracies and imperial court: *A.D.* 364–425. Oxford, 1975.

MiIIer 2000 — MiIIer P.C. «The little blue flower is red»: relics and the poetizing of the body // Journal of early Christian studies 8:2 (2000). P. 213–236.

Palmer 1989 — Palmer A.-M. Prudentius on the martyrs. Oxford, 1989.

Paxson
1994 — Paxson J. The poetics of personification. Cambridge, 1994.

Petruccione 1990 — Petruccione J. The portrait of St. Eulalia of Merida in Prudentius Peristephanon 3 // Analecta BoIIandiana 108 (1990). P. 81–104.

Petruccione 1991 — Petruccione J. The persecutor's envy and the rise of the martyr cult: «Peristephanon» hymns 1 and 4 // VChr 45 (1991). P. 327–346.

Petruccione 1995 — Petruccione J. The martyr death

as sacrifice: Prudentius, Peristephanon 4.9-72 // VChr 49 (1995). P. 245–257.

Prudence I–IV — Prudence. Œuvres. Texte établi et traduit par M. Lavarenne. T. I–IV. Paris, 1961–1963.

Prudentius I–II — Prudentius. With an English translation by H.J. Thomson. Vol. I–II. London, 1949–1953.

Roberts 1989 — Roberts M. The jeweled style. Poetry and poetics in the late antiquity. Ithaca, 1989.

Roberts 1989a — Roberts M. The use of myth in Latin epithalamia from Statius to Venantius Fortunatus // TAPhA 119 (1989). P. 321–348.

Roberts 1993 — Roberts M. Poetry and the cult of the martyrs: the *Liber Peristephanon* of Prudentius. Ann Arbor, 1993.

Roberts 2001 — Roberts M. Rome personified, Rome epitomized: representations of Rome in the poetry of the early fifth century // AJPh 122:4 (2001). P. 533–565.

Roberts 2001a — Roberts M. The last epic of antiquity: generic continuity and innovation in the *Vita sancti Martini* of Venantius Fortunatus // TAPhA 131 (2001). P. 257–285.

Rohmann 2003 — Rohmann D. Das langsame Sterben der Veterum Cultura Deorum: Pagane Kulte bei Prudentius // Hermes 131:2 (2003). P. 235–253.

Ross 1995 — Ross J. Dynamic writing and martyrs bodies in Prudentius *Peristephanon* // Journal of early Christian studies 3:3 (1995). P. 325–355.

Salzman 2001 — Salzman M. Competing claims to «nobilitas» in the Western empire of the fourth and fifth centuries // Journal of early Christian studies 9:3 (2001). P. 359–385.

Schetter 1982 — Schetter W. Prudentius, Peristephanon 8 // Hermes 110 (1982). P. 110–117.

Seng 2000 — Seng H. Aspekte metrisAer Theorie im *Cathemerinon* des Prudentius // VChr 54 (2000). P. 417–431.

Shaw 1996 — Shaw B. Body / power / identity: passions of the martyrs // Journal of early Christian studies 4:3 (1996). P. 269–312.

Shaw 2003 — Shaw B. Judicial nightmares and Christian memory // Journal of early Christian studies 11:4 (2003). P. 533–563.

Smith 1976 — Smith M. Prudentius *Psychomachia*: a reexamination. Princeton, 1976.

SteIIa Marie 1962 — SteIIa Marie. Prudentius and Juvenal // Phoenix 16:1 (1962). P. 41–52.

Thraede 1965 — Thraede K. Studien zu Sprache und Stil des Prudentius. Göttingen, 1965 (Hypomnemata 13).

Trout 2003 — Trout D. Damasus and the invention

of early Christian Rome // Journal of medieval and early modern studies 33:3 (2003). P. 517–536.

Van Slyke 2005 — Van Slyke D.G. The devil and his pomps in fifth-century Carthage: renouncing spectacula with spectacular imagery // Dumbarton Oaks Papers 59 (2005). P. 53–72.

Viscardi 1997 — Viscardi G. La vision du martyre de saint Hippolyte ou la mortification transfigurée: Prudence, *Peristephanon* 11 // Latomus 56.2 (1997). P. 360–381.

Wetherbee 1972 — Wetherbee W. Platonism and poetry in the 12th century. The literary influence of the school of Chartres. Princeton, 1972.

White 1978 — White L.T. Medieval religion and technology: coIlected essays. Berkeley, 1978.

Witke 1970 — Witke Ch. Numen litterarum: the old and the new in Latin poetry from Constantine to Gregory the Great. Leiden, 1971.

Zeitlin 1982 — Zeitlin F. Cultic models of the female: rites of Dionysos and Demeter // Arethusa 15 (1982). P. 140–155.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории
МТ — Московский Телеграф
AJPh — American Journal of Philology

PG — Patrologiae cursus completus, series Graeca

PL — Patrologiae cursus completus, series Latina

PLRE — Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. Prosopography of Later Roman Empire. Vol. I–III. Camb., 1971–1992.

TAPhA — Transactions of the American Philological Association

VChr — Vigiliae Christianae

Сокращенные обозначения произведений Пруденция

Apoth. — Апотеосис
Cath. — Катемеринон
Ditt. — Диттохеон
Epil. — Эпилог
Ham. — Гамартигения
Perist. — Перистефанон
praef. — вступление (к отдельным книгам)
Praef. — Вступление (ко всему корпусу)
Psych. — Психомахия
Symm. — Против Симмаха